

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3 (8), 2015

Филология. История. Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(*председатель*)
- С. А. Сырбу**, д-р хим. наук
(*зам. председателя*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усольцева**, д-р хим. наук
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук
- Л. В. Михеева**
(*ответственный секретарь*)

**РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:**

- А. А. Григорян**, д-р филол. наук
(*главный редактор серии*)
- О. М. Карпова**, д-р филол. наук
- А. Н. Таганов**, д-р филол. наук
- О. А. Павловская**, канд. филол. наук
- А. А. Корников**, д-р ист. наук
- Д. И. Польшвинный**, д-р ист. наук
- К. Е. Балдин**, д-р ист. наук
- В. М. Тюленев**, д-р ист. наук
- Г. С. Смирнов**, д-р филос. наук
- Т. Б. Кудряшова**, д-р филос. наук
- Д. Г. Смирнов**, д-р филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс: (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 3 (8), 2015

Philology. History. Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362
tel./fax: (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Анцыферова О. Ю. Поэтика детективной прозы А. К. Грин	5
Капустин Н. В. Комедия А. Н. Островского «Не в свои сани не садись»: о динамике текстовых изменений	8
Овчинина И. А. Особенности поэтики комедии А. Н. Островского «На бойком месте»	13
Дагладян А. Х., Григорян А. А. Донские армяне: Геворк Джалашьян	18
Маякина М. А. Основные характеристики межличностного общения в рамках дружеского дискурса	22
Пастухова Е. Н. К вопросу о дифференциации синонимов в древнеанглийской героической поэзии	26

История

Балдин К. Е. Мемуары Н. Г. Гусева о паломничестве в Палестину (конец XIX в.)	33
Ильин Ю. А. Иваново-вознесенская губернская партийная организация на начальном этапе НЭПа: организационные и кадровые проблемы, пути их решения (1921 — весна 1923 г.)	43

Философия

Смирнова И. Н. Категория кризисного сознания: теоретические представления и практики измерения	52
Никифоров А. С. Глобальный разум ноосферы: пространство категориального дискурса	58
Грищенко И. Г. Контраверсы психосферы: пантономия против дегуманизации	66
Платонова Ю. В. Путешествие как способ прикоснуться к иррациональному глобальному сознанию: ноосферно-универсумный подход	72
Обрезков А. А. К вопросу о степени энтропийности языка	76

Наши поздравления

Онтология жизненного мира: к 75-летию юбилею профессора А. В. Ерахтина	81
---	----

Памятные страницы

Хозяйка ноосферного лица: памяти В. Г. Сухаревой	83
--	----

<i>Сведения об авторах</i>	86
----------------------------------	----

<i>Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета»</i>	88
--	----

CONTENTS

Philology

Antsyferova O. Yu. On poetics of A. K. Green's detective fiction	5
Kapustin N. V. Ostrovsky's comedy «Stay in your own sled»: changes in the text	8
Ovchinina I. A. Peculiarities of the poetics of the comedy «Na boykom meste» by A. N. Ostrovsky	13
Dagldiyani A. H., Grigoryan A. A. Armenians of the Don Region: Gevork Dzhilashian	18
Mayakina M. A. Key Parameters of Interpersonal Communication within the Framework of Friendly Discourse	22
Pastukhova E. N. On the problem of semantic differentiation of synonyms in Old English heroic poetry	26

History

Baldin K. E. N. Gusev memoirs about the pilgrimage to the Palestine at the end of the XIX c.	33
Ilyin Y. A. Ivanovo-vozneshenskaya provincial party organization at the beginning of the NEP: organizational and staffing problems, ways of their solution (1921 — the Spring of 1923)	43

Philosophy

Smirnova I. N. Category of crisis consciousness: theoretical concepts and measure- ment practices	52
Nikiforov A. S. The global mind of noosphere: the space of categorical discourse	58
Grischenuk I. G. Controversy of psychosphere: pantonomy against dehumanization	66
Platonova Yu. V. Journey as a way to touch the irrational global consciousness: noospheric and universum approach	72
Obrezkov A. A. Issues on the degree of language entropiness	76

Our Congratulations

Ontology of life world: to celebrate Prof. Erakhtin's 75-year jubilee	81
---	----

Memorable pages

The hostess of the noospheric lyceum: to the memory of V. G. Sukhareva	83
--	----

<i>Information about the authors</i>	86
--	----

<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	88
---	----

ПОЭТИКА ДЕТЕКТИВНОЙ ПРОЗЫ А. К. ГРИН

Впервые в отечественном литературоведении изучается вклад американской писательницы А. К. Грин в становление жанра детектива, рассматривается национальный и европейский контекст ее литературной деятельности. Повесть «XYZ. A Detective Story» (1883) анализируется с точки зрения функционирования в ней основных принципов поэтики двоичности и игры с измененными идентичностями, изучается реализация в ней семантического поля концепта *counterfeit*.

Ключевые слова: американский детективный канон, генезис детектива, популярная литература, феномен читательского успеха, образ сыщика, поэтика детектива.

For the first time in Russian literary studies the paper introduces «the mother of the detective fiction» A. K. Green and examines her role in the history of the detective genre viewing it in the context of her national and European contemporaries. «XYZ. A Detective Story» (1883) is analyzed as an illustration of Green's poetics of dualities and hidden identities, semantic play with the key-concept *counterfeit* is studied.

Key words: American detective canon, genesis of the detective genre, popular literature, phenomenology of success, a serial detective, poetics of detective genre.

Любой разговор об истории и становлении детективного жанра не обходится без упоминания имени американки Анны Катарини Грин (1846—1935). Само слово «детектив» («detective»), столь прочно укоренившееся для обозначения криминального расследования в литературе, впервые было использовано не Эдгаром По, а именно забытой ныне писательницей, которую порой называют «матерью детективной прозы» [3, 4]. Ее творческое наследие (тридцать четыре романа, три сборника рассказов, поэзия, драма), во всяком случае в его детективной ипостаси, достойно изучения, во-первых, для того, чтобы определить место столь знаковой фигуры в истории детектива; во-вторых, чтобы разобраться в причинах феноменального успеха, выпавшего на ее долю в конце XIX века («Дело Ливенвортов» стало первым национальным бестселлером [1]) — и безнадежно угасшего в XX.

Анна Катарина Грин происходила из семьи адвоката, и бесконечные домашние разговоры о судах, о только что учрежденной городской нью-йоркской полиции повлияли на круг ее интересов. Кроме того, она получила хорошее образование, закончив частный женский колледж Рипли в Вермонте в 1866 году, что было достаточно редким явлением по тем временам. Она происходила из семьи с пуританскими корнями и всю жизнь принадлежала к пресвитерианской церкви. Это, безусловно, наложило отпечаток на представления писательницы о справедливости, раскаянии и возмездии. Она мечтала стать поэтессой и, для того чтобы заработать деньги на издание собственных стихотворений, принялась писать детективный роман, над которым

тайком работала шесть лет. Литературный дебют тридцатидвухлетней А. К. Грин имел оглушительный успех, который объяснялся, конечно, тем, что выход в свет «Дела Ливенвортов» («The Leavenworth Case. A Lawyer's Story», 1878) пришелся на время растущей популярности детективного жанра. (Неслучайно именно с Грин хотел встретиться сэр Артур Конан Дойль в Буффало во время своего путешествия с лекциями по Америке в 1894 году.) Успеху способствовал и удачный выбор издателя: Джон Патнем сотрудничал с женщинами-писательницами и отстаивал ценности викторианской морали, которой неукоснительно следовала Грин. Кроме того, именно Грин первой стала активно осваивать Нью-Йорк, сделав его местом действия большинства своих произведений. Вслед за У. Коллинзом и Э. Габорио она чаще всего обращалась к жизни светского общества, и это стало еще одним фактором читательского успеха. Ее целевой аудиторией был средний класс («читатели газет», как она сама говорила), и она замешивала свои детективы на двух наиболее горячо любимых газетных разделах — светской и судебной хрониках. На страницах книг Грин впускала своего демократического читателя в гламурные особняки нью-йоркской элиты на Пятой авеню.

Детективы Грин во многом опираются на романтическую поэтику контрастов и бинарных оппозиций, которая, ввиду своей очевидности и кажущейся простоты, была благополучно усвоена и клиширована популярной литературой. Конструируя сюжет, систему образов, хронотоп своего первого романа, Грин использует систему двойничества. В «Деле Ливенвортов» — два убийства (Хорейшо Ливенворта и горничной Ханны Честер), две главные подозреваемые (Элинора и Мэри Ливенворт), два сыщика (Грайс и Реймонд), два места действия (Нью-Йорк и Саратога Спрингс). Эта система двойничества на всех структурных уровнях становится фирменным знаком детективной прозы Грин, как и обязательные переодевания. Так, кульминацией повести «XYZ. A Detective Story» (1883) является сцена маскарада, устроенного владельцем богатого особняка в небольшом новоанглийском городке. Сквозная тема этой детективной повести — искусно обыгрываемая на всех уровнях художественной структуры тема подлога, подделки, переодеваний, измененных идентичностей — всего того, что включает в себя ключевое понятие текста *counterfeit*.

Возможно подражая Эдгару По, Грин начинает свою повесть с обобщения, правда, в отличие от По, достаточно лапидарно заявленного: «Опыт детектива показывает, что иногда в ходе расследования тайны одного преступления, можно ненароком найти ключ к другому. Однако вряд ли когда-то это происходило при более непредсказуемых и интересных обстоятельствах, чем в том случае, о котором я сейчас хочу рассказать» [2]. Безымянный детектив, от лица которого ведется повествование, осенью 1881 года выезжает из Вашингтона в западный Массачусетс, чтобы расследовать деятельность шайки фальшивомонетчиков (*counterfeiters*). Внимание вашингтонской тайной полиции привлек тот факт, что на почту городка Брэндон в Массачусетсе загадочному адресату с инициалами XYZ ежедневно приходят многочисленные письма. Установив слежку за адресатом таинственной корреспонденции, детектив случайно получает возможность ознакомиться с ее содержанием. При этом его внимание привлекает записка в голубом конверте: «Все идет хорошо. Время пришло; все идет свои чередом, к верному успеху. Будь в кустарнике в северо-восточном углу площадки точно в 9 часов вечера; тебе дадут маску и все необходимое для достижения твоей цели. Мы застанем его врасплох. Слово, по которому ты сможешь опознать друзей, —

“counterfeit” (здесь — “подставное лицо”. — *О. А.*)» [2]. У местных жителей детектив узнает, что единственный дом, рядом с которым есть кустарник и площадка, — это особняк местного богача Бенсона, приехавшего сюда два года назад из Бостона. У него двое детей, сын Хартли и дочь Эдит. Есть еще третий сын, но где он сейчас и чем занимается — никому не известно. Таким образом, и в этой повести явлена пара братьев, традиционно противопоставленных друг другу по степени добропорядочности.

Горожане судачат о том, что Бенсоны, никого и никогда не впускавшие в свой дом, ни с того ни с сего затеяли маскарад — развлечение, абсолютно чуждое для уклада пуританской Новой Англии: «Грех закрывать лицо маской и наряжаться в причудливые одежды» [2]. Проявив чудеса изобретательности, детектив проникает в дом Бенсонов, заручается доверием миллионера — отца семейства и получает приглашение на закрытую вечеринку в качестве лица, обеспечивающего охрану. Следуя записке, детектив оказывается в нужное время в кустарнике, получает маску и желтое домино и далее фланирует в толпе гостей маскарада, которые принимают его за кого-то другого. Постепенно, из случайных реплик детектив складывает мозаику семейной тайны. Сначала он становится невольным участником дьявольской интриги, которую подстраивает Хартли Бенсон, по видимости вполне добропорядочный человек, а на самом деле изощренный негодяй, оклеветавший брата перед отцом; далее — свидетелем убийства Бенсона-отца, коварно подстроенного тем же Хартли. Таким образом, будучи совершенно посторонним в доме, детектив оказывается вовлечен в самую сердцевину преступной тайны, внесшей непоправимый разлад в семью Бенсонов. Стоит обратить внимание на то, как он отвечает на обвинения Хартли Бенсона в «подлом» проникновении в частный дом, в подслушивании и подглядывании: «Мистер Бенсон, Вы называете меня шпионом, я и есть шпион; но шпиона на службе Правительства США не так-то просто упрятать за решетку. Сэр, я детектив, связанный с Секретной службой в Вашингтоне. Моя профессия состоит в том, чтобы вынюхивать преступления и распознавать мошенников под любым прикрытием» [2].

Купаясь в возможностях, которые предоставляют мнимые идентичности маскарада, Грин мастерски выстраивает сюжет повести. В ней сцена вечеринки, когда все персонажи скрыты под масками, а идентичности перепутаны, оказывается самой плодотворной в плане расследования — благодаря аналитическим способностям детектива-профессионала. Итак, семейный подлог разоблачен. А повесть кончается очаровательной иронической виньеткой: «Что же касается фальшивомонетчиков (counterfeiters), то их нашли и арестовали. Но без моего участия» [2].

Итак, Грин стала несомненной продолжательницей национальной традиции. Воспроизводя отдельные структурные элементы новелл По, она вместе с тем уже в первых своих произведениях обрела собственный голос. От патриарха американского детектива ее отличало очевидное предпочтение романного жанра новеллистическому; местом, где совершались и расследовались преступления, у нее была Америка, а не Франция. Как и По, Грин использовала переходящий из произведения в произведение образ сыщика. Однако она не дает ему в сопровождающие исполненного восхищением хроникера, не начинает повествования с анекдотов, иллюстрирующих его незаурядные способности. У Эбenezера Грайса, которому А. К. Грин дала жизнь, конечно, есть своя литературная родословная, но восходит она, пожалуй, не к Эдгару По. С одной стороны, свойский, внешне вполне

заурядный американский полицейский ничем не походит на французского аристократа Дюпена. С другой стороны, комплекс социальной неполноценности, которым наделяет Грин Грайса, вовсе не был характерен для служителей правосудия в демократических Соединенных Штатах. Об этом, в частности, пишет А. Э. Мерч со ссылкой на мемуары первого американского сыщика Алана Пинкертон и связывает данное обстоятельство с французским влиянием [5, р. 161]. В этом плане Грин ближе к французскому автору Эмилю Габорио (1832—1873), чьи книги были переведены в США за десять лет до ее литературного дебюта.

Библиографический список

1. Anna Katharine Green : [obituary] // Publishers Weekly. 1935. № 127. 20 April. P. 1599.
2. *Green A. K.* XYZ : a Story Told by a Detective. New York : G. P. Putnam's Sons, 1883 ; Ebook. Release Date: September 10, 2010 (EBook#33695). URL: <http://www.gutenberg.org/files/33695/33695-h/33695-h.htm> (дата обращения: 05.04.2015).
3. *Maida P. D.* Mother of Detective Fiction : the Life and Works of Anna Katherine Green. Bowling Green (OH): Bowling Green State Univ. Popular Press, 1989. 113 p.
4. *Mallory M.* The mother of American mystery : Anna Katharine Green // Mystery Scene. 2006. № 94. URL: http://mysteryscenemag.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1867:the-mother-of-american-mystery-anna-katharine-green&catid=20:articles&Itemid=191 (дата обращения: 05.04.2015).
5. *Murch A. E.* The Development of the Detective Novel. London : Peter Owner Ltd, 1958. 272 p.

ББК 83.3(2=411.2)52-8Островский

Н. В. Капустин

КОМЕДИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»: О ДИНАМИКЕ ТЕКСТОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

На основе рукописных источников рассматривается процесс работы А. Н. Островского над комедией.

Ключевые слова: А. Н. Островский, комедия, черновой автограф, видоизменение, окончательный текст.

On the basis of A. N. Ostrovsky's manuscripts the article describes changes in the text of the comedy.

Key words: A. N. Ostrovsky, comedy, manuscript, change, final text.

Комедия «Не в свои сани не садись» была первой пьесой А. Н. Островского, сыгранной в театре. Выпавший на ее долю успех был предопределен и масштабом дарования молодого драматурга, и усталостью зрителей от надоевших театральных постановок, и небывалым для русской драматургии ракурсом изображения русской жизни, что сразу же отметили современники Островского. Скрытым от их глаз было то, как шла работа над комедией,

© Капустин Н. В., 2015

Исследование осуществлено при поддержке гранта РФФИ, проект № 13-04-00113.

• Серия «Гуманитарные науки»

какие изменения претерпевал ее изначальный текст. Между тем это выразительно раскрывает особенности творческого процесса Островского и по-своему освежает художественные решения драматурга, внося стилистические и смысловые обертоны в окончательный текст пьесы.

15 мая 1852 г. Островский впервые сообщает М. П. Погодину о новой комедии и о том, что «доставит» ее, вероятно, ранее сентября. В начале августа пьеса была в основном завершена, но тут вступили в силу особенности творческого процесса Островского, о которых он с легкой самоиронией пишет Погодину: «Пришлите мне какого-нибудь переписчика. Если я сам стану переписывать, то кончу не ближе будущего нового года: во 1-х, потому что 50 листов, а во 2-х, потому что я буду по часу думать над каждой строкой, нельзя ли ее как поправить. Это уж моя страсть» [3, т. 11, с. 50]. Окончательная точка будет поставлена только в середине ноября 1852 г.

Процесс «переписывания» пьесы, о чем в общем виде идет речь в письмах Островского, в деталях отражают черновой автограф (ЧА) и авторизованная писарская копия (АПК), позволяющие зафиксировать важнейшие этапы создания окончательного текста.

Не сразу сложился круг действующих лиц комедии. Не сразу были найдены имена героев, уточнялись характеристики. Особенно заметны изменения, касающиеся имен персонажей. В афише ЧА не названы Андрей Андреевич Баранчевский и Степан, слуга Вихорева. Впрочем, хотя Баранчевский в перечне «Лица» не значится, в действии он участвует, но только под другими именами: сначала — Алексей, затем «его имя было обозначено буквой П. (в III действии, явл. 7-м его фамилия — Петренков), а во 2-м действии — буквами М. Ф.» [2, с. 135]. Селиверст Потапыч Маломальский первоначально имел отчество Иванович. Иван Петрович Бородин был Петром Ивановичем Бородиным. Имя Анны Антоновны внесено впоследствии, сначала она названа просто «жена» (в 4 и 6-м явлениях I действия). Виктор Аркадьич Вихорев обозначен как Фёдор Фёдорович Ганц. С этим именем он и действует в ЧА, хотя на отдельных листах, относящихся к первому действию, этот персонаж выведен под фамилией Вольфов.

О напряженном внимании Островского к именам героев свидетельствуют и рукописи других пьес, особенно выразительно ЧА пьесы «В чужом пиру похмелье». Один из ее главных героев, учитель Иван Ксенофонтыч Иванов, поначалу имел имя Пётр Иванович. Затем имя Пётр было зачеркнуто и сверху написано Сократ, которое также зачеркнуто. Отчество Иванович переделано на Иван, а сверху написано Сократыч. Таким образом, уже на первом этапе возникла параллель с античным философом, хотя Островский испытывал колебания, сохраняющиеся и впоследствии. На какой-то стадии имя Сократ изменено на Иван Ксен<офонтыч>, но чуть далее появляются П<ётр> Ив<анович>, Сократ, Ив<ан> Пант<елеич>, К. И. (вероятно, К<сенофонт> И<ванович>), причем буква К изменена на С [4, картон 3239, л. 6]. Затем, уже во всем тексте ЧА, имя героя — С<ократ> И<ванович>, но и этот выбор небезоговорочен, поскольку его дочь носит отчество Сократовна только до 4-го явления I действия, где она названа Лизавета Ивановна. Но имени Лизавета Ивановна предшествует еще одна предваряющая стадия: в афише она была Анной Петровной и мыслилась сначала как сестра, а не дочь Иванова. Имя Анна карандашом исправлено на Елизавета, а отчество Петровна уже чернилами меняется на Ивановна. С учетом рукописей других пьес, с которыми доводилось работать автору этих строк, есть все основания

сказать, что для Островского характерно повышенное внимание к именам действующих лиц, динамика изменения которых на пути к окончательным вариантам (речь идет об охвате материала всего творчества) могла бы стать предметом специального внимания.

Свойственны Островскому (о чем также свидетельствуют другие рукописи) и проявившиеся в комедии «Не в свои сани не садись» композиционные изменения. Первое действие начиналось с явления, которое в основном тексте стало вторым. То же самое было и во втором действии. Во 2-й сцене 3-го акта отсутствовало 4-е явление, а рукописное 4-е соответствовало 5-му основного текста. После диалога Маломальского с женой (4-е явление основного текста) следовал набросок явления, содержащий разговор Ганца с половым, частично сохраненный (хотя значительно переработанный) для 5-го явления. 7-е явление I действия было объединено с 6-м, 9-е — с 8-м.

Рукопись изобилует и другого рода изменениями, особенно в речи героев, в меньшей степени — в ремарках, большинство из которых вошло в основной текст. О чрезвычайной тщательности работы Островского над текстом свидетельствует, к примеру, монолог Русакова в 11-м явлении третьего действия: [«Будь Его святая воля, живи она, как хочет. Нет]. Я ее теперь и видеть не хочу, не велю и пускать к себе. [Живи она, как хочет]. [Она своей охотой бросила меня, таковым нет прощенья] <...> Я уж [ее] не увижу, а коли кто из вас увидит ее, так скажите ей, что отец ее зла не желает, что коли она, бросивши отца, может быть душой покойна, [жить в радости], так Бог с ней. Но за поругание [свое], [мое, моей седой головы], я видеть ее не хочу никогда; [она умерла для меня] у меня не было дочери. [Дуня умерла у меня! Нет, не умерла, у меня ее и не было никогда]. Имени ее никто не смей говорить при мне» [4, картон 3098, ед. хр. 1, л. 40] (слова в квадратных скобках либо надписаны сверху и зачеркнуты, либо надписаны сверху, либо просто зачеркнуты).

Подавляющее большинство корректировок определялись стремлением к углублению характеристики персонажей (нередко за счет психологических речевых деталей), к созданию необходимого лексического и интонационного строя реплики, сценической природой текста.

Психологизм Островского, особенно раннего, конечно, не чеховского плана («подводного течения» его драматургия не знает), однако говорить о его отсутствии, что склонны утверждать некоторые современные авторы, по крайней мере, неточно. Так, в диалоге Бородкина и Маломальского (в явлении, которое в основном тексте стало вторым) в реплики Бородкина несколько раз добавлены почтительные обращения «Селиверст Потапыч» [4, картон 3098, ед. хр. 1, л. 2, 4 об.], поначалу отсутствующие, что, видимо, объясняется тем, что Бородкин, заинтересованный в участии Маломальского в сватовстве к Авдотье Максимовне, несколько заискивает перед ним. Известная зависимость Бородкина от Маломальского заметна и в измененной ремарке: вместо «садятся к столу» [4, картон 3098, ед. хр. 1, л. 2], фиксирующей равенство того и другого в данной ситуации, появляется ремарка «садится за стол», относящаяся к Маломальскому и подчеркивающая зависимое положение Бородкина.

В результате значительного изменения реплики Арины Федотовны (в диалоге с Бородкиным во 2-м явлении второго действия) характер героини в этой сцене значительно усложняется.

Б о р о д к и н. Это что ж такое-с?

А р и н а Ф е д о т о в н а. Что? Известно что — романс. (Задумывается.) У нас, Ваня, как жила я в Москве, был приказчик Вася, это он меня выучил.

Только как он пел, это прелести слушать. (*Опять раскладывает карты, потом быстро смешивает их и задумывается.*)» (I, 298). В ЧА лексика Арины Федотовны имела заметную комическую окраску, психологическая ремарка редуцирована, отчего внутренний драматизм значительно приглушен. На тот же вопрос Бородкина Арина Федотовна отвечала: «Романц (*задумывается*). У меня, Ваня, как я жила в Москве, был предмет, вот бы ты послушал, как он поет его. Бывало, закинет голову назад. Если бы не ваша любовь, Арина Федотовна, я бы, говорит, лишил себя жизни самым мучительным образом, вы, говорит, одна моя отрада в жизни; да и запоет: черный ворон, что ты вьешься» [4, картон 3098, ед. хр. 1, л. 15 об.]. Авторская ирония в ЧА проявлялась и в искажении Ариной Федотовной слова «регистратура»:

«Б о р о д к и н. Что же, он жив-с?

А р < и н а > Ф е д < о т о в н а > (*равнодушно*). В эристратуре служит» [там же].

Отсутствует в ЧА и передающая психологическое состояние реплика Авдотьи Максимовны: «Что я тогда с ним, с стариком, сделаю» (I, 302).

Другая заметная тенденция на пути к основному тексту — замена нейтральной лексики словами с просторечной окраской: не то/не токма, сначала/сперва-наперва. В 14-м явлении второго действия в речи Максима Федотыча не сразу было найдено слово «степенный» («Ах, Дуняшка, кабы я знал, что он степенный человек...»), появляется лексика, воссоздающая свойственный героям Островского особый колорит речи. Так, обращенные к Ганцу (будущему Вихореву) слова Анны Антоновны «Ко мне зашла Авдотья Максимовна» [4, картон 3098, ед. хр. 1, л. 11] уже здесь, в ЧА, оказались заменены на «Ваш *предмет* (*курсив мой. — Н. К.*) у меня теперь сидит» [там же]. Установка на создание особого лексического строя заметна и в других рукописях, при пересмотре которых Островский не упускал возможности внести необходимые изменения. Характерный пример — изменение речевой характеристики Перцова из пьесы «Тяжелые дни», где на смену нейтральной реплике героя «...вы поймете меня» [4, картон 3247, л. 1 об.] пришла фраза «...вы поймете все фибры души моей» (II, 452), выдающая тягу к «романтической» манере высказываться, почерпнутой из низкопробных, бульварных сочинений.

Показательна для комедии «Не в свои сани не садись» и интонационная правка, внешне, кажется, незначительная, но для «слуховика» Островского имеющая принципиальное значение. В речи Бородкина первоначально было «Так это он врет: а кто меня видел пьяным» [4, картон 3098, ед. хр. 1, л. 2 об.], но уже в рукописи частица «а» оказалась зачеркнута. Объяснить это можно только желанием автора изменить интонационный оттенок.

Корректирует Островский и характеристики, не вполне вяжущиеся с отношениями героев. Так, поначалу Анна Антоновна с панибратской фамильярностью, как «своего», ударяла Ганца рукой по плечу [4, картон 3098, ед. хр. 1, л. 11 об.]. Слова Вихорева о желании жениться на дочери богатого купца «Понимаешь ли ты, что я за этим ехал сюда!..» (I, 290), в ЧА обращенные к половому, в итоге оказались адресованы Баранчевскому, в результате чего неестественная доверительность Ганца (Вихорева) в обращении к половому снимается. Обращенные к Маломальскому слова Русакова «[Я, сват, я выпью] <...> А ты, сват, выпьешь?» [4, картон 3098, ед. хр. 1, л. 6] — те, что заключены в скобки, — были зачеркнуты и переданы Маломальскому как свойственные именно этому персонажу.

Отдельные реплики, поначалу отсутствующие, но появившиеся еще в ЧА, усиливают звучание намеченных в пьесе мотивов. В частности, в монолог Ганца

(явление 8-е второго действия), помимо прочих изменений, на каком-то этапе включена фраза «Ну, борода, поговорим теперь с тобой» [4, картон 3098, ед. хр. 1, л. 20 об.]. Мотив бороды, заданный еще в афише фамилией Бородкина и олицетворяющий принадлежность к русской традиции, совести и порядочности, а в глазах Ганца (Вихорева) — невежество и темноту, оказался не только акцентирован, но и расширен. Но в развертывании сквозных мотивов соблюдена мера, в каких-то случаях, возможно, вызванная автоцензурой. В основном тексте снята, например, обращенная к сестре реплика Русакова «Ты приехала из Москвы-то с заразой своей...» [4, картон 3098, ед. хр. 1, л. 37 об.]. Оставлено более нейтральное, хотя в авторской аксиологии, безусловно, негативное, развертывание темы Москвы.

АПК отражает следующий этап работы над пьесой. Большинство содержащихся в ней изменений (в сравнении с ЧА) войдут в текст, опубликованный в «Москвитяине» (1853, № 5), который, однако, в ряде случаев существенно отличается от текста АПК. В ряду известных на сегодняшний день первоисточников она занимает промежуточное положение между ЧА и публикацией «Москвитяина». Доказательством служит то, что текстовые фрагменты, отсутствующие в ЧА, но появляющиеся в журнальной публикации (а затем и в основном тексте, опубликованном в Собрании сочинений 1859 г., изданном Г. А. Кушелевым-Безбородко), были уже в АПК. В то же время текст АПК не тождествен опубликованному в «Москвитяине» и несет следы напряженной работы и большую связь с ЧА. В третьем действии АПК, в частности, наблюдается неожиданное возвращение к первоначальному варианту имени Вихорева (Фёдор Фёдорович), которое, хотя и исправлено во всех случаях, все же несет печать ЧА. Это тем более неожиданно потому, что в АПК (правда, в перечеркнутом фрагменте 5-го явления первого действия) встречается еще один вариант его имени: прежний Фёдор Фёдорович Ганц и Вольфов назван Лихаревым (подробнее см.: [1]).

Подводя черту, сложно освободиться от ассоциации:

И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

Возникает соблазн противопоставить Островского и Пушкина, однако сразу теряющий основания, если вспомнить о черновиках Пушкина и не приписывать Островскому усердие труженика, которому неведомо легкое состояние вдохновения. Точнее говорить о другом: «тысячи тонн словесной руды», как правило, оказываются неизбежной тяжестью творческого процесса. Впрочем, всегда ли тяжестью?

Библиографический список

1. Капустин Н. В. Комедия А. Н. Островского «Не в свои сани не садись»: поиски имени // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 3—8.
2. Кашин Н. П. «Не в свои сани не садись» // Кашин Н. П. Этюды об А. Н. Островском. М. : Типолитография т-ва «И. Н. Кушнеров и К^о», 1912. Т. 2 : К истории текста произведений А. Н. Островского. С. 135—165.
3. Островский А. Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Искусство, 1973—1980. Т. 1. 575 с. ; Т. 11. 781 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.
4. Рукописный отдел РГБ. Ф. 216.

ББК 83.3(2=411.2)52-8Островский

*И. А. Овчинина***ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ КОМЕДИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО
«НА БОЙКОМ МЕСТЕ»**

Рассматривается жанровое своеобразие комедии «На бойком месте», анализируется проблематика, характеры персонажей пьесы, а также выявляется национальный колорит произведения, определяется роль внесюжетных компонентов.

Ключевые слова: жанр, критика, действие, ремарки, персонаж, нравы.

The article deals with the genre specificity of the comedy «Na boykom meste». Analyzed are the range of its problems and characters. Attention is paid to the function of extra-plot components as well as to revealing the national colouring of the play.

Key words: genre, criticism, action, stage directions, character, morals.

Критика встретила комедию «На бойком месте» довольно прохладно. Упреки рецензентов можно назвать устойчивыми: характеры повторяются, действие развивается слабо, интрига бедная, талант падает (Русский инвалид. 1865. 20 октября. С. 3; Петербургский листок. 1865. 30 октября. С. 2; Петербургские ведомости. 1865. 31 октября. С. 1—2). Более обстоятельный отзыв дал А. Н. Баженов, по мнению которого Островский «вообще не мастер придумывать занимательные интриги для своих пьес», но мастер в создании характеров [2, с. 519]. Были в критике разногласия, не вызвавшие острых споров. Вообще об этой комедии написано немного в сравнении, например, с тем, как много сказано о «Своих людях...», о «Доходном месте», о «Грозе», «Лесе», «Бесприданнице»... Однако вот уже 150 лет пьеса не сходит со сцены отечественного театра, вызывая интерес у зрителя и у служителей Мельпомены.

«На бойком месте» драматург написал в августе 1865 года, уже после «Тяжелых дней», «Шутников», после исторических пьес «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и «Воевода». Проблемы современной повседневной жизни волновали Островского наряду с проблемами исторического характера, обостряющимися в переломные моменты.

Стремлением к гармонии отмечены его постоянные художественные искания, заметить которые можно лишь оценивая его творчество в целом. Эта гармония проявилась и в художественной отделке пьесы, и в психологическом рисунке персонажей, и в языке. Каждое из трех действий комедии состоит из девяти явлений. Первый и второй акты завершаются краткими монологами Аннушки, передающими сложный спектр ее переживаний: от отчаяния в первом действии до полноты счастья и надежды на ответную любовь — во втором. Действие сопровождается постоянной сменой настроения, колебаниями эмоций, чередованием комедийных сцен с тревожными, напряженными, глубоко драматичными, что способствует усилению неослабевающего интереса у зрителя и читателя.

© Овчинина И. А., 2015

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-04-00113.

А что касается интриги, то сам драматург писал: «Изобретение интриги потому трудно, что интрига есть ложь, а дело поэзии — истина. Счастлив Шекспир, который пользовался готовыми легендами: он не только не изобретал лжи, но в ложь сказки влагал правду жизни. Дело поэта не в том, чтобы выдумывать небывалую интригу, а в том, чтобы происшествие даже невероятное объяснить законами жизни» [4, т. 10, с. 459]. Это было трудно принять тем современникам Островского, которые упрекали его в бедности интриги, не оценив мастерское соединение поэзии и истины, духовной высоты и повседневности.

Создавая пьесу, Островский мысленно представлял ее на сцене, поэтому всегда тщательно продумывал ремарки, словесные декорации, которые выполняют сюжетную и характерологическую функцию, отражают материальную культуру персонажей [1, с. 348—351]. В ремарке, открывающей первое действие, содержится подробное описание комнаты, в котором перечислены «печь с лежанкой», «дверь в черную избу», «часы с расписанным циферблатом», комод «и на нем шкафчик с стеклянными дверцами для посуды», «кровать с ситцевым пологом», два окна, «на окнах цветы: герани и жасмины», зеркало, лубочные портреты, «старый диван красного дерева, обитый кожей, перед диваном круглый стол». Второе действие происходит в сенях, описание которых дает точное представление о самом доме: одна дверь ведет в черную избу, другая — в чистую комнату, а «между дверями, у стены, скамья и стол, на столе свеча в фонаре; в левом углу лестница в светелку; с правой стороны дверь на двор; над дверью низенькая рама: четыре небольших стекла в один ряд. Ночь». Островский придавал большое значение декорациям, которые «необходимы не только для блеска обстановки, но и для правдоподобия изображаемой в пьесе жизни», поскольку «как в жизни мы лучше понимаем людей, если видим обстановку, в которой они живут, так и на сцене правдивая обстановка сразу знакомит нас с положением действующих лиц и делает выведенные типы живее и понятнее для зрителей». Артистам же «правдивые декорации оказывают большую помощь при исполнении, доставляя им возможность натуральных положений и размещений» (X, 233).

Из других пьес драматурга комедия «На бойком месте» выделяется особым колоритом. В ней заметны отзвуки рассказов о разбойниках с большой дороги, баллады об измене суженого, лирической песни. Островский в своем творчестве опирался на национальную культуру, отразившуюся не только в пословицах поговорках, сказках, песнях, но и в повседневности, в жизненных ценностях. Само название — «На бойком месте» — акцентирует внимание на особенностях пространства изображения, которое не ограничивается семьей, домом, постоянным двором, где можно отдохнуть, переночевать, пообедать, покормить лошадей. Трактир расположен «среди леса». А в лесу происходят разные события. В первой же ремарке отмечено: «Действие происходит на большой дороге, среди леса, на постоялом дворе под названием “На бойком месте”, лет сорок назад». От этой ремарки уже веет национальным духом. Большая дорога — это дорога почтовая и торговая, по которой много ездят. В русском языке есть выражение «разбойник с большой дороги», реализующееся в этой комедии. «Сверкнув глазами», Бессудный рассказывает Миловидову о том, как прежде в этих местах совершали разбои: «В старину, говорят, по этой дороге так дела делались! Место бойкое, сами знаете. Заедут купцы целым обозом, так дворники запрут ворота да без разговору перережут всех до единого; а который вырвется на улицу, так соседи поймают да ведут к дворнику-то! “Что, говорят, ты овец-то по деревне

распустил?») (II, 558). Бессудный действует осторожнее, избегая грубого криминала. Он опаивает снотворным проезжающих купцов и обирает их, а также не упускает возможности в ночное время грабить путников в лесу.

Тема разбойника с большой дороги, нападающего на людей в лесу, новой, игровой, гранью повернется в комедии «Горячее сердце», где Наркис говорит: «Объявились в наших местах... человек полтора года. Шайками по лесам и по воде на лодках», и Матрёна добавляет: «По лесам грабят» (III, 93, 106). Играя в разбойников, Аристарх предлагает: «И выдем все в лес, к большой дороге, подле шалаша. Барина атаманом нарядим, потому у него вид строгий, ну и усы. Тебя тоже разбойником нарядим; да тебя и рядить-то немного нужно, ты и так похож, а в лесу-то, да ночью, так точь-в-точь и будешь» (III, с. 138—139). Лес в пьесах Островского — это предмет купли-продажи. В комедии «Бешеные деньги» Васильков говорит о том, что продается «казанское имение Чебоксаровых с заводом и лесом». Лесом торгует купец Восмибратов («Лес»). На лесной поляне встречаются актеры Несчастливцев и Счастливец, пришедшие в имение Гурмыжской — «царство сов и филинов». Так постепенно в пьесах драматурга создается образ леса.

Примечательно, что действие в комедии «На бойком месте» отодвинуто в прошлое, то есть события происходят в 1820-е годы, что отмечено в ремарке: «Действие происходит... лет 40 назад». Литература первой половины XIX века отразила поиск героя — носителя высоких духовных ценностей, героя, занимающего особое место в системе художественного произведения. В сознании читателя, обладающего литературной памятью, может возникнуть характерная для определенного исторического момента социокультурная картина, запечатлевшая социальную иерархию, идеологические и нравственно-эстетические поиски русского общества. В комедии «На бойком месте» все выглядит обыденным, приземленным, но не лишенным художественного смысла. В предыдущих пьесах драматург нередко противопоставлял дворянина человеку из народа, чей взгляд на жизнь казался ему более нравственным. Дворянское же существование, лишенное национальных корней, представлялось ему испорченным и исторически бесперспективным. Но в комедии «На бойком месте» этого противопоставления нет, на первый план выходят проблемы нравственного характера.

Здесь все переплетено: бойкое место, бойкие, задиристые люди, сильные чувства, обман, кутежи, грабежи, любовь, нравственные принципы. На пространстве небольшого художественного текста отразилась жизнь как одной семьи, так и тех, кто волею случая с ней связан: постояльцев, ямщиков, купцов, проезжающих ночью по лесной дороге. На постоялом дворе сошлись мещане, купцы, дворяне, слуги... И сословная дистанция, их разделяющая, практически сходит на нет. Здесь дворянин никак не похож на «высокого героя» русской литературы первой половины XIX века. Миловидов и Пыжиков представляют собой некий усредненный тип мельчающего дворянина. Купеческий сын Раззорёнов в кутежах проматывает отцовский капитал. Слуги и ямщики участвуют в неблагоприятных делах.

В перечне лиц Островский не ограничивается краткими замечаниями, а дает подробные описания, в которых уже содержится характеристика. Вукол Ермолаев Бессудный — «содержатель постоялого двора на большой проезжей дороге, крепкий старик лет под 60, лицо строгое, густые, нависшие брови». Пыжиков — «из мелкопоместных, проживающий по богатым дворянам, одет бедно, в суконном сак-пальто, но с претензией на франтовство». О Евгении

Мироновне, жене Бессудного, сказано: «красивая баба, годам к 30». Сестра Бессудного, с ласковым именем Аннушка, — «девушка 22 лет». Островский намеренно использует «говорящие» имена: Миловидов, Бессудный, Пыжиков, Непутёвый, Раззорённый. Так, Павлин Ипполитович Миловидов — «помещик средней руки, лет 30, из отставных кавалеристов, с большими усами, в красной шелковой рубашке, в широких шароварах с лампасами, в цыганском казакине, подпоясан черкесским ремнем с серебряным набором». Его внешний вид вполне соответствует имени, которое ассоциируется с птицей семейства фазановых с пестрым ярким оперением и распускающимся у самцов веером большим хвостом: с павлином обычно сравнивают человека, уделяющего повышенное внимание своей внешности, одежде, держащегося высокомерно, заносчиво. Таков и Миловидов, который грубо прогоняет купеческого сына Петра Непутёвого, считая того себе неровней, а в разговоре с обедневшим дворянином Пыжиковым проявляется его высокомерие («...ты очень много о себе думаешь»; II, 555). Говоря об Аннушке, не без самолюбования Миловидов замечает: «...ты видишь, она простая девка, а я у ней руки целовал» (II, 553). Не случайно и себя называет «ходоком» — он привык к женскому вниманию, к легким победам. А Аннушка привлекла его и красотой, и скромностью: «А тут вдруг осечка: встречаю такую девушку, что и подойти нельзя, держит себя строго. Фу ты пропасть, думаю. Вот диковина! В таком доме, а держит себя так, что и приступить нет. Я и с той стороны, и с другой, и подарки-то, и то, и се; Гибралтар, просто Гибралтар! Так я как завлекся, влюбился, как мальчишка» (II, 553). В выборе жены руководствуется лишь своими привычками, не позволяющими привести в дом барышню из благородной семьи: «А я чепчиков видеть не могу. Чтоб в моем доме да завелись чепчики! Нет уж, этому не бывать! Мне барышню и посадить-то не на чем. У меня в гостиной седла да арапники, а вместо диванов сено насыпано да коврами покрыто. Не расставаться ж мне с моими порядками. Мне давай такую жену, чтоб она по моей дудочке плясала, а не я по ее» (II, 554). Скромная Аннушка вполне соответствует его требованиям: и любит его, и ведет себя достойно. Девушка признается брату: «А по мне, хоть бы в работницы взял, так я бы рада была. Не то что женой быть, я собаке-то его завидовала, что она завсегда с ним и завсегда может ему руки лизать». Однако она придерживается строгих правил, от которых отступать не будет: «Только как бы я его ни любила, а я завсегда скажу, что я хочу на чести жить» (II, 551). Человек из народа, воспитанный в лучших национальных традициях, всегда был привлекателен для Островского. Своей нравственной чистотой Аннушка близка Любви Гордеевне Торцовой («Бедность не порок»), решительностью и страстностью — Катерине («Гроза»). Но это новый характер, на двойственность которого обратил внимание А. Н. Баженов, причисливший Аннушку к светлым лучам, дающим «ложное освещение». С одной стороны, в ней много «правдивого, живого, человеческого», когда она борется за свою любовь, с другой, по мнению критика, «всё в ней становится натянутым, приторным и ложным», когда она начинает представлять из себя жертву [2, с. 522].

Именно Аннушка говорит о совести, которой лишены и Вукол, и Евгений. Брату она отвечает: «У тебя стыда нет, а у меня есть» (II, 546). Эта мысль повторяется в диалоге с Евгенией: «...во мне стыд есть, а в тебе нет». — «Кому это нужен твой стыд здесь!» — «Мне он нужен». Почти дословное повторение одного и того же выражения говорит о том, что для себя его Аннушка сформулировала, когда оказалась в доме у брата, когда поняла самое

главное, что отличает ее от родственников. Именно Аннушку оговорила Евгения, позавидовав ее счастью. Тема оговора нашла и поэтическое выражение в комедии. Аннушка поет романс Алябьева на стихи Дельвига. В пьесе вошли две строфы, но читатель и зритель середины XIX века хорошо знал и продолжение: «Ах! Убили пташечку / Злые вьюги; / Погубили молодца / Злые толки» [3, с. 32]. В комедии «Не в свои сани не садись» Арина Федотовна, приблизившаяся к городской полукультуре, набравшая чуждых взглядов и тем самым вызывающая у автора явную иронию, не желает слушать «мужицких песен» и «поет с чувством романс». Сопоставление песни и романса имеет не столько эстетическое, сколько нравственное, идеологическое, социокультурное значение. Культурный контекст позволяет обозначить нравственную и эмоциональную доминанту пьесы. В комедии «На бойком месте» героиня поет романс, но поэт Дельвиг, автор «русских песен», стремился, как считает В. Э. Вацура, «проникнуть в... духовный и художественный мир» русской культуры (см.: [1, с. 12]). Характерно, что современники противопоставляли нередко Дельвигу А. Ф. Мерзлякова как поэта, более глубоко понявшего стихию народной жизни. У Островского в «Грозе» Кулигин поет песню «Среди долины ровныя...», задающую тон драматическому действию. Не вдаваясь в анализ этих поэтических произведений, отметим, что Островский обращением к стихам Мерзлякова и Дельвига снимает противоречия, отдавая должное обоим поэтам, чьи творения вошли в историю русской литературы, оставили свой след в народной памяти.

Интересующая писателей, философов, социологов высокая проблематика, вбирающая в себя вопросы о добре и зле, о правде и лжи, о верности и предательстве, о любви, об ответственности человека за свои поступки, перенесена у Островского в мир обыденности, повседневности, в мир «рядового», непросвещенного человека.

Пьеса соединила в себе приметы водевиля и анекдота (муж возвращается домой, когда жена встречается с любовником), любовно-бытовой драмы, комедии. Начинается как легкая комедия, которая затем переходит в драму попорченного чувства, где намечается возможность трагического исхода, трансформирующаяся в видимость благополучного разрешения конфликта. Комедийная развязка не устраняет тревоги за судьбу героини, оказавшейся в житейском вихре и попавшей на бойкое место, где действуют свои законы, где царит обман, предательство, бесстыдство и где сохранить себя помогает только совесть и любовь.

Библиографический список

1. А. Н. Островский : энциклопедия. Кострома ; Шуя : Костромиздат, 2012. 660 с.
2. Баженов А. Н. По поводу пьесы А. Н. Островского «На бойком месте» // Сочинения и переводы. М. : Тип. Косогорова, 1869. Т. 1. С. 519 — 523.
3. Дельвиг А. А. Сочинения. Л. : Худож. лит., 1986. 472 с.
4. Островский А. Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. М. : Искусство, 1973—1980. Т. 2. 808 с. ; Т. 3. 600 с. ; Т. 10. 720 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.

ББК 63.521(=51)

А. Х. Даглдиян, А. А. Григорян

ДОНСКИЕ АРМЯНЕ: ГЕВОРК ДЖАЛАШЬЯН

Статья посвящена рассмотрению вопроса о месте, которое занимает нор-нахичеванский вариант армянского языка в системе его диалектов. Особое внимание уделяется роли, которую играет интеллигенция в деле сохранения национальной идентичности, включая языковую составляющую этого процесса.

Ключевые слова: донские армяне, миграционные процессы, интерференция языков и культур, роль интеллигенции в сохранении языка и обычаев.

The article is devoted to the problem of determining the place occupied by the Nor-Nakhidzhevan dialect of the Armenian language in the system of its dialects. Special attention is paid to the role intelligentsia plays in the preservation of national identity (including the linguistic aspect of the process).

Key words: Armenians of the Don region, migration processes, interference of languages and cultures, the role of intellectuals in preserving culture and language.

Из истории известно о том, что армяне, некогда жившие в окрестностях города Ани (древнеармянское Анийское царство), были вынуждены переселиться в XI веке в Крым, а в конце XVIII века — в низовья Дона. Эти непротые миграционные процессы не могли не сказаться на целом ряде черт, которые характерны для сегодняшней нор-нахичеванской армянской диаспоры. Компактно проживающая в районе Ростова-на-Дону часть армянского этноса сохранила очень многие особенности, свойственные всему армянскому народу. Вместе с тем думается, что в образе жизни, в языке, в обычаях и обрядах этой части армянского народа немало специфичных черт, которые необходимо изучать. Прежде всего и более всего, на наш взгляд, заслуживает внимания нор-нахичеванский диалект армянского языка, на котором говорит донское армянское население. Учитывая процессы, связанные со смешением языков и культур, происходящие под влиянием целого комплекса объективных и субъективных факторов, можно утверждать, что невнимание к донскому армянскому диалекту сегодня, вероятно, приведет к его постепенному забвению и исчезновению завтра.

Такое понимание ситуации и забота о судьбе родного языка, его сохранении были свойственны целому ряду выходцев из этого региона, давшего отечественной науке и культуре плеяду ярких личностей. Достаточно вспомнить имена Мартироса Сарьяна, Рафаэля Патканяна, Мариэтты Шагинян, Микаэла Налбандяна, Александра Мясникяна, Бориса Реизова и многих других. В этом ряду уроженцев нор-нахичеванской армянской колонии особое место занимает незаслуженно забытое имя Геворка Симоновича Джалашьяна. Общественный деятель, журналист, краевед, лингвист, истинный интеллигент, Геворк Джалашьян родился в 1893 году в семье крестьянина-бедняка. В 1907 году Геворк окончил церковно-приходскую школу родного села Чалтырь. Один из его учителей, Чубарян Михаил Гаврилович, выхлопотал для него стипендию Нахичеванского-на-Дону армянского благотворительного общества. Воспользовавшись этим, Геворк поступает в Нор-Нахичеванскую

Бессарабскую духовную семинарию, где наряду с другими предметами изучает армянский язык у профессора Г. Ачаряна. В 1913 году ему, лучшему ученику семинарии, была предложена стипендия для получения высшего образования по курсу армянской филологии с условием работать по его окончании педагогом в той же семинарии. Г. Джалашьян получает направление на учебу в Сорбонну к одному из лучших специалистов по армянской филологии того времени профессору А. Мейе. Летом 1914 года Геворк приезжает домой на каникулы. Начавшаяся Первая мировая война лишила его возможности вернуться во Францию и продолжить учебу. В том же году он был призван на военную службу. Впоследствии, однако, его освободили от несения службы из-за близорукости. В 1918 году Г. Джалашьян поступил на филологический факультет Ростовского университета, где обучался с перерывами до 1921 года. К сожалению, он был вынужден оставить учебу по причине бедственного материального положения семьи (после смерти отца на его иждивении находились мать, нетрудоспособная сестра и малолетний брат). Оставив занятия филологией, он избрал специальность экономиста и в 30-е годы учился заочно во Всесоюзной плановой академии при Госплане СССР.

Неравнодушный по характеру, непримиримый к любому проявлению несправедливости и лжи, он всегда занимал активную жизненную позицию. В 1920 году Г. Джалашьян вступил в партию большевиков, был секретарем партийной организации села Чалтырь, активно способствовал разоблачению банды Гадзиевых (об этом он подробно рассказывает в своей автобиографии), поддерживал тесную связь с А. Мясникяном, был знаком с М. Сарьяном, Мариэттой и Магдалиной Шагинян, Е. Шахазизом, Г. Ачаряном и многими другими передовыми людьми своего времени.

В разные годы Геворк Симонович жил в Армении, в Москве, в Туле, в Крыму, где наряду со своей основной работой занимался также журналистской деятельностью. В 1925 году Г. Джалашьян работал в редакции газеты «Советская Армения» (Ереван), в 1926—1929 годах — в исполкоме Мясниковского района, с 1932 года — во Всесоюзном объединении «Союзтабаксырье» (Москва) и в тресте «Крыммолоко» (Симферополь).

Масштаб его личности был широк. Он обладал глубокими познаниями в разных областях науки, подчас далеких друг от друга: в филологии, медицине, экономике, политике, сельском хозяйстве. В частности, он изучал труды Мичурина, писал статьи по сельскому хозяйству и экономике. Им также написаны воспоминания о прожитой жизни на восточно-армянском языке объемом в пять школьных тетрадей, работы о партизанском движении, о Лукашине (С. Срабионяне), Александре Мясникяне.

Переехав на жительство в Крым в 1938 году, он разделил печальную судьбу переселенцев и в 1944 году вместе с проживавшими на полуострове крымскими татарами, греками, болгарами и армянами был сослан в Сибирь. Там Г. Джалашьян работал в редакции газеты «Краснокамская звезда» (г. Краснокамск). Попав в Сибирь поневоле, став переселенцем по национальному признаку, он долго добивался реабилитации и лишь спустя много лет смог вернуться на родину.

Несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства и необходимость постоянно менять место жительства и род деятельности, он всегда оставался верен своему главному делу — изучению нор-нахичеванского (донского) диалекта. Более сорока лет Г. Джалашьян занимался сбором материалов

для исследования родного диалекта, по крупицам собирал слова, устойчивые обороты и фразеологизмы, уточнял значение и этимологию слов, изучал грамматическую структуру и фонетические особенности диалекта, занимался исследованием и систематизацией фольклора донских армян. Собранный материал он аккуратно записывал убористым каллиграфическим почерком в обычные школьные тетради. Записи обновлял, переписывал по несколько раз, дополнял новым материалом и с готовностью делился с другими исследователями накопленным им богатством. В разные периоды материалами Г. Джалашьяна пользовались чалтырские исследователи нор-нахичеванского диалекта Х. Поркшеян, Ш. Шагинян, М. Люледжиян, академик В. Бархударян, автор книги «История армянской колонии Новая Нахичевань», а также академик Г. Ачарян, автор работы «Исследования нор-нахичеванского (крымского) диалекта». В предисловии к этому труду Г. Ачарян подробно рассказывает о помощи, оказанной ему Г. Джалашьяном при написании работы [1].

Будучи разносторонне одаренным человеком, Г. Джалашьян смог проявить себя в разных сферах деятельности, но главным трудом всей его жизни, захватившим его целиком и полностью, стал «Толковый словарь нор-нахичеванского диалекта», в работе над которым он в полной мере выразил свой дар лингвиста.

Многолетняя трудоемкая работа по созданию словаря была завершена в 1961 году. В том же году Г. Джалашьян отправил подготовленный к печати рукописный материал в Ереван, где ему обещали, что словарь будет напечатан и издан. Рукописный вариант словаря получил высокую оценку ереванских ученых. В выписке из протокола № 7 заседания сектора лингвистики и диалектологии Института языка и диалектологии при Академии наук Армении, датированной 16 июля 1963 года и подписанной академиком Э. Агаяном, отмечается: «“Словарь нор-нахичеванского диалекта” Г. Джалашьяна представляет собой очень ценный труд. Имея необходимую лингвистическую подготовку и прекрасно владея родным диалектом, автор почти полностью охватил весь словарный состав диалекта и дал ему обоснованное, безошибочное толкование. Труд Г. Джалашьяна — ценный вклад в армянскую диалектологию. Исходя из вышеизложенного, сектор единогласно решил представить его к изданию». Кроме того, в протоколе было особо отмечено, что «“Словарь нор-нахичеванского диалекта” Геворка Джалашьяна является уникальным в своем роде и представляет собой настоящий высокопрофессиональный научный труд».

Однако печатание словаря затягивалось. В начале 60-х годов в Институте языка и диалектологии при Академии наук Армении происходила болезненная смена руководства. Новые люди, возглавившие институт, решили отложить издание словаря до того времени, когда институт приступит к выпуску серии словарей, затем все же было принято решение отпечатать 500 экземпляров словаря на ротاپринте, но и этого не было сделано. Из переписки Г. Джалашьяна с ученым секретарем Института языка и диалектологии Эммануилом Тер-Акопяном (первое письмо от Тер-Акопяна датировано октябрём 1961 г., а сама переписка обрывается с кончиной Г. Джалашьяна в 1966 г.) видно, как сильно он переживал за судьбу словаря. В одном из последних писем, уже отчаявшись и потеряв всякую надежду на издание словаря в Ереване, он потребовал вернуть рукопись, но получил отказ. В 1966 году Г. Джалашьян скончался, так и не увидев свой труд изданным.

В историко-этнографическом музее села Чалтырь Мясниковского района создан архив Г. Джалашьяна, где наряду с документами и личными вещами, переданными в музей его родственниками, хранятся несколько десятков тетрадей с рукописными текстами предварительно набросанных черновиков для будущего словаря, черновые записи по грамматике и фонетике нор-нахичеванского диалекта. Даже этот небогатый материал дает представление о глубине научного подхода при работе над словарем.

Судьба окончательного рукописного варианта словаря, отправленного Г. Джалашьяном в Ереван, до сих пор до конца не прояснилась. В 2006 году после долгих поисков в архивах Института языка и диалектологии было найдено 389 отпечатанных на машинке страниц окончательного варианта словаря, однако эти страницы охватывают лишь слова на буквы А, Б, Г и частично Д, остальная, большая часть рукописного варианта словаря бесследно исчезла.

Этот капитальный труд [2] имеет следующие основные характеристики, позволяющие судить о его уникальности:

а) классификация нор-нахичеванского диалекта сопровождается подробным анализом как фонетических особенностей, так и словарного запаса диалекта. При этом Г. Джалашьян опирался на исследования академика Г. Ачаряна, развил и обогатил их. По данной классификации, составленной на основе различий в фонетике и лексике, нор-нахичеванский диалект подразделяется на две группы: первую, большую группу составляют схожие говоры жителей г. Нор-Нахичеван, сел Мец Сала, Покр Сала и Нисвита, вторую — говоры сел Чалтырь и Крым. Говоры в Нор-Нахичеване, селах Мец Сала, Покр Сала и Нисвита Г. Джалашьян определяет как основной диалект, а говоры жителей сел Чалтырь и Крым — как субдиалект;

б) в предисловии к словарю дан подробный фонетический анализ нор-нахичеванского диалекта и выделены особенности его звукового состава;

в) отмечается, что чалтырский и крымский говоры сохранили трехступенную систему древнеармянских согласных, в то время как в говоре Нор-Нахичевана, сел Мец Сала, Покр Сала и Несветай древнеармянские трехступенные согласные перешли в двухступенные, при этом глухие согласные исчезли и преобразовались в придыхательные;

г) приводятся различные варианты произношений слов в селах и Нор-Нахичеване:

д) дается этимология большинства заимствованных слов, при этом отмечается, что заимствования, за небольшим исключением, не смогли повлиять на грамматическую структуру языка, который не только сохранил свое самостоятельное существование, но нередко использовал их как материал для построения, подчиняя своим правилам;

е) приводятся устаревшие и вышедшие из употребления слова;

ж) даются единицы языка, отражающие реалии прежних времен, с подробным толкованием их значений;

з) приводятся основные формы спряжений, склонений, а также удвоенные и неправильные формы слов;

и) вниманию читателя предлагаются примеры устойчивых оборотов и фразеологизмов;

к) даются синонимы и антонимы отдельных слов.

Сегодня на основе чернового варианта словаря, переданного в музей родственниками Г. Джалашьяна, одним из авторов данной статьи — А. Дагладияном — ведется большая и кропотливая работа по его переводу на русский язык с добавлением слов, не вошедших в черновой вариант словаря. В нынешних условиях, когда большинство носителей нор-нахичеванского (донского) диалекта, к сожалению, не умеют ни читать, ни писать по-армянски, перевод на русский язык — это единственный способ познакомить жителей нор-нахичеванской армянской общины с тем духовным наследием, которое досталось нам от старших поколений, и возродить таким образом интерес донских армян к родному языку.

Библиографический список

1. Ачарян Г. Исследования нор-нахичеванского (крымского) диалекта. Ереван, 1925. 214 с. На арм. яз.
2. Джалашьян Г. С. Толковый словарь новонахичеванского диалекта. Ростов н/Д: Старые русские, 2012. 240 с. На арм. яз.

ББК 81.006.2

М. А. Маякина

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В РАМКАХ ДРУЖЕСКОГО ДИСКУРСА

Рассматриваются особенности межличностного общения, изучение которого приобретает особую значимость на рубеже XX и XXI столетий. Дается определение, выделяются критерии и основные структурные единицы анализа межличностного общения, приводятся мотивы и цели его участников. Особое внимание уделяется дружескому общению, жанру дружеской беседы и такой его разновидности в англо-американской культуре, как *small talk*. В частности, делается упор на взаимодействие вербального и невербального поведения, а также эмоции, характерные непосредственно для дружеского дискурса. В качестве основных мотивов дружеского общения обозначаются аффилиация и альтруизм.

Ключевые слова: межличностное общение, дружеское общение, дружеская беседа, *small talk*, невербальное поведение, эмоции, дружеский дискурс.

The paper analyzes key features of interpersonal communication, which has acquired particular significance at the turn of the 21st century. The paper also presents the definition, criteria and major structural units of analysis of interpersonal communication, as well as reasons and goals its participants have and pursue. A special emphasis is placed upon communication between friends, genre of confabulation and *small talk* as its variety in the Anglo-Saxon culture. Particular stress is laid on interplay of verbal and nonverbal behavior and emotions peculiar for friendly discourse. The main motives for communication between friends are affiliation and altruism.

Key words: interpersonal communication, communication between friends, confabulation, *small talk*, nonverbal behavior, emotions, friendly discourse.

Активный процесс глобализации способствует развитию научных дисциплин, находящихся на стыке наук. К ним можно отнести социолингвистику, лингвопрагматику, психолингвистику, этнографию общения, социологию коммуникации и т. д. Как следствие, в области языкознания актуальными становятся междисциплинарная парадигма, антропоцентрический и дискурсивно-прагматический подходы к языку. Таким образом, расширяются знания о коммуникативном поведении как одном из фундаментальных психологических и лингвистических понятий.

Стремление проникнуть в глубинную природу языковых фактов характеризует антропоцентризм; он позволяет современному языкознанию «видеть» в знаках языка не только знаки культуры, но и национально-культурную специфику языкового сознания [7, с. 3]. За последние десятилетия усилилась напряженность, возрос уровень нетерпимости в человеческих отношениях по причине труднопреодолимой ментальной несовместимости людей и человеческих сообществ [2, с. 22—23]. В связи с вышесказанным изучение межличностного общения и его культурной специфики приобрело особую значимость.

Под межличностным общением мы понимаем «осуществляемое с помощью средств речевого и неречевого воздействия взаимодействие между несколькими людьми, в результате которого возникают психологический контакт и определенные отношения между участниками общения» [6, с. 4]. Такое общение удовлетворяет следующим критериям: 1) в нем участвует небольшое число людей; 2) оно представляет собой непосредственное взаимодействие; 3) это общение является личностно ориентированным.

Взаимодействие вступивших в общение людей становится основной структурной единицей анализа межличностного общения. Каждый из участников общения существенно влияет на поведение другого, между их высказываниями и поступками возникают причинные зависимости. Обмениваясь сообщениями, собеседники приспосабливают их к конкретной ситуации общения; содержание полученной информации перерабатывается и реструктурируется в зависимости от оценки самих себя, друг друга, окружающей обстановки [там же].

Межличностное общение управляется определенными мотивами и целями его участников. Можно выделить различные уровни общения в зависимости от характера его цели и возникающей между партнерами психологической дистанции [6, с. 5]. В контексте данной статьи наиболее интересным представляется интимно-личностный уровень, существующий в рамках обиходно-бытового дискурса повседневной коммуникации; его характеризуют психологическая близость, эмпатия, доверительность и доминирование контакта Я — Ты [4]. Такой дискурс базируется на следующих критериях [3, с. 13—14]: 1) типе общения (неофициальное), 2) социально-статусных отношениях (симметричные), 3) социально-ситуативной роли коммуникантов (переменная), 4) степени близости отношений (близкие, нейтральные), 5) отношении коммуникации к сопутствующей предметно-практической деятельности (нейтральное), 6) регламентированности сценария речевого взаимодействия (нежесткий).

В повседневной коммуникации часто происходит дружеское общение. Его необходимо рассматривать в связи с семантикой лексемы «друг» по таким смысловым признакам, как: 1) степень знания другого человека,

2) причина желания проводить время вместе, 3) характер отношений, 4) готовность помогать, 5) время общения и постоянность данных отношений, 6) степень уникальности отношений. Содержательными компонентами лексемы «друг» становятся коммуникативные компоненты, касающиеся общения и совместного времяпрепровождения [5, с. 107].

Жанр дружеского разговора/беседы обладает набором характерных качеств, в число которых входят [5, с. 147]: 1) гедонистическая или развлекательная составляющая, 2) шутивная или игровая тональность, 3) гармонирующая фатическая речь, 4) полилогический характер, 5) применение средств «сохранения собственного лица», 6) дружелюбие, доверительность и неофициальность как речевые доминанты дружеского разговора.

Важно отметить, что дружеский разговор представляет собой наименее национально-специфический жанр, однако его универсальность не означает полного отсутствия национальной специфики [там же]. Межличностная коммуникация как форма активного взаимодействия индивидуумов — своеобразный феномен языковой культуры каждого отдельного лингвосоциума [8, с. 19].

В англо-американской культуре разновидностью дружеской беседы является так называемый *small talk*, обладающий тональностью дружелюбия, спокойствия и нейтральности [1, с. 7]. Он выполняет социальные и коммуникативные роли, а именно [1, с. 8]: 1) демонстрирует готовность к общению, 2) осуществляет коммуникативную проверку, 3) психологически подготавливает к переходу к более серьезной теме, 4) действует как социальная «смазка», 5) помогает при завершении разговора. В рамках *small talk* существуют запрещенные темы, к которым относятся острые политические вопросы, способные вызвать разногласия коммуникаторов и высказывание резких суждений, вопросы религиозного направления, денежные вопросы, связанные с доходами предприятия, заработной платой, стоимостью покупок, вопросы сексуального характера, темы расизма, гендерного равноправия, социального неравенства и т. д. Основными видами тем являются [1, с. 16—17]: 1) темы наиболее общего характера (погода, «случайные» темы, связанные с ситуацией внеязыковой действительности); 2) темы общего характера (текущие или предстоящие события, спорт, политические вопросы, обсуждение общих знакомых, сплетни); 3) темы личного характера (комплименты, семья, работа, учеба, планы на будущее, совершенные путешествия и т. д.).

Вербальное поведение, несомненно, сопровождается невербальным; последнее в дружеском общении полифункционально. Оно регулирует пространственно-временные параметры общения, поддерживает оптимальный уровень психологической близости между общающимися, указывает на актуальные психические состояния личности, позволяет экономить речевые сообщения и усиливает эмоциональную насыщенность сказанного [6, с. 52].

Существенную роль в поведении человека играет эмоциональная сфера, так как различные эмоции являются результатом специфических действий коммуникаторов, а их выражение дает информацию, необходимую для выработки адекватных стратегий дальнейшего речевого поведения. За основу берем классификацию фундаментальных эмоций К. Изарда. К ним относят интерес, радость, удивление, горе/страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вину. Для дружеской беседы характерно проявление интереса, радости (искренней), горя наряду со страданием и депрессией (подобные эмоции

раскрывают в кругу тех людей, с которыми коммуникантов связывают интимные, дружественные или доверительные отношения), страха (поиск утешения у близких людей) [3, с. 17—18].

Важно, что дружеский дискурс является так называемым «разреженным». Под ним понимается коммуникативная среда, характеризующаяся слабовыраженным участием экстралингвистических факторов, поэтому коммуникативное поведение совершается без жестких ограничений. Беседа ведется без существенных конвенциональных ограничений, а речевое поведение оформляется, как правило, эксплицитно, ясно и информативно [3, с. 19].

По мнению специалистов, основными мотивами доверительного дружеского общения являются аффилиация и альтруизм/милосердие, основанные на позитивном отношении к людям и исключающие манипулирование. Человек, движимый потребностью в принятии себя, своих чувств, целей, в сближении и доверии, ориентированных на конкретных людей, выражает это в аффилиативном поведении. Тот, кто ощущает потребность в сопереживании, принятии других людей без ориентации на отдельного конкретного человека, выражает это в помогающем поведении, отзывчивости и милосердии [6, с. 20].

В заключение стоит отметить, что материалом для исследования жанра дружеской беседы могли бы послужить видеозаписи «живого» общения друзей, исследовательская (лингвистическая, психологическая, культурологическая, философская) и художественная литература, а также кино.

Библиографический список

1. Белоус А. С. Эволюция жанра светской беседы (small-talk) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, 2010. 24 с.
2. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века : учебное пособие для самообразования. М. : Пед. об-во России, 2002. 512 с.
3. Глушак В. М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения : (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. лингв. ун-т. М., 2010. 46 с.
4. Головаха Е. И., Панина Н. В. Психология человеческого взаимопонимания. Киев : Политиздат Украины, 1989. 189 с.
5. Дементьев В. В. О жанровой структуре общения друзей // Бытие в языке : сборник научных трудов к 80-летию В. И. Жельвиса / под ред. Т. Г. Кучиной. Ярославль : Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та, 2011. С. 107—148.
6. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорьша В. М. Межличностное общение : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2001. 544 с.
7. Синячкин В. П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Воен. ун-т. М., 2011. 57 с.
8. Фокина К. В. Аксиологическая модель языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе : (на материале писем швейцарского писателя XX века Макса Фриша) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пед. ин-т Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2010. 20 с.

ББК 81.432.1-0

Е. Н. Пастухова

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СИНОНИМОВ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Статья посвящена выявлению семантических различий синонимичных наименований украшений (колец) *beag* и *hring* в древнеанглийской героической поэзии. Подробный контекстуальный анализ позволил установить: в семантической структуре данных слов актуализируются коннотативные элементы, что обусловлено влиянием сохранившихся в слове этимологических ассоциаций, а также символического (ассоциативного) значения, которое появляется в связи с функциями обозначаемого предмета в обществе и слова в тексте.

Ключевые слова: древнеанглийская поэзия, синонимы, дифференциация, семантическая структура, аллитерация.

The article discusses semantic content of synonymous names of rings in Old English heroic poetry. Through contextual analysis various semantic constituents and cultural connotations inherent in the simplexes *beag* and *hring* are revealed. Taking into consideration the symbolic functions of artifacts in Anglo-Saxon society, the author makes it possible to disclose the associative meanings that the words carry.

Key words: Old English heroic poetry, synonyms, differentiation, semantic constituents, alliteration.

Одной из наиболее примечательных особенностей древнеанглийского поэтического словаря является развитая синонимия. Проблема дифференциации синонимов актуальна как в сфере исторической поэтики, так и собственно лингвистической семантики, поскольку поэтические синонимы служат для обозначения ключевых понятий эпического мира, таких как *море*, *корабль*, *дружина*, *битва*, *сокровище* и т. д.: «С участием синонимов осуществляется варьирование и развитие традиционных эпических тем... Проблема канона в древнеанглийской поэзии требует исследования языковой подосновы устойчивых поэтических структур» [8, с. 47]. Тончайшая дифференциация синонимов «позволяет понять историческую специфику синонимии, полисемии и других номинативных средств на ранних этапах развития языка и в зависимости от способа его существования» [2, с. 22].

Точка зрения, объяснявшая существование большого количества синонимов исключительно требованиями аллитерации, то есть стремлением поэта подобрать достаточное количество однокоренных слов для выражения одного и того же понятия, была неоднократно опровергнута многими учеными, как отечественными, так и зарубежными [2, 5, 6, 12, 14]. Например, О. А. Смирницкая на основе обнаруженного ею факта закрепленности отдельных синонимов за определенными метрическими позициями делает вывод, что эстетическое воздействие синонимов связано с их метрическим рангом: «Стирая предметно-логические значения между словами, стих подставляет на их место тончайшие различия в эстетической информации, выражаемые через метрику и аллитерацию» [6, с. 56]. Д. Кронан, обнаруживший

постоянную связь между высокой частотой аллитерации и словами, выступающими в качестве поэтизмов либо употребленными в переносном смысле или расширенном значении, отмечает, что «высокая частота аллитерации является отражением стилистического качества, присущего определенным словам». «Этот факт, — пишет он, — дает возможность использовать аллитерационную частоту для разграничения синонимов в соответствии с их поэтической ценностью и более точно определить поэтический словарь» [14, р. 154]. Н. Б. Пименова на примере наименований моря демонстрирует возможность сохранения поэтическими синонимами первоначальных семантических различий, выявляемых путем анализа их «притяжения» к определенным, специфичным для каждого обозначения семантическим признакам контекстов (т. е. путем их «семантической аттракции») [5].

Несомненно, выявлению семантических различий синонимов способствует тот факт, что слово в аллитерационной поэзии, как правило, многозначно и имеет широкий спектр культурно значимых ассоциаций, возникающих в связи с его употреблением. «Многозначность поэтического слова — это неотъемлемое свойство его внутренней семантической структуры, свидетельство несравненной и все еще недооцененной глубины», — замечает О. А. Смирницкая [7, с. 159]. Поэтическая лексика изначально «диахронична», так как поэтические словоупотребления позволяют восстановить всю смысловую историю лексемы, выявить ее коннотативно-ассоциативные созначения.

В древнеанглийской героической поэзии наиболее богатой синонимическими наименованиями является сфера материальных артефактов-сокровищ, среди которых особый интерес вызывают наименования украшений, главным образом колец, браслетов и ожерелий. Их описание настолько широко представлено в героическом эпосе, что возникает вопрос, какую роль вышеназванные предметы играли в древнегерманском обществе, а соответствующие лексемы — в тексте. Глубокий анализ текста с привлечением самых разных типов контекстов — от лексико-грамматической сочетаемости в пределах краткой строки до более высокого уровня — связи композиции, образов, смыслов отдельных отрывков текста — позволяет установить, равнозначны ли данные наименования по отношению к той социальной и художественной функции, которую выполняют обозначаемые ими предметы, а также выявить различные ассоциативные сферы, с которыми оказываются связанными исследуемые лексемы.

Самое употребительное из наименований украшений простое существительное *beag* в глоссариях к поэме трактуется как «крученое металлическое ожерелье, драгоценное кольцо (обычно для руки или шеи), корона». Слово родственно древнеанглийскому глаголу *bagan* («кланяться») и современному английскому *bow* («гнуть, сгибать») [9, 11]. Однако семантическая реальность слова в древних памятниках оказывается намного сложнее, чем тот набор переводных эквивалентов, при помощи которых пытаются выразить ее составители глоссариев.

Существительное *beag* употребляется в большинстве эпизодов поэмы «Беовульф», содержащих описания сокровищ и церемоний раздачи даров. В таких контекстах оно имеет форму множественного числа и приобретает собирательное значение «сокровище». Так, воин Унферт в своем рассказе о морском состязании Беовульфа с Брекой говорит о возвращении Бреки домой на землю Брондингов:

... þær he folk ahte,
 burh ond *beagas* / (522—523)* —
 «...где он имел людей, // крепость и *сокровища*».

В другом эпизоде королева Хюгд после смерти Хигелака пытается убедить Беовульфа вступить на трон, предлагая ему «hord ond rice, // *beagas* ond bregostol /» — «клад и королевство, // *сокровища* и престол» (2369—2370). В обоих случаях *beag* подразумевает разнообразные ценные предметы, включающие также и собственно кольца, символизирующие королевскую власть.

В контексте сражения с драконом *beag* идентифицирует многочисленные сокровища клада дракона. Так, в строке 3014 посланник говорит о том, что Беовульф завладел кладом ценою собственной жизни:

ond nu æt siðestan / sylfes feore
beagas gebohte (3013—3014) —
 «...и теперь, в конце концов, / собственную жизнь // *сокровища* купил».

После гибели Беовульфа Виглаф предлагает дружинникам в последний раз взглянуть на драгоценности клада:

...neon sceawiað
beagas ond brad gold (3104—3105) —
 «...недалеко отсюда вы увидите // *кольца* и литое золото».

Несколькими строками ниже эти сокровища положили в погребальный курган Беовульфа:

Hi on beorg dydon / *beg* ond siglu,
 eall swylce hýrsta... (3163—3164) —
 «Они в этот курган положили / *кольца* и драгоценности, // все те украшения...»

Очевидно, что и в подобных контекстах *beag* имеет собирательное значение, идентифицируя *все сокровища* клада, но ассоциируется прежде всего с блеском переливающегося золота («brad gold») и украшений («siglu»).

Рассматривая лексико-грамматическую сочетаемость *beag* в составе краткой строки, следует отметить неоднократное употребление словосочетания *beaga bryttan* («кольцедаритель»), относящегося к конунгу Скильдугу Скевингу (35), правителю данов Хродгару (352), королю геатов Хигелаку (1487). В древнеанглийской поэме «Битва при Брунанбурге» («The Battle of Brunanburh») король Этельстан называется «beorna beahgifa» — «мужей кольцедаритель» [10]. Такое обозначение князя не случайно: основная обязанность короля — раздавать воинам ценные подарки в награду за совершенный подвиг. Обещание заплатить за доблестный поступок было совершенно естественным для древнего германца: не меньше славы, морального удовлетворения от победы воины искали и материальных наград [1, 3, 16].

Награждая своих воинов, древнегерманский вождь мог передать им с вручаемым ценным предметом и «частицу» своего везения [3, 4]. Вероятно, именно это имела в виду королева Вальхтеов, обращаясь к Беовульфу со словами:

«Bruc ðisses *beages*, / Beowulf leofa,
 hýse, mid hæle...» (1216—1217) —
 «Наслаждайся этими *кольцами*, / любимый Беовульф, // молодой воин, да пусть тебе сопутствует удача...»

В большинстве контекстов в составе краткой строки *beag* является прямым дополнением, выполняет функцию объекта действия, производимого,

* Здесь и далее текст поэмы «Беовульф» цитируется по [11] с указанием в круглых скобках номера строки.

как правило, субъектом-мужчиной. Например, в самом начале поэмы мы узнаем, что Хродгар был хорошим правителем: «...he beot ne aleh, / *beagas* dælde» (80) — «...он от обещаний не отступал, / *кольца* раздавал». Далее в поэме сам Хродгар в своей назидательной речи о недостойном правлении Херемода говорит, что тот «nallas *beagas* geaf // Denum æfter dome» (1719—1720) — «никогда не раздавал *колец* // данам в награду за славу».

Беовульф, как Хродгар, не забывал о своей обязанности и был хорошим кольцедарителем, что особенно подчеркивается в последней части поэмы. Так, Виглаф напоминает струсившим дружинникам Беовульфа о том, что их повелитель «ðas *beagas* geaf, // þæt we him ða giðgetawa / gyldan woldon //» (2635—2636) — «те *кольца* раздавал, // чтобы мы ему за то военное снаряжение / отплатить желали».

Очевидно, что «*beagas geaf*» (2635, 3009) и «*beagas dælde*» (80) — это обычные выражения для характеристики основной деятельности князя — кольцедарения, которое является актом важнейшей социальной значимости. Примечательно, что *beag* в качестве первого компонента, определяющего значение слова-основы, образует значительное количество сложных слов, связанных с темой «раздачи колец»: «*beaggyfa*» (1102) — «кольцедаритель», «*beahsele*» (1177) — «зал, где раздаются кольца», «*beahðege*» (2176) — «получение кольца», что, вероятно, свидетельствует о тематической закреплённости слова в «Беовульфе».

Ассоциируясь с практикой «раздачи колец», *beag* не просто служит наименованием кольца как предмета, имеющего определенную материальную ценность. Оно приобретает дополнительную смысловую нагрузку, символизируя процветание и удачу, передаваемую князем своим подданным.

Еще одно показательное применение слова в поэме — для описания знатной женщины, королевы Вальхтеов. Жена Хродгара, подносящая чашу с напитком геатским воинам, в строке 623 названа «*beag-hroden swen*» — «украшенная кольцами королева». Несколькими строками ниже она, обращаясь с речью к Беовульфу, выступает вперед «*under gyldum beage*» (1163) — «под золотым венцом».

По мнению Кристофера Фи, употребление слова в данных контекстах одновременно вскрывает как прямое, буквальное, так и переносное, метафорическое значение *beag*. В прямом значении слово способствует формированию образа царственной особы, которая носит кольца как знак своего положения. «На метафорическом уровне *beag*, которое обычно встречается в контексте описания материальных объектов, усиливает образ женщины как украшенного ценного объекта; более того, такое употребление слова ассоциируется с практикой “раздачи колец” и подчеркивает роль женщины как объекта, способного влиять на социальные связи в обществе» [15, p. 287].

К. Фи подчеркивает, что *beag-hroden* («украшенная кольцами») — устойчивое выражение для описания королевы, а *beagas geaf* («кольца раздавал») — формульное словосочетание при описании деятельности короля, и делает вывод о специфических функциях мужчин и женщин в культурной практике, отраженной в поэме: «Женщины описаны в терминах материальных объектов, а мужчины — нет; мужчины выступают распорядителями и получателями таких объектов, а женщины — нет» [ibid.]. По мнению исследователя, лексическое сходство при описании женщин и драгоценных предметов в поэме создано для того, чтобы провести аналогию между функциями «кольцедарение» и «миротворчество» в культурном контексте поэмы.

Вероятно, *beag* в большей степени, чем другие наименования украшений, приближается к значению «плата» (за оказанную услугу, откуп и т. д.) в современном понимании этого слова. Доказательством чему может служить следующий контекст употребления *beagas* в поэме «Битва при Мэлдоне» («The Battle of Maldon»). Посланник викингов предлагает предводителю англосаксов Бюрхноту признать поражение и заплатить дань:

...heton ðe secgan, / þæt þu most sendan gaðe

beagas wið gebeorge [10, line 30—31] —

«...приказали сказать, / что ты должен выслать скорее // **кольца** в обмен на защиту».

Существительное *beagas* выступает здесь в собирательном значении, идентифицируя не конкретные кольца-украшения, но богатство племени (казну?), которое, в свою очередь, символизирует «достоинство всего племени и его коллективную честь» [13, p. 98].

Существительное *hring*, так же как и *beag*, встречается в контексте «кольцедарения», чаще всего выполняя функцию объекта действия: «*hringum wenede*» (1091) — «одаренные кольцами», «*hringas dælan*» (1970) — «кольца делил», «*hringas geaf*» (3034) — «кольца раздавал». Слово употребляется и для иносказательного обозначения короля:

Wær þa seo brimwylf, / þa heo to botme com,

hringa þengel / to hofe sinum... (1506—1507) —

«Поташила тогда волчица морей, / после того как она на дно спустилась, // **кольцами** защищенного принца / в свое убежище...»

Это же словосочетание относится к Беовульфу и в контексте сражения с драконом:

Oferhogode ða / *hringa* fengel,

þæt he þone widflogan / weorode gesohte... (2345—2346) —

«Был слишком горд / **кольцами** защищенный князь, // что он того дракона / атаковать должен...»

Очевидно, что существительное *hring* в данных контекстах используется при описании *внешнего вида* мужчины, подобно тому как *beag* употребляется при описании женщины, украшения которой символизируют ее принадлежность к королевскому роду. Подтверждением того, что *hring* идентифицирует атрибуты *мужчины* (короля), служат следующие примеры.

В первой части поэмы в качестве награды за победу над чудовищем Гренделем Беовульф получает «*earmhreade twa, // hrægl ond hringas*» (1194—1195) — «два браслета, // кольчугу и **кольца**». Перечисленные подарки являются крайне дорогими предметами, принадлежащими обычно королям. Примечательно, что кольца, подаренные Беовульфу, обозначены существительным *hringas*, а не *beagas*.

В другом примере ожерелье короля Хигелака также называется *hring*:

þone *hring* hæfde / Higelac Geata,

nefa Swertinges / nystan siðe... (1202—1203) —

«То **кольцо** имел / Хигелак, повелитель геатов, // племянник Свертинга, / в своем последнем походе...»

Речь идет об ожерелье, которое после смерти короля Хигелака перешло Беовульфу. В последней части поэмы смертельно раненый в битве с драконом Беовульф передал это ожерелье, символ королевской власти, своему верному вассалу Виглафу:

Dyde him of healse / *hring* gyldenne
 Pioden þrithydig, / þegne gesealde... (2809—2810) —

«Снял с шеи / *ожерелье* золотое // повелитель отважный / и благородному
 воину отдал...»

Примечателен тот факт, что *hring* в значении «кольцо» не употребляется в поэме для наименования украшений *женщины*. Это может свидетельствовать о *гендерной принадлежности* слова. *Hring*, таким образом, обозначает украшение или владение *короля-мужчины*, имеет ассоциации, связанные с могуществом и величием королевской власти.

Интересный пример употребления *beag* и *hring* находим в поэме «Битва при Мэлдоне». К раненому Бюрхноту приближается один из воинов-викингов, намереваясь завладеть сокровищами конунга:

Eode þa gesyrgwed / secg to þam eorle,
 he wolde þæs beornes / *beagas* gefeccan,
 reaf ond *hringas* / ond gerenod swurd [10, line 159—161] —

«Подошел тогда вооруженный / воин к тому князю, // он хотел того мужа / *колец* лишить, // доспехов, и *украшений*, / и богатого меча».

Представляется, что двукратное наименование колец существительными *beagas* и *hringas* в данном контексте не случайно и не объясняется исключительно требованиями аллитерации (в строке 161 *hringas* вообще не вступает в аллитерацию, т. е. его употребление не обусловлено стремлением поэта выразить одну идею разными лексическими средствами). Принимая во внимание установленные различия в употреблении и семантике указанных слов, предположим, что *beagas* в данном случае — это кольца — драгоценности, владение князя, то, чем он одаряет своих воинов в качестве платы за службу («деньги» в современном понимании); *hringas* — кольца — украшения князя, символизирующие королевскую власть, статус и положение в обществе. Вероятно, эта особенность семантики данных слов способствовала тому факту, что именно *hring* — современное *ring* — сохранилось в английском языке в значении «кольцо».

Проведенное исследование показало, что наименования колец *beag* и *hring*, семантика которых проявляется сквозь призму других, более общих понятий, не абсолютно идентичны в своем употреблении в контексте аллитерационного стиха древнеанглийской героической поэзии. Данные наименования акцентируют *социальную символику* обозначаемых артефактов, подчеркивают статус, социальное положение, права и обязанности своего владельца. Синонимические системы в героической поэзии не только помогали поэту справиться с требованиями аллитерационного стиха, но и позволяли ему раскрыть и описать эпический мир во всем его многообразии и богатстве и отразить разные стороны ключевых эпических предметов и понятий.

Библиографический список

1. Волков А. М., Волкова З. Н. «Беовульф»: англосаксонский эпос. М.: Изд-во УРАО, 2000. 101 с.
2. Гвоздецкая Н. Ю. Семантика древнеанглийского поэтического слова в свете литературной эволюции // Семантика. Прагматика. Межкультурная коммуникация: материалы научной конференции «Современные прагмалингвистические и лингвокультурологические исследования». Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 19—25.

3. Гуревич А. Я. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф ; Старшая Эдда ; Песнь о Нибелунгах. М. : Худож. лит., 1975. С. 5—26.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. 350 с.
5. Пименова Н. Б. Селекция и комбинация синонимов «моря» в «Беовульфе» // Слово в контексте литературной эволюции: заговор — эпос — лирика. М. : Изд-во МГУ, 1990. С. 56—65.
6. Смирницкая О. А. Синонимические системы в «Беовульфе» // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 1980. № 5. С. 44—56.
7. Смирницкая О. А. О многозначности эпического текста : (вводные замечания). Комментарий к «Гренландской песне об Атли» // Эпос Северной Европы : пути эволюции. М. : Изд-во МГУ, 1989. С. 158—172.
8. Смирницкая О. А., Пименова Н. Б. Слово в контексте литературной эволюции: постскрипtum к конференции по исторической поэтике // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 1995. № 3. С. 40—56.
9. Смирницкий А. И. Словарь к хрестоматии // Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. С. 131—271.
10. An Anglo-Saxon Reader / ed. with Notes and Glossary by A. J. Wyatt. Cambridge : Cambridge University Press, 1922. 360 p.
11. Beowulf ; The Fight at Finnsburg / ed. by F. Klaeber, with Introduction, Bibliography, Notes, Glossary and Appendices. 3rd ed. Boston : D. C. Heath and Company, 1950. 471 p.
12. Brady C. «Weapons» in «Beowulf»: an analysis of the nominal compounds and an evaluation of the poet's use of them // Anglo-Saxon England. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. Vol. 8. P. 79—141
13. Cherniss M. D. Ingeld and Christ. The Hague ; Paris : Mouton, 1972. 267 p.
14. Cronan D. Alliterative rank in Old English poetry // Studia Neophilologica. 1986. № 2. P. 145—158.
15. Fee C. BEAG and BEAGHRODEN: women, treasure and the language of social structure in «Beowulf» // Neuphilologische Mitteilungen. 1996. № 3. P. 285—292.
16. Niles J. D. Reciprocity // Beowulf : the Poem and Its Tradition. Cambridge : Harvard University Press, 1983. P. 213—225.

ББК 63.211

К. Е. Балдин

МЕМУАРЫ Н. Г. ГУСЕВА О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ В ПАЛЕСТИНУ (конец XIX в.)

Анализируются мемуары одного из русских паломников на Ближний Восток. Уделяется внимание внутренней и внешней критике источника личного происхождения. Делается акцент на положительных и отрицательных впечатлениях, полученных мемуаристом в чуждой этноконфессиональной и культурной среде, в которую попадали паломники, путешествуя по Палестине.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православное паломничество, паломнические мемуары, Османская империя, Палестина, Императорское православное Палестинское общество.

This article is devoted to the memoirs written by a Russian pilgrim to the Middle East. The author makes a critical scientific evaluation of it. Besides, the author pays attention to Gusev's positive and negative impressions gained in the foreign cultural and religious surrounding during his travel in Palestine.

Key words: Russian Orthodox Church, orthodox pilgrimage, pilgrim memoirs, Ottoman empire, Palestine, The Imperial Orthodox Palestinian Society.

Некоторые русские путешественники в Палестину, начиная с широко известного игумена Даниила, время от времени обогащали отечественную литературу, сначала средневековую, а потом и нового времени, своими путевыми записками. Вследствие редкости этих произведений, каждое из них становилось явлением неординарным в русской словесности. В первой половине XIX столетия в России паломнические мемуары прочно вошли в ряд жанров «большой» литературы, однако число их пока было невелико. Во второй половине того же столетия такого рода произведений стало гораздо больше, в то же время качество их несколько снизилось, так как за перо взялись не только путешественники-дворяне и церковные иерархи, но и простые сельские священники или миряне. Достаточно высоко над этим средним уровнем стоят воспоминания, написанные в самом конце XIX в. Николаем Гусевым, человеком образованным, за плечами у которого была не только Казанская духовная академия, но и несколько лет преподавания в Вятском женском епархиальном училище.

Подробные биографические данные об авторе мемуаров в доступных нам источниках найти не удалось. Отдельные штрихи его портрета были реконструированы в результате фронтального просмотра годовых подшивок «Вятских епархиальных ведомостей» за конец XIX — начало XX в. В частности, в списке педагогического персонала Вятского женского епархиального училища содержатся сведения о том, что Гусев Николай Григорьевич окончил Казанскую духовную академию в 1892 г. и в том же году поступил на работу в упомянутое выше учебное заведение. Сначала он преподавал только русский язык, но потом ему поручили вести уроки педагогики и дидактики. Дело было в том, что епархиальные училища готовили обучавшихся в них

© Балдин К. Е., 2015

девушек (в основном из среды духовенства) к педагогической карьере. Большинство их шло работать учительницами в церковно-приходские школы, которые в каждой епархии насчитывались сотнями. За добросовестное исполнение служебных обязанностей по состоянию на 1902 г., т. е. по прошествии десяти лет педагогической работы, Н. Г. Гусев был награжден орденами Станислава 3-й степени и Анны 3-й степени. В том же году он уже имел чин коллежского советника [2, 1902, № 19, ч. неофиц., прил., с. 8].

Кроме непосредственных служебных обязанностей, Н. Г. Гусев исполнял различные общественные поручения, которые возлагало на него училищное и епархиальное начальство. В частности, он являлся членом комитета епархиальной библиотеки-читальни [2, 1907, № 31, ч. офиц., прил., с. 17]. Такие культурно-просветительные учреждения были созданы повсеместно в губернских и епархиальных центрах для распространения духовно-нравственной, патриотической и иной литературы как среди духовенства, так и среди мирян.

В 1903 г. он был назначен старшим редактором неофициальной части «Вятских епархиальных ведомостей». В них печатались не только методические материалы для духовенства по проведению богослужений и внебогослужебных беседований с паствой, но и статьи и документы по истории местных церквей и монастырей, воспоминания о паломнических поездках по российским и зарубежным святыням. Типичным примером стала публикация воспоминаний самого Гусева о поездке в Святую землю. Обычно вследствие многосложности таких редакторских обязанностей неофициальную часть «Ведомостей» курировали сразу два человека, но Н. Г. Гусев долгое время вел эту работу один [2, 1903, № 22, ч. офиц., с. 499].

Особенно активной была общественная деятельность Гусева в Вятском епархиальном отделе Императорского православного Палестинского общества (ИППО). После вступления в эту всероссийскую организацию он стал с 1896 г. проводить Палестинские духовно-нравственные чтения, которые сопровождалось показом «туманных картин» (слайдов) через «волшебный фонарь» (диапроектор). Слушатели с особым вниманием воспринимали рассказы Гусева как очевидца, совершившего паломничество к святыням вселенского христианства. Наибольшей популярностью пользовалась в его интерпретации тема «Судьбы Иерусалима и русские паломники». Чтения проводились в Вятском общественном собрании, в помещении попечительства о народной трезвости, на фельдшерских курсах, а также по месту основной работы Гусева — в епархиальном училище [2, 1898, № 5, ч. неофиц., с. 244; 1902, № 9, ч. офиц., с. 9; 1904, № 9, ч. офиц., прил., с. 8].

Помимо этого, автор рассматриваемых мемуаров регулярно избирался в ревизионную комиссию Вятского отдела Палестинского общества, на этом посту ему приходилось вплотную заниматься финансовыми делами организации. Активная просветительная и организационная работа в ИППО не осталась без награды. В 1899 г. Н. Г. Гусев был удостоен почетного звания члена-сотрудника этого общества [2, 1899, № 7, ч. неофиц., с. 211; 1902, № 9, ч. офиц., прил., с. 41; 1905, № 13, ч. офиц., прил., с. 5—6].

Воспоминания Н. Г. Гусева были опубликованы в местном церковном офицозе — «Вятских епархиальных ведомостях» в 1900 г. подряд в четырех номерах — с 7-го по 10-й. Текст печатался большими фрагментами — страниц по 20 или более того. Это свидетельствует о том, что мемуары были написаны заранее. Отметим в этой связи, что публикация воспоминаний

сравнительно небольшими фрагментами и не подряд, а с пропусками номеров, как правило, говорит о том, что текст создается в процессе публикации и нередко это делается второпях.

Свое путешествие Н. Г. Гусев совершил в 1898 г. Чаще всего в Святую землю русские паломники отправлялись не в одиночку, а группами — большими или малыми. Вместе с Гусевым в Палестину ездили: преподаватель Вятской духовной семинарии А. И. Одоев и помощник смотрителя Вятского духовного училища С. С. Липягов [2, 1900, № 7, ч. неофиц., с. 278]. Таким образом, небольшая компания была однородной по своей профессиональной принадлежности и, наверняка, по своим интересам. Они поехали в Палестину, воспользовавшись летними каникулами в своих учебных заведениях. Иной возможности направиться в Святую землю, кроме как летом, у них не было.

Все путешествие вятчан заняло промежуток времени с 8 июня по 3 августа 1898 г. Однако в Палестине путешественники были всего неделю — с 8 по 14 июля, все остальное время ушло на дорогу. Не случайно почти половина мемуаров посвящена пути в Святую землю, в процессе которого паломники посетили несколько русских городов, остановились в Одессе, затем в Константинополе, Пирее, Смирне, на Крите. На довольно длительное время они задержались в Египте.

Рассматриваемый нами источник личного происхождения представляет собой именно воспоминания, написанные через некоторое время после путешествия, а не дневник, создававшийся в процессе его. Даты пребывания в том или ином городе в тексте присутствуют, но они не структурируют текст на поденные записи, как это бывает в дневнике. Общий объем мемуаров не очень велик и составляет 3,1 печатного листа.

Маршрут путешествия Гусева и его спутников был довольно обычным для паломников, отправлявшихся на поклонение Святым местам. Как и у большинства остальных паломников, путь вятчан начинался от Одессы. Они прибыли сюда не в самый удачный день, и им пришлось ждать отправления очередного парохода три дня. Это время они потратили на осмотр достопримечательностей приморского города и поездку на близлежащие лиманы.

Примерно через сутки после отхода из Одессы их пароход, принадлежавший Русскому обществу пароходства и торговли, уже швартовался в Константинополе. Обычно в турецкой столице паломники задерживались примерно три дня. Гусев и его компания за это время осмотрели некий стандартный набор сакральных и не сакральных мест, которые традиционно посещали русские в Царьграде, — превращенный в мечеть храм св. Софии, музей древностей. Эти экскурсии в мемуарах получили отражение, но в то же время прогулки по Пере и Галате в Константинополе лишь упомянуты в воспоминаниях. Это означает, что мемуарист записал не все свои впечатления. Как мы предполагаем, его рассуждения сводились к тому, что следует фиксировать лишь те из них, которые касались сакральных мест, а мирские экскурсии по отдельным частям Константинополя к их числу не принадлежали. К местам, которые отклонялись от традиционного маршрута русских паломников, относилось предместье Константинополя Сан-Стефано, где они поклонились останкам русских воинов, захороненных здесь в 1878 г. [2, 1900, № 7, ч. неофиц., с. 283—295].

Первоначально планы вятских паломников заключались в том, что они на пароходе собирались отправиться из Константинополя в палестинский порт Яффа. Однако планы были существенно скорректированы, когда они

узнали, что есть возможность на другом судне добраться до Египта. Русские паломники воспринимали эту страну не как мирской экскурсионный объект, а как сакральное пространство, связанное с совершенно определенными библейскими и евангельскими событиями. Пароход следовал по Эгейскому морю через Смирну, в которой останавливались практически все паломники, вне зависимости от маршрута следования в Палестину. Далее путь Гусева и его спутников лежал в Пирей, остановка в котором была настолько короткой, что, к разочарованию паломников, они не могли посетить Афины, расположенные неподалеку. Затем, после непродолжительной остановки на острове Крит, паломники прибыли в Александрию для того, чтобы сразу же направиться в Каир, а потом на лодке по Нилу с осмотром как христианских, так и языческих (древнеегипетских) достопримечательностей, включая пирамиды [2, 1900, № 8, ч. неофиц., с. 342—345].

Через Порт-Саид путешественники отплыли морем в Палестину, высадившись на ее территории в Яффе. В Иерусалиме они посетили храм Гроба Господня, «Русский дом» с порогом Судных врат, Стену плача, мечеть Омара и некоторые другие достопримечательности, связанные с различными конфессиями. В ближайших окрестностях Святого града они поклонились сакральным местам Вифлеема, Гетсимании, Хеврона, Мамврийскому дубу, в более отдаленных увидели Мертвое море, реку Иордан, Иерихон. Срок их пребывания в Палестине был очень кратким, поэтому за пределами их маршрута остались сакральные места, расположенные в северной части Святой земли, — Назарет, Тивериадское озеро, Кана, Капернаум и др. Кроме того, паломникам из Вятки не удалось посетить Синай, Сирию, Ливан, куда попадали некоторые из русских паломников.

Во многих паломнических текстах, созданных в конце XIX — начале XX в., либо мало, либо совсем ничего не говорится о заслугах Императорского православного Палестинского общества в создании того феномена, который обычно именовался в то время (как, впрочем, и сейчас) Русской Палестиной. Многие паломники воспринимали как сами собой разумеющиеся те обстоятельства, что они живут в Иерусалиме и в других местах на подворьях, которые были основаны и содержались Палестинским обществом, что пользуются услугами кавасов ИППО как гидов и проводников в путешествиях по Святой земле и т. п.

Такой забывчивостью явно не отличается Н. Г. Гусев, который не раз упоминает о заслугах данной организации. Это скорее всего объясняется тем, что он являлся активным функционером Вятского отделения ИППО. В самом начале мемуаров автор сразу же указывал, что сумел поехать в Палестину во многом благодаря тому, что общество сделало такие паломничества не только возможными, но даже в определенной степени комфортными. Также он кратко останавливается на просветительной деятельности Палестинского общества внутри России, в частности на Палестинских чтениях, которые проводились практически во всех епархиях РПЦ. Причем автор опирался на собственный опыт, так как он сам являлся организатором этих духовно-просветительных мероприятий в городе Вятка [2, 1898, № 5, ч. неофиц., с. 244; 1899, № 7, ч. неофиц., с. 211].

Автор специально останавливается на комфортных бытовых условиях, которые предоставлялись паломникам на новом иерусалимском Палестинском подворье, ставшем пристанищем для вятских паломников. Так как они прибыли в Святой град в «низкий сезон» паломнической активности, то им был предоставлен широкий выбор различных номеров, хорошо меблированных

и отличавшихся чистотой. Особенно рады были путешественники чаю из самовара, который они не ожидали увидеть в столь далеких краях [2, 1900, № 8, ч. неофиц., с. 350].

Регулярно автор упоминает кавасов — гидов и проводников ИППО. К вятчанам был приставлен самый младший из них — Христо (Христофор), который, по меткому замечанию Гусева, ухаживал за ними «как няня за питомцами». Он покупал им железнодорожные билеты, нанимал экипажи для поездок по Святой земле, готовил им пищу во время этих путешествий. Все остальные кавасы были в равной мере вежливы и услужливы [2, 1900, № 8, ч. неофиц., с. 348, 351; № 9, ч. неофиц., с. 402].

Несколько раз на страницах мемуаров Гусева упоминается наиболее известный деятель Русской Палестины архимандрит Антонин Капустин. Первый раз имя этого маститого церковного деятеля встречается в воспоминаниях в связи с посещением так называемого Русского дома в Иерусалиме, основанного о. Антонином, где благодаря ему во время археологических раскопок был открыт порог Судных врат Святого града [2, 1900, № 8, ч. неофиц., с. 353].

Автор воспоминаний отмечал, что архимандрит приобрел в Святой земле несколько очень важных участков, на которых располагались сакральные объекты библейской и евангельской истории и на которых в дальнейшем были построены «станноприимцы», т. е. русские постоянные дворы, предназначенные для паломников. В мемуарах отмечается редкая способность о. Антонина покупать не только значимые для любого христианина, но и очень живописные участки [2, 1900, № 9, ч. неофиц., с. 415; № 10, ч. неофиц., с. 460].

Отец Антонин скончался за несколько лет до поездки Гусева в Палестину, в 1894 г., и память о нем здесь была еще очень живой [1, с. 12]. В «книге отзывов» русского подворья в Иерихоне паломники прочли много благодарностей архимандриту. На горе Елеон они послушали рассказ о. Парфения о нем и поклонились могиле отца Антонина. В заключительной части своих мемуаров Гусев сравнивает отца Антонина, основавшего важные опорные точки Русской православной церкви на Ближнем Востоке, с основателями таких сакральных мест православия, как Киево-Печерская лавра, Соловецкий и Валаамский монастыри [2, 1900, № 9, ч. неофиц., с. 416; № 10, ч. неофиц., с. 460].

В мемуарах отчетливо просматривается патриотическая позиция, которую неизменно занимал автор. В частности, его радует и даже восторгает зримое военное присутствие России в Средиземном море. В воспоминаниях отмечены все встречаемые им случаи демонстрации Андреевского флага в этом регионе. В частности, в Стамбуле он видел военное судно «Колхида», в Пирее — русскую канонерку, а на Крите — броненосец «Александр III» [2, 1900, № 7, ч. неофиц., с. 283; № 8, ч. неофиц., с. 339, 341].

Особенно большое впечатление произвел на русского паломника эпизод в Порт-Саиде, где стоял большой пароход «Херсон», доставлявший около полутора тысяч русских солдат и офицеров на Дальний Восток, в Порт-Артур, который незадолго перед этим стал главной российской военно-морской базой на Тихом океане. Пароход встретился у входа в Суэцкий канал с французскими броненосцами. В конце 1890-х гг. Россия и Франция являлись союзниками, в связи с этим французские моряки устроили русским военным овацию, а сами суда разукрасились флагами. В ответ с русского

парохода раздалось мощное «ура» [2, 1900, № 8, ч. неофиц., с. 346]. Автор повествует об этой встрече с явной гордостью за свою страну.

Патриотическая позиция паломника наглядно проявилась в том, что часть довольно непродолжительного времени стоянки в Константинополе он потратил не на осмотр любопытных достопримечательностей, а на поездку в Сан-Стефано для того, чтобы поклониться могилам русских воинов, павших буквально у ворот турецкой столицы во время войны 1877—1878 гг. Русские паломники осмотрели мемориальное здание, где был подписан Сан-Стефанский мирный договор, посетили церковь, построенную над захоронением российских воинов. Описывая эту поездку, автор особо отмечает, что наши войска так и не сумели войти в Константинополь из-за «происков врагов», т. е. из-за позиции, которую заняла в этой войне Англия, всячески старавшаяся в это время ослабить влияние России на Балканах [2, 1900, № 7, ч. неофиц., с. 291, 293].

С той же Русско-турецкой войной связан еще один эпизод паломничества, когда на одном из постоянных дворов в Палестине хозяин его, турок по национальности, неожиданно заговорил с нашими паломниками на ломаном русском языке. Оказалось, что он во время войны 1877—1878 гг. попал в плен, причем за это время от общения с русскими у него остались почти исключительно положительные впечатления [2, 1900, № 10, ч. неофиц., с. 457].

Порадовало Гусева в Палестине и то обстоятельство, что здесь не было нужды менять российские деньги на турецкую или иную валюту, так как русские рубли и копейки местные торговцы принимали даже охотнее, чем турецкие денежные знаки. Покупки в Святом граде значительно облегчались тем, что многие вывески были написаны на русском языке, поскольку местные торговцы считали своими главными клиентами паломников из России [2, 1900, № 8, ч. неофиц., с. 359, 351].

Воспоминания Гусева убеждают читателей не только в том, что он обладал бойким пером, излагая события паломничества ярким и образным языком, но и в том, что он был явно неравнодушен к красотам природы. Об этом свидетельствует, например, не лишнее известной поэтичности описание смены дня ночью во время путешествия на пароходе по Черному морю, поросшей зеленью долины реки Иордан и захватывающего вида на Иерусалим, открывающегося с вершины горы Елеон [2, 1900, № 7, ч. неофиц., с. 281; № 9, ч. неофиц., с. 405—406, 422].

Естественно, паломник с Русского Севера не мог не заметить, что астрономические явления на Ближнем Востоке протекают не так, как в его родной Вятской губернии. Гусев обратил внимание, что на Святой земле смена дня и ночи происходит не так плавно, как на севере, а очень быстро, поэтому здесь почти отсутствовали понятия утра и вечера. Кроме того, по его наблюдениям, звезды на юге светили значительно ярче, чем на его родине [2, 1900, № 10, ч. неофиц., с. 455—456].

В рассматриваемых нами воспоминаниях не часто встречаются упоминания о жаре, но иногда жалобы на нее все же проскальзывают в тексте. Это свидетельствует о том, насколько терпеливым был русский паломник, приехавший из более чем умеренного климата в Египет и Палестину, об иссушающей жаре которых он читал только в учебниках географии. Более того, Гусев со своими спутниками оказался в Восточном Средиземноморье в самый неподходящий для северянина сезон — в июле. Впрочем, был определенный резон для поездки в Святую землю именно в это время, которое

считается «низким сезоном» для паломников. В июле помещения русских подворий в Иерусалиме и других городах пусты, так как большинство паломников посещали сакральные места на Рождество Христово и Пасху. Совершенно неслучайным в этой связи представляется то обстоятельство, что мемуарист и его спутники совершали «трансфер» между городами только в ночное время, когда жары нет [2, 1900, № 9, ч. неофиц., с. 402]. Активная ночная жизнь на Востоке, вызванная дневной жарой, обратила на себя внимание путешественников уже в Константинополе. Автор, увидевший за полночь буквально толпы народа на улицах турецкой столицы, сравнивал это необычное для российских городов явление с клубом под открытым небом [2, 1900, № 7, ч. неофиц., с. 291].

Еще один незнакомый для северянина феномен, с которым столкнулись русские паломники, — это оптические обманы, преследовавшие не только автора данных мемуаров, но и других паломников. По свидетельству Гусева, любуясь окружающими пейзажами с русской колокольни на Елеоне, многие изъявляли желание «сбегать» на расстилавшееся перед ними в долине Мертвое море. Оно казалось наблюдателям находившимся в пределах пешей досягаемости, хотя на самом деле до этого водоема было не 4—5, а все 50 километров [2, 1900, № 9, ч. неофиц., с. 422—423]. Такого рода оптические иллюзии испытывали и другие мемуаристы, оказавшиеся на Елеоне.

Попадавшим в чуждую природную среду сразу же бросалось в глаза отличие субтропической флоры от суровой растительности северной части Европейской России. Их впечатление можно было выразить словами: «Здесь всё другое!» Уже прогуливаясь по окрестностям Константинополя, вятчане наткнулись на грецкое дерево, плоды которого они видели до этого только в магазинах, а не на ветке [2, 1900, № 7, ч. неофиц., с. 293]. Во время осмотра Александрии в Египте паломники в немалой степени были удивлены араукариями, которые здесь представляли собой довольно высокие деревья, в то время как аналогичная экзотика высотой всего в сажень в России стоила сотни и тысячи рублей и была по карману только очень богатым людям. Это же наблюдение касалось увиденных ими олеандров и кактусов [2, 1900, № 8, ч. неофиц., с. 345].

С местной флорой были связаны и новые впечатления, которые паломники получили от пищи. Во-первых, они явно соскучились за полтора месяца по родному ржаному хлебу, так как на Востоке употребляли только белый. Во-вторых, в их рационе стало больше рыбы, поскольку они путешествовали по приморским странам. В-третьих, русских поразила дешевизна и обилие таких фруктов и ягод, которые они могли купить дома только от случая к случаю вследствие их дороговизны, — винограда, персиков, абрикосов [2, 1900, № 7, ч. неофиц., с. 291].

Относительно животного мира впечатления русского паломника были противоречивыми. Орнитологическая фауна показалась Гусеву в целом знакомой, хотя голуби и жаворонки встречались в России на севере, а вот куропатки и орлы — в более южных районах родины [2, 1900, № 9, ч. неофиц., с. 414].

Автор впервые в жизни увидел верблюдов, но при этом был полон сочувствия к этим животным, наблюдая то, как жестоко обращаются с ними местные жители и какие непосильные тяжести порой взваливают на их горбатые спины [там же, с. 413]. Еще одно надолго запомнившееся впечатление — это вой шакалов в пустыне. Сначала путники, никогда не слышавшие таких звуков, подумали, что это женский плач, тоскливый и в то же время

музыкальный. Позже сопровождавший их кавас Палестинского общества объяснил им (с черногорским акцентом), что это «шакалы завьльы» [там же, с. 412].

Исключительно интересен материал мемуаров Гусева, посвященный великому русскому художнику Илье Ефимовичу Репину, с которым он познакомился в Палестине. Репин приехал сюда на этюды примерно на неделю раньше вятских паломников. Как известно, полотна на евангельские сюжеты занимают довольно важное место в творчестве замечательного отечественного живописца. В источниках не очень хорошо отражена поездка Репина в Святую землю, поэтому мемуары Гусева представляют большую ценность, так как буквально пошагово отражают этот важный, хотя и очень короткий промежуток биографии Ильи Ефимовича. В связи с этим мы считаем необходимым остановиться на данном сюжете максимально подробно, указав все места, которые посетил Репин в компании вятских паломников.

Они познакомились во время «чая» (полдника) в столовой Палестинского подворья в Иерусалиме и там же договорились вместе ехать на Иордан и в Иерихон ближайшей ночью, чтобы избежать жары. По дороге путники останавливались в хане — постоялом дворе, где воочию убедились в крайней бедности большинства местного населения. Тем не менее кофе, сваренный по-восточному, путешественникам понравился [2, 1900, № 8, ч. неофиц., с. 355; № 9, ч. неофиц., с. 402—403].

Через некоторое время Репин и его спутники остановились напиться воды около некоего родника; с последним было связано апокрифическое сказание о том, что воду из него пил Спаситель. С наступлением утра жара постепенно усиливалась, и, по замечанию Гусева, путников подкрепляла только мысль о том, по каким великим местам они путешествуют. Посмотрев на монастырь св. Герасима, Репин и его спутники прибыли на Мертвое море, а затем на Иордан, где они выкупались в том месте, где Иоанн Предтеча крестил Иисуса Христа, и сорвали веточки с окрестных деревьев на память [2, 1900, № 9, ч. неофиц., с. 404—408].

Затем небольшая компания переехала в Иерихон, где остановилась на местном русском подворье. Здесь они отдали должное обеду, который прихватил с собой из Иерусалима кавас Христо, он же сервировал кушанья. Во время обеда завязалась дружеская беседа. По ценному замечанию Гусева, душой беседы, возникшей за трапезой, стал Илья Ефимович Репин [там же, с. 409].

Позже путники поднялись на Сорокадневную гору, на которой Спаситель соблюдал длительный пост, а затем был искушаем дьяволом. Здесь единая компания разделилась, так как Репин остался на горе, а остальные двинулись дальше. По этому поводу Гусев высказывает предположение, что у художника наверняка созрел план очередной картины на библейские сюжеты [там же, с. 411].

Одним из интересных элементов рассматриваемых мемуаров являются страхи, которые были характерны не только для автора. Первый раз страх на некоторое время овладел Гусевым при отплытии парохода из Одессы. Он, как и большинство паломников, впервые оказался в море, и неизвестность, связанная с этим, породила сомнение в удачном завершении путешествия. Кроме того, Гусев вспомнил о том, что за несколько лет до этого в море погиб русский пароход «Владимир» с паломниками, причем среди них были и знакомые автора. Однако, внимательно посмотрев на чистое синее небо, спокойное море, крепкое с виду судно, автор успокоился [2, 1900, № 7, ч. неофиц., с. 281].

Второй раз он испытал очень неприятные чувства при переходе по Эгейскому морю из Пирея на остров Крит. Море было очень беспокойным, и морская болезнь не заставила себя долго ждать. Причем этот недуг проявился у автора в самой тяжелой форме, сопровождаясь не только головной болью и головокружением, но также повышенной потливостью, тошнотой и усиленным сердцебиением. Симптомы были настолько тяжелыми, что автор даже опасался за свою жизнь.

Наконец, третий раз страх появился при высадке на берег в Яффе. Судя по контексту событий, он был самым обоснованным. Дело в том, что порта в Яффе не было, и за паломниками к пароходу подходили лодки, в которые пассажирам приходилось пересаживаться с вещами даже при высокой волне. По пути от судна до берега нужно было миновать подводные камни, которые выглядели очень опасными. Причем при подходе парохода к Яффе один из матросов не очень тактично указал пассажирам на остов русского парохода, который потерпел аварию за несколько лет до этого около города. Страх удалось преодолеть только с помощью глубокой веры в то, что высшие силы не попустят погибнуть, не дав помолиться в храме Гроба Господня [2, 1900, № 8, ч. неофиц., с. 340, 347].

Рассматривая такую социологическую категорию, как страхи, следует сказать, что они возникали только при пребывании в чуждой обстановке плавания по морю. Во время путешествия по суше страхов у паломников практически не возникало. Возможно, это объяснялось не только тем, что у них под ногами была земная твердь, а не зыбкая палуба судна. Психику паломников стабилизировал сам факт прикосновения к сакральному пространству Святой земли.

Из Палестины было принято привозить совершенно определенные вещи, которые трудно назвать мирским словом «сувениры», так как они носили сакральный характер. Разумеется, среди них свое почетное место у каждого паломника занимала «ветка Палестины», т. е. ветка масличного дерева или пальмы, которые привлекали паломника своей необычностью. Вспомним в этой связи ставшее почти культовым для последующих поколений паломников стихотворение М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины», который увидел этот сакральный «сувенир» у известного русского паломника и общественного деятеля первой половины XIX в. А. Н. Муравьева. Гусев и его спутники сорвали по ветке на берегу Иордана во время купания в священной реке. Обычно паломники прихватывали отсюда и по бутылке воды, но в мемуарах об этом ничего не было сказано [2, 1900, № 9, ч. неофиц., с. 408].

Источником сувениров было еще одно сакральное для христиан место в Палестине — знаменитый Мамврийский дуб. Гусев вместе со своими спутниками испытал гостеприимство соотечественников в Русском доме, расположенном около этого дерева, внимательно осмотрел последнее и получил несколько желудей, которые и были увезены в Вятку [2, 1900, № 10, ч. неофиц., с. 458—459, 461].

Обычно ехавшие в Палестину имели массу поручений от своих родных, друзей и знакомых — привезти из Святой земли мелкие предметы культа. Гусев выделил во время пребывания в Иерусалиме некоторое время на покупку таких вещей, в частности приобрел в специализированных лавках несколько десятков перламутровых крестиков. Оказавшись позже в Вифлееме, он, вероятно, понял, что поторопился, так как специалитетом жителей этого города было именно изготовление различных сакральных сувениров из перламутра и здесь они были дешевле [там же, с. 463].

В воспоминаниях Гусева, как и у многих других мемуаристов, незримо присутствует категория «чужого» (вариант — «другого»), хотя она и не называется так прямым текстом. Это касается пересечений русских паломников с иной средой, прежде всего с людьми иной конфессиональной принадлежности и только во-вторых с этническими и культурными различиями. В этом состояла особенность восприятия «чужого» в паломнической среде, для которой главным маркером являлась религиозная, а не национально-культурная идентичность.

Первый раз категория не просто «чужого», а даже враждебного появилась в мемуарах при описании турецкой столицы, а конкретно при первом взгляде русских путников на константинопольскую Софию, превращенную в мусульманскую мечеть. Автор при этом вспомнил: именно в Софийском соборе послы киевского князя Владимира убедились в том, что православная религия является наиболее подходящей для восточных славян. В связи с этим принадлежность храма иноверцам показалась ему особенно болезненной и была воспринята как почти личная обида. При этом Н. Г. Гусев подчеркивает, что за время турецкого владычества София была снаружи обезображена различными пристройками, причем среди них минареты были далеко не худшими. В тексте мемуаров автор выражает уверенность, что Софийский собор будет восстановлен как православный храм и сделает это «рука русского человека» [2, 1900, № 7, ч. неофиц., с. 285, 288].

Автор также заметил традиционное для Востока требование «бакшиша» (в более или менее адекватном переводе на русский — «на чаек»). Особенно грубо и назойливо требовали бакшиш в мечетях, которые посещали русские. Разумеется, здесь они выступали уже не как паломники, а как туристы. У автора сложилось впечатление, что местные жители знали только одно русское слово, которое произносили, протягивая руку, — «дава...» [2, 1900, № 10, ч. неофиц., с. 465].

Еще одно очень неприятное явление, малознакомое русскому человеку, а следовательно, «чужое», представлял собой крайне агрессивный маркетинг, характерный для Востока. Предложение различных услуг в чрезвычайно навязчивой форме воспринималось русскими паломниками как культурный шок. Последний можно назвать культурным в числе прочего и потому, что русским чаще всего предлагали в Константинополе, Смирне, Палестине своего рода «турпродукт», т. е. услуги гидов. Например, в Александрии к русским паломникам бросилась целая толпа местных жителей. Они почти насильно давали им для прочтения рекомендательные письма от каких-то неведомых русских туристов, в них говорилось, что все эти гиды как один люди скромные и вежливые. Вятские паломники наняли одного из них вскладчину за шесть рублей в день для путешествия к пирамидам. Как нам представляется, услуги проводника оказались довольно дорогими, особенно если сравнить со Смирной, где местный грек согласился показать русским паломникам все основные достопримечательности всего за 50 копеек [2, 1900, № 8, ч. неофиц., с. 336].

Особенности этнокультурной ситуации на Востоке волей-неволей заставляли русских паломников относить к «чужим» также греков, несмотря на то что они были для русских братьями по вере. Автор неплохо разбирался в истории и знал, как Россия поддерживала национально-освободительное движение греков за независимость от Османской империи. Вместе с тем после получения независимости Греция стала ориентироваться не на единоверную Россию, а на западноевропейские державы, воспринимая православных русских как конкурентов в борьбе за влияние на местное население в Палестине

и других регионах Восточного Средиземноморья. Глубокое разочарование Гусева и его спутников вызвало посещение греческой гимназии в Смирне, в которой на видном месте висел портрет английской королевы Виктории [там же, с. 337]. Автор воспоминаний жаловался также, что утренняя в принадлежащей грекам святыне вселенского христианства — храме Гроба Господня велась на греческом языке, хотя абсолютно большую часть молящихся в нем составляли русские паломники. Оживились они только тогда, когда началась литургия одновременно на греческом и церковно-славянском языках, ее служило греческое и русское духовенство [2, 1900, № 9, ч. неофиц., с. 420].

Библиографический список

1. Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник, год 1881. М. : Индрик, 2011. 384 с.
2. Вятские епархиальные ведомости.

ББК 63.3(2)613

Ю. А. Ильин

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ НЭПа: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (1921 — весна 1923 г.)

Поднимается проблема адаптации провинциальных партийных организаций к условиям новой политики (1921 — весна 1923 г.). Внимание акцентируется на кадровом кризисе в партии, его причинах и проявлениях. Делается вывод о начале деформации базовых принципов партии (социально-профессиональных, внутривнутрипартийных в плане отношений «верхов» и «низов»), насыщения ее «пролетарского ядра» маргиналами-разночинцами.

Ключевые слова: дискуссии, резолюции конференций, перестройка, партийный аппарат, пролетариат, чистка, маргиналы, кадровый кризис.

The article raises the problem of the provincial party organizations adaptation to the conditions of the policy (1921 — the spring of 1923). The emphasis is on human resources crisis in the party, its causes and manifestations. The author comes to the conclusion about deformation of basic (socio-professional, inter-party relations in terms of «tops» and «bottoms») party principles, saturating her «proletarian nucleus» with non-working class marginal elements.

Key words: discussion, resolution conferences, restructuring, the party apparatus, the proletariat, the cleaning, the marginalized, the personnel crisis.

Историческое самосознание достигло той умозрительной черты, за которой для исследователей вновь стала привлекательной тематика, ранее вызывавшая отторжение, набившая оскомину, вследствие так называемой партийности в науке и культуре. Апофеозом «творческого утомления», близкого к прозябанию мысли, были труды по истории коммунистической партии советской эпохи. Их зомбированность идеологическим катехизисом партии

© Ильин Ю. А., 2015

(«История ВКП(б). Краткий курс») привела к господству шаблонной и интеллектуально выхолощенной интерпретации российского исторического процесса, и в частности развития самой правящей партии. Историкам партии были присущи два приема фальсификации: замалчивание, точнее сознательное впадение в состояние «исторической амнезии», и схематизм в трактовке событий, представлявших собой бесконечную череду успехов коммунистической партии в деле единения с народом и строительстве справедливого общества.

Изучение интересующего нас периода истории внутренней трансформации партии есть хрестоматийный пример применения историками-марксистами первого приема фальсификации. В связи с этим ставим перед собой цель нарушить данную традицию, взглянуть на указанную проблему под углом зрения процесса перерождения «пролетарского ядра» провинциальной партийной организации на начальном этапе НЭПа.

Выбор пал на иваново-вознесенскую партийную организацию неслучайно. Она являлась авторитетной территориальной структурой партии, отличалась лояльностью к руководству страны, была многочисленной по составу и имела высокий удельный вес представителей рабочего класса, руководила динамично развивавшимся крупным промышленным центром Советской республики.

Другой мотив обращения к данному региону — неизученность поднимаемого нами вопроса. Даже региональных исследователей, специалистов (бывших историков партии) эта тема пока не привлекает, что весьма удивительно: 1920-е гг. — интереснейший этап в жизни провинциальных партийных структур, этап перерождения «пролетарского ядра» состава в маргинальное сообщество. Речь идет не столько о принадлежности членов партии к представителям рабочего класса, сколько о профессиональных, базовых характеристиках, присущих истинному кадровому пролетарию.

В качестве источника в статье широко используются материалы губернской газеты «Рабочий край» за рассматриваемый период.

Предлагаемая читателям статья является естественным продолжением исследования автором темы дискуссий внутри иваново-вознесенской парторганизации по вопросу о профсоюзах и перестройки партийного аппарата на рубеже 1920 и 1921 гг. [1]. Напомню: по инициативе шуйских большевиков на XIII губернской партконференции (февраль 1921 г.) была представлена идейная платформа первичных организаций, нацеленная на возвращение в партию профессиональных, базовых принципов и норм внутрипартийной жизни, сформированных еще в дореволюционный период. Но партийный аппарат при прямом участии центра уничтожил чаяния рядовой массы партийцев, прочно приковав их деятельность резолюциями X съезда РКП(б) к генеральной линии руководства ЦК РКП(б) (резолюции XIV губпартконференции в июле 1921 г.).

В связи с этим встают вопросы: как повлияли решения XIII губернской партконференции на отношение ЦК РКП(б) к руководству губернии и какая была линия поведения ответственных работников губкома партии до созыва XIV партконференции? Недовольство руководства РКП(б) резолюцией иваново-вознесенских большевиков выразилось в кадровых перестановках первых лиц губернии. Так, в марте 1921 г. секретарь губкома О. А. Варенцова была отозвана в Москву и направлена в Севастопольский городской комитет партии для руководства женотделом. Вместо нее был назначен на должность

руководителя губернской парторганизации В. С. Калашников, ради этого отозванный ЦК РКП(б) с Южного фронта. В марте же 1921 г. был направлен в распоряжение ЦК РКП(б) и председатель губисполкома Г. К. Королёв, место которого занял его заместитель С. К. Климохин. Но в июле 1921 г. и он был переведен на хозяйственную должность в Москву. Решением ЦК РКП(б) руководителем губернского советского аппарата был назначен Н. Н. Колотилов, ранее занимавший пост председателя Гомельского губернского исполкома. Центр сознательно усиливал руководство иваново-вознесенской парторганизации и советского аппарата за счет лиц, образцово зарекомендовавших себя на работе в прифронтовых зонах. Именно там требовалось умение использовать в первую очередь военные методы управления, придерживаясь принципа революционной целесообразности. Озабоченность ЦК РКП(б) положением дел в иваново-вознесенской губернской партийной организации подчеркивает и тот факт, что на X съезде РКП(б), видимо не без подсказки центра, не было секретаря Иваново-Вознесенского губкома партии (ни О. А. Варенцовой, ни В. С. Калашникова). Зато на съезде присутствовал с правом решающего голоса М. А. Чернов, только что избранный XIII губернской партконференцией на должность ответственного секретаря губкома. Эта должность была скорее технической, но выбор являлся не случайным. Именно М. А. Чернов проявил себя одним из наиболее рьяных сторонников «платформы десяти» и резолюции о партийном строительстве (соавтором резолюции Тер-Ваганяна) (см.: [1]). Был отозван на профсоюзную работу в Москву (июль 1921 г.) и лидер местных профсоюзов Пирожков, его место занял Н. Н. Евреинов.

О деятельности новых руководителей «красной» губернии дает представление доклад М. А. Чернова на XIV губернской партконференции (июль 1921 г.). Он объяснял ошибочную позицию коммунистов края тем, что они не учли общей обстановки в республике и того факта, что «вместо старого врага выступил новый, мелкий буржуа» [2, 1921, 2 авг.]. Докладчик имел в виду участников Кронштадтского восстания и крестьян Центрального Черноземья и Средней Волги, поддержавших Антонова. По мнению Чернова, эти происки внутреннего врага еще раз подтверждали правильность актуализации принципа революционной целесообразности на текущий момент. В соответствии с данным принципом на территории губернии было введено военное положение, начались мобилизационные мероприятия, привычные для периода Гражданской войны. В частности, было мобилизовано 70 ответственных работников на подавление Кронштадтского мятежа, 11 человек — на борьбу против Антонова, 38 человек — на охрану железнодорожного транспорта, 20 человек — на продовольственный фронт, 11 человек — для укрепления советской власти и сбора продналога на Украине [там же].

М. А. Чернов не договаривал, что причиной введения мобилизационных мер послужили и волнения на ряде фабрик края (Кинешма, Вичуга и др.). Рабочие отказывались работать, выставляли требования. Были две такие вспышки протеста: в дни Кронштадтского мятежа и в мае — июне 1921 г. на фоне обострившегося продовольственного кризиса. Усилиями профсоюзов удалось их погасить [2, 1921, 16 июля].

Другое направление деятельности партийного аппарата — «переброски» ответственных работников на низшие должности и производство внутри губернии. Процесс этот шел с большими издержками, болезненно для уездных комитетов партии, страдали и члены семей перемещаемых работ-

ников. В докладе был приведен факт формального отношения к кадрам: в Иваново-Вознесенске 18 ответственных работников были отправлены на Куваевскую мануфактуру для работы на станках. Но фабрика остановилась. Они остались без средств к существованию. М. А. Чернов признал, что в ходе «перебросок» особых протестов не было, за исключением проявлений недовольства в г. Шуя. Многозначительной была брошенная им фраза: «Опыта мы не приобрели...» [2, 1921, 2 авг.].

В эти месяцы 1921 г. шел процесс укрепления советского и партийного аппаратов края в организационном и идейном плане с целью поднятия их авторитета в первичных ячейках и среди рядовой массы партийцев. Началась перестройка аппарата партии: вместо института уездных и волостных организаторов стал создаваться институт инструкторов, курирующих закрепляемые за ними первичные ячейки. Мотивом к этому стало распространенное явление обращения рядовых партийцев в обход своих первичных организаций в уездные и городские партийные структуры. Дело организационной перестройки тормозилось нехваткой подготовленных кадров.

И все же акцент в работе губкома в феврале — июле 1921 г. делался на информационно-пропагандистской работе среди партийцев (уровень первичных организаций, городских, уездных и волостных комитетов, конференций) и беспартийных (через собрания, митинги, конференции, избирательные кампании в местные Советы). К этому побуждали, по мнению докладчика, «консерватизм и робость мысли» партийного аппарата губернии. М. А. Чернов особо отметил интенсивность данного вида работы до выхода брошюры В. И. Ленина «О продналоге. Значение новой политики и ее условия» (21 апреля 1921 г.). Массированно шла пропаганда идей В. И. Ленина и решений X съезда партии в уездных и первичных парторганизациях. Не ослабла эта деятельность в партийных массах губернии и после 21 апреля. В своем докладе М. А. Чернов заявил: «Идеи брошюры В. И. Ленина усвоило большинство партийцев. Уездные конференции свидетельствуют, что лишь отдельные лица остались на прежних позициях» [там же].

М. А. Чернов констатировал определенные успехи в работе с беспартийными: «...население доверяет нам, не видит другой силы, кроме нас...» [там же]. Он упомянул о резолюциях, касающихся профсоюзов и кооперации. Так, в принятой конференцией резолюции о профсоюзах было зафиксировано: «3. На представительных собраниях обсуждение вопросов, способа их разрешения, вплоть до организационных структур аппарата. 4. Контроль партии над профсоюзами через партийные фракции в них...» [там же]. Особо отмечался докладчиком перелом в настроении крестьян. Он заявил, что если ранее отношение крестьян было «очень недоверчивое» (сочувствовали, но не доверяли агитаторам), то сейчас недоверие исчезло [там же].

И все же, резюмировал докладчик, добиться безусловного успеха в перестройке партийного и советского аппарата и перелома в настроениях не удалось в силу того же «консерватизма и робости мысли». Это же подтверждалось в выступлении В. С. Калашникова: «Положение нашей организации не блестящее... у нас связь только с уоками и райкомами. А те толкутся на одном вопросе целыми неделями». Он говорил о слабости партийного аппарата, в частности агитационного и организационного отделов. XIV партконференция приняла резолюцию, где была поставлена задача усилить институт организаторов в партиячках, установить его прямую связь с

райкомами и укомами [2, 1921, 4, 5 авг.]. Заметим, что шла и подготовка к перерегистрации членов партии. Этот административный ресурс давления на первичные ячейки и отдельных членов партии нельзя сбрасывать со счетов.

Работа XIV губернской партконференции завершилась переизбранием состава губкома РКП(б). На первом его заседании ответственным секретарем вновь становится В. С. Калашников, заведующим организационно-инструкторским отделом И. И. Коротков, заведующим агитационно-пропагандистским отделом В. Н. Наумов. В состав губкома партии вошли председатель губисполкома Н. Н. Колотилов и его заместитель М. З. Мануильский [2, 1921, 22 июля, 2 авг.].

Как жила партийная организация края после XIV партконференции? В оставшиеся месяцы 1921 г. партийный аппарат губернии уделял внимание кампании по переучету партийных рядов. Одновременно ставилась задача выявить и рационально использовать на ответственных участках работы инициативных членов, поднять авторитет первичных ячеек путем исключения из них лиц, позоривших звание коммуниста. По мнению руководителей, чистка партии способствовала бы перестройке организационной структуры партийных ячеек и мышления рядовых коммунистов в пользу новой политики. Газета «Рабочий край» за 1921 г. широко освещала ход, предварительные и окончательные итоги этого мероприятия. Рассмотрение материалов позволяет сформулировать ряд суждений о воздействии данной кампании на партийную организацию губернии.

Чистка рядов губернской парторганизации началась в конце августа и продолжалась до октября 1921 г. Как засвидетельствовал пленум губкома РКП(б), в ходе ее выбыло из партии 700 членов и 470 кандидатов, т. е. 1170 человек (31,24 % от всего состава организации на август 1921 г.) [2, 1921, 19 окт., 26 нояб.]. При этом подчеркивалось, что среди выбывших было немало «мертвых душ» (по нашим подсчетам, 560 человек, или примерно 14,95 % от численности парторганизации). Количество исключенных реальных членов и кандидатов партии составляло 605 человек, переведенных за проступки из членов партии в кандидаты — 5 человек, в целом 16,15 % состава парторганизации на август 1921 г.

Из 605 исключенных 318 человек были отсеяны губернской и уездными комиссиями, 287 человек ушли добровольно. Что особенно интересно, данная статистика сопровождалась сведениями о социальном происхождении, профессиях, уровне образования, занятиях, партийном стаже 610 человек и причинах исключения 318 человек. Эта уникальная информация нуждается в обобщении.

Итак, из «вычищенных» из партии 610 человек рабочие и крестьяне составляли соответственно 64,75 и 10,65 % (т. е. более 75 %); работающие на производстве и в сельском хозяйстве — соответственно 59,51 и 9,34 % (более 2/3); люди с низшим уровнем образования — 85,7 %; члены партии, вступившие в нее до 1918 г., — 21,97 %, в 1918—1919 гг. — 51,8 %, 1920—1921 гг. — 26,23 % (т. е. более 75 % отсева составляли лица, прошедшие в рядах партии подполье, революцию и Гражданскую войну) [2, 1921, 26 нояб.].

О чем говорят эти цифры? 3/4 ушедших из партии были трудящимися по социальному происхождению и профессиям, 2/3 из них являлись работниками от станка и сохи. Примерно столько же отсеявшихся в ходе чистки были представителями старой партийной гвардии и «молодогвардейцами» эпохи

Гражданской войны. Наблюдалась весьма тревожная тенденция, несомненно повлиявшая на процесс дальнейшей трансформации «пролетарского ядра» губернской парторганизации.

Далее рассмотрим причины исключения 318 партийцев из рядов губернской организации. Анализ характера проступков позволяет ранжировать их по степени значимости: а) 116 человек (36,48 % отсева) были изгнаны за должностные и уголовные преступления (из них рабочие составляли 54,31 %, крестьяне — 7,76 %); б) 45 человек (14,15 %) — за бюрократизм и шкурничество (из них рабочие — 62,22 %, крестьяне — 6,67 %); в) 45 человек (14,15 %) — за моральное разложение (из них рабочие — 68,89 %, крестьяне — 8,89 %); г) 38 человек (11,95 %) — за пассивность (?) (соответственно 57,89 и 13,16 %); д) 38 человек (11,95 %) — за приверженность религии (соответственно 39,47 и 18,42 %); е) 31 человек — за неподчинение директивам партии (соответственно 58,06 и 19,35 %) [там же].

Какую общую оценку следует дать итогам чистки партийной организации края конца 1921 г.? Данная кампания преследовала прагматические цели: навести порядок в партийной картотеке, деле учета и переброски кадров, сбора членских взносов; освободиться от попутчиков партии, своими действиями подрывавшими доверие к ней беспартийных масс. Результатом проведения кампании был отсев из партии 2/3 ее членов. Но почти 1/3 отсеявшихся коммунистов пострадала по иным, скорее, политическим причинам. Некоторые из них своим бездействием демонстрировали недоверие к местному партийному аппарату. Это была тревожная тенденция. Ее сознательно инициировала резолюция XIV губернской партконференции, призывавшая бороться с оппозиционными настроениями, особенно с анархистскими (имелось в виду анархо-синдикалистскими, рупором которых в партии была «Рабочая оппозиция») [2, 1921, 5 авг.]. Такая набиравшая силу политическая линия способствовала добровольному оттоку из партийных рядов (287 человек, или 7,66 % состава организации на август 1921 г.).

Проводимая кампания шла с большими издержками. Так, весьма неопределенной была категория исключенных из партии коммунистов за так называемую пассивность и разные проступки. А на XVI Шуйской уездной партийной конференции (4—5 декабря 1921 г.) открыто было заявлено, что часть коммунистов так и не восприняла основы НЭПа, другая часть партийцев заразилась «потребительством» (своеобразный рецидив военного коммунизма) [2, 1921, 9 дек.].

Сопоставление статистических данных о численности состава губернской парторганизации на август и октябрь 1921 г., на 1 января 1922 г. наводит на мысль о том, что одновременно с чисткой в оставшиеся месяцы 1921 г. (сентябрь — декабрь) шел форсированный прием в ряды партии. По нашим подсчетам, за этот короткий период было принято в партию первичными организациями 703 человека. По крайней мере, по данным на 1 января 1922 г. на учете состояло 3278 человек (87,53 % состава в августе 1921 г.) [2, 1921, 8 дек.]. В большинстве своем в партию набирали рабочих (по социальному происхождению, профессии, занятиям). Явно заметно стремление руководителей партийного аппарата сохранить «пролетарское ядро» организации, не потерять завоеванный ею статус классово выдержанной в социальном и идейном плане партийной структуры страны. Такой мерой удалось поднять удельный вес рабочего класса в парторганизации края с 66,5 до 68,8 % (для

сравнения: в целом по РКП(б) этот показатель составлял 48,3 %) [2, 1921, 19 авг., 26 нояб.].

Но встает вопрос: какой ценой? Прецедент форсированного набора в партию лиц, не имевших опыта политической борьбы, идейной зрелости, но «восполнявших» эти недостатки такими качествами, как предупредительность, податливость, конъюнктурность и принявших «волну перемен» и правила адаптации в партийных структурах на крутом вираже политического маневра под названием «НЭП».

Мы можем расценить период между XIII и XIV партконференциями как второй шаг (после дискуссии на рубеже 1920 и 1921 гг.) по пути вырождения «пролетарского ядра» (в первоначальном его понимании) внутри иваново-вознесенской губернской парторганизации. В погоне за высоким удельным весом рабочего класса в партии прием в нее деформировался: в графу «рабочий» мог попасть человек, косвенно связанный с производством. Ему достаточно было иметь соответствующее социальное происхождение и профессию. Рабочий стаж, квалификация, авторитет среди рабочих — все эти критерии теряли свою первостепенность. Более того, выражение позиции, отличной от руководящей линии, пресекалось и даже преследовалось.

Кстати, этому процессу способствовала сама социально-экономическая ситуация в стране и регионе. Она осложнялась колебаниями валюты, трудностями сбыта промышленной продукции, продовольственным кризисом 1922 г. В докладе губкома РКП(б), озвученном И. И. Коротковым (март 1923 г.), говорилось, что до декабря 1922 г. среди производственных рабочих настроение было колеблющееся, причиной этого являлись задержки с выдачей жалования, его частичная замена мануфактурой; что не удалось избежать открытых конфликтов: были выступления рабочих Середы и Иваново-Вознесенска. Остро стоял вопрос с оплатой труда железнодорожных рабочих. Изменилось к худшему и отношение местного крестьянства к РКП(б) из-за ножниц цен [2, 1923, 29 марта]. Масло в огонь подлила кампания по изъятию церковных ценностей (события в Шуе в марте 1922 г.). В этих условиях вновь были задействованы мобилизационные рычаги стабилизации ситуации внутри партийной организации и губернии. Вводится военное положение, начинается преследование лиц за суждения, не совпадавшие с оценками партийного руководства края.

Аналогичные процессы, затронувшие кадровый состав провинциальных партийных организаций, были характерны для всех регионов страны. Они зашли так далеко, что, в частности, на повестку дня XVI губернской партконференции был поставлен вопрос об отношении к инициативе «Рабочей оппозиции» (март 1922 г.), подавшей заявление в Коминтерн с просьбой разобраться с «ненормальностями», царящими внутри РКП(б), и высказаться по их поводу. В нем отмечалось, что «руководящие центры ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры» [2, 1922, 31 марта]. Разумеется, конференция местных коммунистов осудила эти действия «Рабочей оппозиции». Но и отвернуться от реальных проблем парторганизация не могла. По признанию И. И. Короткова (доклад на XVIII партконференции в марте 1923 г.), большая вина в том, что начались протестные движения среди рабочих, лежит на хозяйственных органах, игнорировавших интересы трудящихся, неправильно ведших хозяйство [2, 1923, 29 марта].

Это была лишь часть правды, озвученной руководством края. И в прениях, и резолюциях XVI и XVII губернских партконференций отмечались серьезные недостатки в организации и стиле деятельности советского и партийного аппаратов края. Так, на XVI партконференции (март 1922 г.) делегаты говорили о перегрузке советских аппаратов штатами, бессилии райсоветов и горсоветов, бегстве кадров из волисполкомов из-за отсутствия средств и технического аппарата, о необходимости радикальной перестройки состава милиции и народных судов, о множественности налогов на нужды аппарата, что вызывало недовольство населения. Подробно остановимся на содержании принятой конференцией резолюции об улучшении советского аппарата власти, так как выявленные в нем проблемы и намеченные меры их решения можно в полной мере приложить и к партийному аппарату.

Итак, суть содержания основных положений резолюции состояла в следующем: «1. Спешно закончить поволостное районирование внутри уездов на принципах экономического тяготения, стремясь создать крупные административные единицы и имея в данном вопросе полную сопоставимость между партийными и советскими организациями. 2. Закончить работу по сокращению штатов в советских учреждениях в губернском и уездных масштабах. 3. Укрепить сельские советы и волисполкомы, свести до минимума институт уполномоченных... 6. Живая связь уездных и губернского исполкомов с массами (совещания, литература, посылка опытных кадров, прикрепление членов исполкомов к определенным волостям). 7. Точно определить формы связи и отчетности верхов и низов власти. 8. Упростить письменные и другие требования к волисполномам и сельским Советам: большее согласование и контроль наверху (уровень исполкомов)... 10. Восстановление работы городских Советов (привлечение рабочих от станка). 11. Прекратить практику частой сменяемости руководящего состава... 14. Точное и аккуратное выполнение всеми подчиненными структурами всех требований исполкома и президиума. Единообразная система делопроизводства и отчетности...» [2, 1922, 29 марта].

Анализ содержания вышеприведенной резолюции вкупе с положениями отчетного доклада И. И. Короткова и прениями на XVII губернской партконференции (июль 1922 г.) показывает убедительно, что местная парторганизация так и не смогла завершить организационную перестройку своего аппарата и подконтрольного ему советского аппарата в соответствии с требованиями новой политики. Для подтверждения этого суждения приведем высказывания делегатов в ходе прений по указанному докладу. Они были не согласны с мнением И. И. Короткова, что отношения между аппаратом и рядовыми партийцами улучшились. Так, Рейзин заявил, что эти отношения, наоборот, ухудшаются. Этому способствовали непредсказуемые и нетактичные «переброски» ответственных лиц на низшие должности: «Переброски доказывают, что в уездах не все благополучно... они не из удачных». Балашов добавил: «Семьи перебрасываемых голодают. Надо это устранить...» «Нет новых выдвижений, работают одни и те же», — отмечал Кривцов [2, 1922, 30 июля].

Были проблемы и с информационно-идейной работой у партийного аппарата. Из отчетного доклада И. И. Короткова следует: планировалось организовать 12 партшкол, но только одна завершила весь цикл занятий; повсеместно наблюдалась слабая результативность деятельности кружков марксизма-ленинизма; некому было работать в женских отделах, особенно сель-

ских; существовал дефицит финансов [2, 1922, 4 июля]. Были у делегатов и нарекания по поводу низкого морального уровня ряда коммунистов в уездах. Они сводились к одному: аппарат благодушествует — «пьют и ладно». Эти явления порождали апатию в «низах» (делегат Рейзин) и уход из партии (Кравцов отмечал, что 325 человек имели стаж в партии 1,5—2 года) [там же].

Формальным показателем если не кризиса, то начавшейся рецессии местной парторганизации является показатель ее численности в это непростое время. По данным на 1923 г. (есть предположение, что на первое полугодие этого года) в ее рядах насчитывалось 3275 человек (для сравнения: в 1922 г. — 3278 человек). Приток новых сил в партию как бы уравнивался с количеством исключенных и ушедших из нее. Однако заметим, что уходили люди, вступившие в партию на завершающем этапе Гражданской войны [2, 1923, 8 дек.].

Период рубежа Гражданской войны и НЭПа высветил начавшуюся «идейную коррозию» тезиса о пролетарском базисе правящей партии. В условиях форсированной «варки» в партийном котле разночинцев, рядившихся в пролетариат, все чаще получался полуфабрикат маргинального происхождения, гордо именовавший себя рабочими послереволюционной поры. Именно так начинался процесс перерождения в широком формате партии в управляющую структуру, диктующую свою волю народу, одновременно легко подстраивавшуюся под своего очередного вождя.

Библиографический список

1. Ильин Ю. А. Дискуссии о профсоюзах и перестройки партийного аппарата: по материалам резолюций конференций иваново-вознесенской губернской парторганизации (январь — июль 1921 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 3. С. 11—23.
2. Рабочий край. Иваново-Вознесенск, 1921—1923.

ББК 60.028.13

И. Н. Смирнова

КАТЕГОРИЯ КРИЗИСНОГО СОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКИ ИЗМЕРЕНИЯ

Анализируется проблемное поле категории кризисного сознания. Рассматриваются теоретические основания, описываются кризисные характеристики общественного сознания россиян. Предлагается система индикаторов изучения кризисного сознания.

Ключевые слова: социология и философия сознания, кризисное сознание, катастрофическое сознание, характеристики общественного сознания, индикаторы изучения кризисного сознания.

The problem field of crisis consciousness category is analyzed in the article. The theoretical foundations and «crisis» characteristics of social Russians consciousness are described. The system of indicators the of crisis consciousness studies is proposed.

Key words: sociology and philosophy of mind, crisis consciousness, catastrophic consciousness, characteristics of social consciousness, indexes of crisis consciousness studies.

Раскол в человеческой душе — это эпицентр раскола,
который проявляется в общественной жизни.
А. Тойнби [15, с. 359]

В условиях «надломленной» социальной реальности с новой силой актуализируется проблема исследования влияния рискогенных социальных процессов на сознание человека. Ученые самых разных научных направлений отмечают, что переходное состояние общества сопровождается тяжелыми катаклизмами сознания, его кризисом [8]. Беспокойство, тревожность, страх, неуверенность в завтрашнем дне, пессимистическое восприятие действительности — все это тревожные симптомы глубокого внутреннего кризиса личности. В восприятии социальной реальности доминируют «видимые всеми признаки спонтанности, непредсказуемости и катастрофичности ее динамических проявлений» [17, с. 5]. Описание контуров кризисного сознания, его признаков и парадоксов, а также разработка системы индикаторов его изучения — цель настоящей статьи.

© Смирнова И. Н., 2015

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833.

• Серия «Гуманитарные науки»

Обращаясь к феномену кризисного сознания, представляется важным придерживаться двух принципиальных положений. *Первое положение* связано с классической философской интерпретацией сознания, оно опирается на его природу: «отражать объект и различать внутреннее и внешнее; различать различаемое» [9, с. 18—19]. *Второе положение*, обоснованное Е. Ю. Требиловой (автором пока единственной в России диссертации по социологии сознания), состоит в том, что «...сознание есть социальный факт... Это означает, что сознание существует реально, оно исключительно, множественно и наблюдаемо» [17, с. 82], что обуславливает его массовость. Эти два положения позволяют отнести категорию сознания к пусть и не вполне четким, но научным междисциплинарным терминам, обладающим определенным набором характеристик и существенным исследовательским потенциалом.

Контуры кризисного сознания в век перемен

В переходные периоды развития социальной реальности глобализирующееся и локализирующееся сознание становится кризисным и отличается «многообразием своего существования в различных сферах общественного сознания» [10, с. 85]. В свою очередь, из кризисного сознания рождаются качественно новые основания глобального сознания, стремящегося уравновесить отношения в системе «человек — общество — природа», соединить традиционные естественные основания жизни с ее новыми ценностями, возможностями, вызовами.

Важной чертой кризисного сознания является разрыв между сознанием индивида и общества, между идеалом внутреннего представления «как должно быть» и внешней социальной реальностью. Как социальный феномен кризисное сознание претендует на особую мировоззренческую установку, которая требует отдельного изучения.

В рамках категориального анализа кризисное сознание «сталкивается» с такими понятиями, как общественное сознание и индивидуальное сознание, общественное мнение, катастрофическое сознание, эсхатологическое сознание и апокалиптическое сознание [1, 4, 22].

Когда кризисное сознание овладевает обществом, становясь системообразующим свойством общественного сознания, те или иные идеи воплощаются в конкретные действия, которые преобразуют в итоге и само общество. Система общественного сознания — комплексная характеристика социума. Чем сильнее разрыв между индивидуальным и общественным сознанием, тем оно кризиснее. С. Л. Франк в этой связи писал: «Сознание — это большой круг, “кризисное сознание” — малый круг, находящийся в структуре первого» [18, с. 150—155].

Не следует также отождествлять общественное сознание и общественное мнение. Эти понятия различаются так же, как социологи и их респонденты. Как справедливо отмечает Г. А. Саторов, «первые — это выразители общественного мнения [то, что человек высказывает]; вторые — носители общественного сознания» [12, с. 12]. Возникает вопрос: возможно ли при этом эмпирическое обобщение и изучение общественного кризисного сознания?

Кризисное сознание, являясь отражением современной социальной реальности, может проявляться в крайних реакциях ненависти, отчуждения, страха. Эти реакции, в свою очередь, — отражение явных или латентных рисков окружающего мира. Укоренение такого рода рефлексий в человеке,

в обществе и есть проявления катастрофического сознания. Как отмечает А. Глюксманн, «возмущенное общественное мнение... понимает, что инфекция ненависти... только и ждет, чтобы проснуться в каждом...» [2, с. 15].

Катастрофическое сознание разрушает человека и его связь с обществом, человек перестает чувствовать эту связь. Чтобы отразить эту особенность, философами используется понятие отчужденного человека — человека, который легче поддается воздействию негативных факторов и активнее проявляет свое катастрофическое сознание. Отметим, что мы понимаем катастрофическое сознание вслед за В. Э. Шляпентохом и А. Ю. Епифановой как ценностный синдром массового порядка, как убеждение / систему убеждений [21, 3]. Эту мысль подчеркивает в своих статьях и Г. С. Смирнов: «Глобальное катастрофическое сознание — как сейчас становится отчетливо видно — наша <...> реальность» [13, с. 82].

В рамках социологии как раз и появляется возможность отслеживать «кульминационный момент превращения кризисного сознания в катастрофическое..., который всегда относителен и обусловлен конкретными социокультурными, историческими обстоятельствами и сложным взаимодействием множества качественно различных факторов» [8, с. 11].

Кризисные характеристики общественного сознания россиян

Представляется актуальным рассмотреть качественные признаки кризисности общественного сознания россиян, особо проявившиеся в постсоветский период. В этой связи удачным, на наш взгляд, является использование категорий «метаморфозы общественного сознания» и «парадоксальность общественного сознания» (Ж. Т. Тощенко). Описывая данные категории, социолог отмечает, что «метаморфозы могут охватывать как общественное сознание в целом, так и отдельные его виды, формы, а также механизмы его функционирования. Причем эти метаморфозы могут отражать как отдельные сдвиги и изменения, происходящие в сознании, так и самое причудливое их сочетание. Они — своеобразный результат деформаций общественного сознания, знаменующий появление его превращенных форм на всех уровнях социальной организации общества <...> современные метаморфозы появляются и возникают не сами по себе, а при определенных травмирующих условиях, складывающихся задолго до того, как они оформятся в некую целостность, становящуюся заметным явлением в общественной жизни» [16, с. 4]. Вслед за Ж. Т. Тощенко мы полагаем, что метаморфозы представляют собой кризисные проявления общественного сознания и, в свою очередь, являются результатом социокультурного кризиса. «Парадоксальность общественного сознания» Ж. Т. Тощенко интерпретирует следующим образом: «...общественное сознание, находясь в состоянии стресса, постоянных перегрузок, рождало (и рождает) чрезвычайно запутанное парадоксальное переплетение взглядов, мнений и оценок происходящих событий» [16, с. 8—9]. На этой «двойной» платформе и формируется специфический тип выражения социальной реальности, поскольку «парадоксы» и «метаморфозы» общественной жизни «рождают» соответствующие «парадоксы» и «метаморфозы» в общественном сознании. Именно в этом смысле оно «парадоксально», так как, во-первых, содержит, казалось бы, несочетаемые образы, ценности, адаптационные стратегии и идентификационные ориентиры, а во-вторых, парадоксально выражает и «осознает» новые условия социальности.

В современном российском обществе проблема парадоксальности общественного и индивидуального сознания чрезвычайно актуальна: к ней обращается целый ряд ученых различных областей знания. Например, М. О. Мнацаканян в своей статье пишет: «В самом деле, проблема парадоксальности (кентавр-проблема) проявляет себя с особой силой в социальной сфере, хотя является свойством феномена более общего характера, обнаружившим себя в физическом, биологическом мире, в психологии и так далее. Парадоксальность сознания и поведения людей резко усиливается в периоды кризисов и деформаций общественных отношений и нарушений социальных связей, т. е. формирования и углубления аномического состояния общества. Но в России сегодня, по вышеуказанным причинам, парадоксальность становится в какой-то степени и форме нормой» [7, с. 13—19].

Философ С. А. Храпов также отмечает, что «кризисный характер этой парадоксальности в том, что, проявляясь на индивидуальном и общественном уровнях сознания, она не просто выражает глубокую парадоксальность общественной жизни современной России, а во многом формирует ее, поскольку оба типа сознания, несомненно, оказывают существенное влияние на экономические, политические и социокультурные процессы» [20, с. 167]. Метаморфозность и парадоксальность общественного сознания постсоветской России, в свою очередь, определяют и другие его кризисные характеристики:

- *абивалентность* (как тип выражения общественным сознанием социальности, в основании которого лежит противоречивость в оценке и сосуществовании параллельных идентификационных образов, моральных норм и реальных стратегий адаптации) [20, с. 167—169];

- *утопичность* (как форма идеализации общественным сознанием прошлого или будущего как неких эталонов и образцов) [19, с. 34];

- *иллюзорность* (как ориентация общественного сознания на мифы, фантазии, обобщенные представления о воображаемой социальной действительности);

- *манипулируемость* (как подверженность общественного сознания корректировкам и купированию в условиях транзитивного общества или общества в условиях системного кризиса) [19, с. 35];

- *расколотость* (как раздвоенность общественного сознания, провоцирующая устойчивые противоречия между различными социальными группами, сообществами и институтами, вызванная кризисом социальной идентичности личности) [11, с. 97];

- *маргинальность* (как существование в общественном сознании пограничных несбалансированных характеристик между традиционными и новыми ценностями) [11, с. 98];

- *ложность* (как искажение и предвзятость объективных картин мира) [16, с. 7];

- *потребительская направленность* (как доминирование в общественном сознании образцов конкуренции, агрессивности, прагматических ценностей) [6, с. 202].

Для кризисного сознания характерны также растерянность, неустойчивость ориентации, ощущение утраты опоры; оно плохо управляемо, панично, склонно к агрессии. Кризисное сознание неидеологично, оно не способно конструировать будущее. В силу усеченности представлений о будущем

оно не способно проектировать жизненную стратегию на далекое будущее. Отсутствие детерминации будущим снижает социальный уровень мотивации. Этим обуславливается ведущая роль эгоистических, материальных устремлений, резкое снижение качества социальной активности. Рост потребления, который внешне выглядит как характеристика процветающего стабильного общества, на самом деле становится паническим потреблением, в отличие от активного общества, поскольку оно не связано с развитыми потребностями и излишками средств потребления.

Перечисленные характеристики кризисности общественного сознания могут быть дополнены. Все они так или иначе иллюстрируются результатами социологических исследований.

Индикаторы кризисного сознания и практики измерения

В задачи социологии и философии сознания входит разработка инструментария, позволяющего осуществлять научный анализ текущего состояния общественного сознания. Для получения объективной, глубинной научной информации необходима разработка категориального аппарата исследования, методики его проведения.

Мы полагаем, что при исследовании категории сознания индикаторами и их характеристиками могут выступать следующие важные блоки вопросов:

- выявление преобладающих социальных настроений, которые позволяют зафиксировать организационную (подъем, радость, счастье) и дезорганизационную (упадок сил, несчастье) стадии сознания;
- изучение веера социальных страхов и тревог, которые отражают мировосприятие человека (глобальные, региональные, индивидуальные страхи);
- анализ ценностных ориентаций индивида (ценности-вещи, ценности-свойства, ценности-отношения), которые вскрывают повседневные ориентиры личности и, в свою очередь, являются отражением сознания;
- определение жизненных стратегий личности (жизненное благополучие, выживание, адаптация);
- описание восприятия времени, его планирование (или отсутствие планирования), уверенность / неуверенность в завтрашнем дне, оценка (пессимизм, оптимизм) настоящего и будущего;
- исследование перечня наиболее волнующих индивида социальных проблем, который раскрывает проблемное поле повседневности;
- изучение особенностей миграционного и туристического поведения (направления, частота осуществления миграционных и туристических практик, их причины);
- оценка роли России на мировой арене, а также оценка политической и экономической ситуации в стране и регионе;
- анализ различных аспектов социальной идентичности личности, в частности выявление соотношения различных уровней региональной идентичности населения;
- выявление факторов, формирующих общественное сознание, в частности изучение роли Интернета и других СМИ в картине мира человека.

Перечисленные индикаторы не являются исчерпывающими и в том или ином виде представлены в ряде социологических исследований общественного

сознания. В частности, известна попытка Центра социологических и маркетинговых исследований «Форис» в 2008 г. разработать и рассчитать «Межрегиональный индекс кризисного сознания» [5]. Однако многие исследователи, в том числе и упомянутые, сосредотачивают свое внимание в основном на показателях и переживании экономического кризиса и не задают систему координат для более глубоких и междисциплинарных исследований.

Вместо заключения

Обращение к необходимости междисциплинарного изучения кризисного сознания позволило зафиксировать ряд проблем: исследовательского потенциала понятия, понятийного поля, поиска адекватных и измеряемых индикаторов, а также проблему описания результатов исследований. Затрагивая последнюю из перечисленных, отметим, что до сих пор неясно, есть ли у кризисного сознания организационный потенциал или оно несет в себе исключительно дезорганизационную силу. Косвенный положительный ответ на этот вопрос обнаруживает себя в контексте философии сознания и ноосферы. Подобная исследовательская дополнительность убедительно показывает, что сознание российского общества «в переходные периоды истории всегда испытывало властное насилие», но всегда находило способы элиминирования «неумного насаждения» и «неумного делания». Здесь на первый план выходит синергичный потенциал кризисного сознания: «сознание всегда выступает самым консервативным фактором в процессах дегуманизации и расчеловечивания» [14, с. 33].

Библиографический список

1. Бочаров А. Б., Буркин С. Ю. Актуальность изучения эсхатологического мышления как фактора исторического процесса и феномена исторического сознания // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 371. С. 72—79.
2. Глюксманн А. Философия ненависти. М. : АСТ, 2006. 284 с.
3. Епифанова А. Ю. Анализ взаимосвязи ненависти, отчуждения и катастрофического сознания // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 10 (056). С. 152—155.
4. Кожина А. В. Апокалипсис 2011 // Молодежь и наука : сборник материалов VII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию первого полета человека в космос. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2011. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section27.html> (дата обращения: 11.09.2015).
5. Межрегиональный индекс кризисного сознания. URL: <http://789.ru/projects/miks.html> (дата обращения: 11.09.2015).
6. Михалёва Е. А. Экономическое поведение личности в условиях социального поля российского общества // Современное российское общество : состояние и перспективы : материалы Всероссийской конференции (Казань, 15—16 нояб. 2005 г.) : в 4 т. / под ред. проф. А. Н. Ершова. Казань : Центр инновационных технологий, 2006. Т. 4. С. 202—204.
7. Мнацаканян М. О. Парадоксальный человек в парадоксальном обществе // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 13—19.
8. Попова И. Повседневное сознание в переходном обществе : симптомы кризиса // Социология : теория, методы, маркетинг. 1999. № 1. С. 5—21.
9. Рассказов Л. Д. Диалектика кризисных явлений сознания в различные исторические эпохи : социально-философский анализ актуальных явлений культуры // Глобальный научный потенциал. 2014. № 7 (40). С. 18—20.

10. *Расказов Л. Д.* Кризисное сознание в контексте глобализационных процессов : монография. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2013. 215 с.
11. Российская цивилизация. Россия : социокультурные ограничения модернизации : (круглый стол) // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87—102.
12. *Сатаров Г. А.* Общественное мнение и общественное сознание : реальность и миф // *Общественные науки и современность*. 2007. № 4. С. 5—23.
13. *Смирнов Г. С.* Ноосфера в век глобальных катастроф // *Вестник Ивановского государственного университета*. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 74—91.
14. *Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.* Ноосферная история : тектонические сдвиги в глобальном сознании // *Цивилизационные разломы : мировое сообщество и судьба России : сборник материалов Третьей международной заочной научно-практической конференции / под ред. С. А. Степанова ; сост. Г. Р. Исакова*. М. : Изд-во МНЭПУ, 2015. С. 29—34.
15. *Тойнби А.* Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 736 с.
16. *Тощенко Ж. Т.* Метаморфозы общественного сознания : методологические основы социологического анализа // *Социологические исследования*. 2001. № 6. С. 3—16.
17. *Требилова Е. Ю.* Социология сознания. М. : Реноме, 2011. 213 с.
18. *Франк С. Л.* Предмет знания: душа человека. М. : АСТ, 2000. 992 с.
19. *Хахиашвили Р. И.* Общественное сознание в России : актуальные тренды начала XX века : монография. М. : МАКС-Пресс, 2007. 192 с.
20. *Храпов С. А.* Становление представлений о кризисных тенденциях общественного сознания постсоветской России // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2009. № 3. С. 164—172.
21. *Шляпентох В. Э.* Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века : (по материалам международных исследований) / под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. М. : Институт социологии РАН, 1999. 296 с.
22. *Яковенко И. Г.* Эсхатологическая компонента российской ментальности : (связи, обусловленность, логика актуализации) // *Общественные науки и современность*. 2000. № 3. С. 87—95.

ББК 60.023

А. С. Никифоров

ГЛОБАЛЬНЫЙ РАЗУМ НООСФЕРЫ: ПРОСТРАНСТВО КАТЕГОРИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Фиксируются основные категориальные направления в ноосферологии и философии сознания и ноосферы в терминах «разум», «ноосферное сознание», «ноосферное мировоззрение», «глобальный разум» и др. В центре внимания — пространство категориального дискурса, в котором может быть изучен глобальный разум ноосферы. Анализируются основные точки зрения ученых относительно данного феномена в контексте ноосферных исследований. Делается вывод о том, что анализ категориальной сетки позволяет лучше понять интеллектуальные процессы, происходящие в ноосферологии и философии сознания и ноосферы.

© Никифоров А. С., 2015

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833.

• Серия «Гуманитарные науки»

Ключевые слова: ноосферное сознание, сознание ноосферы, ноосферное мировоззрение, глобальное сознание, интеллект, субъективная реальность, коллективный разум, ноосферное мышление, ноосферная духовность, разум, ноосфера.

This article makes an attempt at stating basic categorical directions in noosferology and the philosophy of mind, the mind in terms of the noosphere, noosphere consciousness, noospheric outlook, global understanding, and others. The focus of the article is the space categorical discourse within which a global mind of the noosphere can be investigated. Analyzed are the main points of view of scientists on this phenomenon in the context of Noosphere Studies.

Key words: noospheric consciousness, the consciousness of the noosphere, noosphere worldview, global mind, intellect, subjective reality, collective intelligence, noosphere thinking, noosphere spirituality, mind, the noosphere.

В современной гуманитарной науке учение о ноосфере заняло свою нишу. Из него выросло целое научное направление — ноосферология, вобравшее в себя достижения нескольких поколений ученых и мыслителей. Как и в любой другой сфере научного знания, в ноосферологии главным становится категориальный дискурс, определяющий в дальнейшем траекторию исследований.

Цель настоящей статьи — очертить рефлексивное понятийное поле вокруг такой базовой для ноосферной философии категории, как «идеальные компоненты ноосферы», а также зафиксировать полисемантическое содержание этого поля в контексте современной научной картины мира.

Среди проектов последнего времени, инициированных Россией, особое место занимает заявка на проведение выставки ЭКСПО-2020 «Глобальный разум. Будущее глобализации и ее влияние на наш мир». Планировалось, что выставка пройдет в Екатеринбурге, в многонациональном городе, который находится на границе европейской и азиатской частей России и является важным транспортным узлом. Данное обстоятельство отражает идею представленной тематики. Формулировка темы в первой заявке на участие «Глобальный разум: человечество в едином диалоге» отчетливо выражала также позицию самой России, поскольку наша страна является динамично развивающейся, открытой для сотрудничества с остальным миром и активно участвует в международных проектах. «Глобальный разум сегодня неотделим от глобального информационного пространства. Благодаря Интернету мир объединился в единое информационное поле. За считанные секунды новость облетает весь мир. Каждый политический, экономический общественный шаг способен приобретать глобальный масштаб. С одной стороны, это хорошо, с другой — страшно. Но как ни относиться к глобализации, мы все — ее современники. И от того, насколько серьезно и всеобъемлюще будет изучен этот процесс, зависит, станем мы его сторонними наблюдателями или активными участниками, будет ли глобализация двигателем развития цивилизации во всех ее проявлениях или дорогой, ведущей к потере национальной самобытности народов, закреплению экономического неравенства, упрощению и схематизации культурного пространства. Каждый житель планеты, от президента до школьника, должен будет сделать в этом вопросе свой выбор», — так раскрыл тему председатель Наблюдательного совета Заявочного комитета ЭКСПО-2020, член Совета Федерации Федерального собрания РФ Аркадий Чернецкий [10].

К сожалению, для проведения ЭКСПО-2020 была выбрана другая страна, но в контексте данной статьи значение имеет позиция Российской Федерации, которая, выдвигая подобную тему для выставки, следует русской интеллектуальной традиции, облакает ее в современную форму.

В этой связи представляет интерес осмысление понятийного ряда в контексте использования в междисциплинарной сфере близких по смыслу концептов.

Для обозначения идеальных компонентов ноосферы (феноменов глобального разума ноосферы) употребляются термины: разум, научная мысль как планетное явление, субъективный фактор перехода биосферы в ноосферу, ноосферное сознание, сознание ноосферы, ноосферное мировоззрение, глобальное сознание, интеллект, ноосферный интеллект, общественный интеллект, субъективная реальность, коллективный разум, ноосферное мышление, ноосферная духовность.

С точки зрения предпосылочного знания работа ориентирована на труды теоретиков ноосферы — Э. Леруа, П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского, предопределивших эвристически ценное понятие ноосферы. Центральное место в учении о ноосфере занимает идея разума. Э. Леруа рассматривал ноосферу как определенный последовательный этап развития жизни на Земле, хронологически связывая ее зарождение с гоминизацией, т. е. с появлением на Земле в процессе эволюции человека мыслящего (*homo sapiens*) (см.: [21, с. 1019]). П. Тейяр де Шарден также рассматривает разум как революционный фактор эволюции живого. Логика его метаисторических в своей сути размышлений такова: «...если действительно “разумное” существо характеризуется “рефлектирующей способностью”... то можно ли серьезно сомневаться, что разум — эволюционное достояние только человека? И следовательно, можем ли мы из какой-то ложной скромности колебаться и не признавать, что обладание разумом дает человеку коренной перевес над всей предшествующей ему жизнью?» [18, с. 70].

В. И. Вернадский рассуждает о разуме как ученый-естественник, помещая его уже не на биологическую ступень эволюции, а на самую фундаментальную — геологическую: «Хотя человек, *Homo sapiens*, есть поверхностное явление в одной из оболочек земной коры — в биосфере, но новый геологический фактор, вносимый его появлением в историю планеты, — разум — так велик по своим последствиям и их возможностям, что, мне кажется, можно не возражать против внесения этого фактора для геологических подразделений наряду со стратиграфическими и тектоническими» [4, с. 130].

Ноосферология XX в., следуя за В. И. Вернадским, подошла к пониманию разума во многом схожим образом. Главным здесь становится исследование многообразных проявлений культурной биогеохимической энергии, о которой отечественный мыслитель писал в контексте учения о переходе биосферы в ноосферу.

А. Печчеи рассматривает разум в первую очередь как средство человека в приспособлении к окружающему миру: «Постепенно утрачивая свои природные способности к приспособлению и выживанию, сочтя за благо все больше и больше доверять свою участь разуму, то есть своим техническим возможностям, человек, вместо того чтобы меняться самому, принялся изменять окружающий мир, став в нем звездой первой величины» [14, с. 55]. Разум для него — некая современная «биологическая необходимость»: «Мы в основном вынуждены полагаться на свой разум»; «Уникальным прибежищем

во всех чрезвычайных обстоятельствах стала для нас культурная изобретательность и культурная адаптация — впрочем, это, в сущности, единственное средство, которое нам сейчас доступно» [14, с. 103].

Г. Бейтсон в своей книге «Разум и природа: неизбежное единство» определяет следующие критерии разума: «1. Он составлен из частей, которые сами не являются разумными. “Разум” состоит в определенном способе организации частей. 2. Эти части приводятся в действие событиями, происходящими во времени. Даже статичные различия во внешнем мире тоже могут порождать события, если вы движетесь по отношению к ним. 3. Сопутствующая энергия. Сам по себе стимул (являющийся различием) может не доставлять энергии, но адресат стимула обладает энергией, обычно доставляемой обменом веществ. 4. Затем причины-и-следствия образуют циклические (или более сложные) цепи. 5. Все сообщения кодируются. 6. И наконец, самое важное — существуют логические типы» [2, с. 207]. Отметим, что автор задает общенаучный контекст понимания разума: здесь можно обнаружить и кибернетические, и семиотические, и синергетические, и исторические, и экологические аспекты.

В. И. Вернадский в своей книге «Научная мысль как планетное явление» рассматривает феномен научной мысли в свете ее возникновения и последующего преобразования мировой истории. Он пишет: «Без их оценки с точки зрения добра и зла, не касаясь этической или философской стороны, научная работа, научная мысль констатируют новый факт в истории планеты первостепенного геологического значения. Этот факт заключается в выявлении создаваемой историческим процессом новой психозойной или антропогенной геологической эры. В сущности она палеонтологически определяется появлением человека» [4, с. 61].

В данном случае Вернадский рассматривает научную мысль как силу, сравнимую с геологической, т. е. как силу, сравнимую с природными — стихийными — процессами: «Научная мысль впервые выявляется как сила, создающая ноосферу, с характером стихийного процесса» [4, с. 62]. Также ученый не упускает из виду социальный аспект преобразований научной мысли: «Научная мысль есть и индивидуальное, и социальное явление. Она неотделима от человека. Личность не может при самой глубокой абстракции выйти из поля своего существования. Наука есть реальное явление и, как сам человек, теснейшим и неразрывным образом связана с ноосферой» [там же].

Через сорок лет Н. П. Антонов писал о роли субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу: «Человек творит предметный мир, в котором он живет, всю искусственную “очеловеченную природу”, техносферу не из идеи, не из сознания, а при помощи сознания в процессе труда из вещества природы, материи. Веществу природы, материи человек в процессе производства может придать такую форму, создать такие продукты своего труда, которые вне его сознательной деятельности не существуют и природа без человека создать не может» [1, с. 230]. В данном случае ученый сравнивает «очеловеченную природу» с ноосферой основываясь на утверждениях К. Маркса. «По своему существу понятие “ноосфера” у Вернадского совпадает с понятием “очеловеченная природа”», — отмечает он [1, с. 226].

Г. С. Смирнов обращается к термину «сознание ноосферы», подчеркивая, что его неправомерно отождествлять с термином «ноосферное сознание». «Сознание ноосферы, — пишет автор, — это совокупность всех форм и видов общественного и индивидуального сознания человека и человечества,

это заведомо конгломерат — противоречивая целостность, определяющая сложные метаморфозы всех сторон исторического развития человеческой цивилизации. Сознание ноосферы — важнейший неотъемлемый фактор духовно-телесной конструкции космопланетарного универсума» [15, с. 136]. Здесь сознание ноосферы мыслится как своеобразное промежуточное звено между настоящим и будущим ноосферы.

Ноосферное сознание, по мысли Г. С. Смирнова, качественно отличается от сознания ноосферы. Во многом доказательству этого утверждения способствует категориальная матрица, создаваемая автором, который убедительно показывает, что понятие «ноосферное сознание» имеет смысл лишь в соотношенности с понятием «ноосферная реальность», ибо в таком контексте «оно предстает как вещно-идеальная субстанциональность» [там же].

Разные дефиниции затрагивают различные стороны бытия ноосферного сознания. Рассматривая феномен с позиции современности, следует указать, что такое сознание должно решать проблемы, назревшие в последнее время, как проблемы экологического характера, так и социальные, ресурсные и многие другие. Г. С. Смирнов предлагает следующее, отвечающее этому требованию определение: «Ноосферное сознание это действительное единство экологического глобального общечеловеческого культурного сознания цивилизованного человечества» [15, с. 134].

В парадигме ноосферного мировоззрения работает М. А. Кузнецов, утверждающий, что данное понятие отражает «систему представлений о биосфере и универсуме в целом, систему идеалов и гуманистических духовно-нравственных ценностей» [12]. В. А. Грачев в своей статье «Ноосферное мировоззрение и устойчивое развитие» также рассматривает феномен ноосферного мировоззрения: «Обращая внимание на факт направления эволюции к порождению разума, выдвигается идея активной эволюции, то есть необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство, то есть Человек силой своего Разума берет, так сказать, штурвал эволюции в свои руки. Это и есть, как мне представляется, ноосферное мировоззрение» [5, с. 19].

Следует отметить, что оба ученых — М. А. Кузнецов и В. А. Грачев — используют в своих определениях такие словосочетания, как «нравственное чувство», «система идеалов и гуманистически-нравственных ценностей». Это, на мой взгляд, отражает одну из существенных сторон формирования глобального разума ноосферы.

В настоящее время становится актуальным термин «планетарное сознание», перекочевавший из научной литературы в учебную. С. Э. Крапивенский отмечает, что «решающее значение приобретает *единое планетарное сознание*, которое стихийно формируется на психологическом уровне как первичное отражение новых для человечества характеристик социального бытия, но требует больших усилий для своего становления на более осознанном и (в этом смысле) идеологическом уровне» [11, с. 400]. Философ также раскрывает смысл данного термина, указывая на основные его черты: «...доминантой планетарного сознания является приоритет общечеловеческих ценностей над более частными (региональными, национальными, классовыми). <...> Планетарное сознание вызывает существенную коррекцию в общественном сознании отдельных народов и стран, а также в индивидуальном сознании. <...> Планетарное сознание характеризуется высшей степенью

онаученности, что связано с невозможностью решения глобальных проблем просто при помощи “здорового смысла”, в обход новейших достижений естественных, технических, гуманитарных и философских наук» [11, с. 401—402].

В этом ряду особую роль играет категория «глобальное сознание». А. Н. Чумаков дает ей следующее определение: «Глобальное сознание — миропредставление и миропонимание, в соответствии с которым на первый план в оценке принципиальных, особо значимых событий выступают общечеловеческие интересы и ценности; способность мыслить категориями планетарного масштаба, осознать личную сопричастность к мировым делам и процессам» [20, с. 239].

Академик В. П. Казначеев, рассматривая становление ноосферы как волнообразный космопланетарный колебательный процесс динамики интеллекта, отмечает (отталкиваясь от размышлений К. Э. Циолковского), что в эпоху ноосферности «само сознание человека есть не только производная межнейрональных многомиллионных взаимосвязей и не только известных центров, но особая форма космического полевого фрактала в планетарно-космическом пространстве» [8]. Он в своей монографии «Феномен человека: космические и земные истоки», так же как и другие ученые, обращает пристальное внимание на феномен развития интеллекта: «Несомненно, что в эволюции человека, в его интеллектуальной, психонервной деятельности, являющейся продуктом общества, формируемого из биолого-природных основ, были реализованы, эволюционировали такие механизмы, новые специфические качества его духовной жизнедеятельности, которые в совокупности в общественной организации людей создали естественно-исторический фундамент для космопланетарного процесса построения ноосферы» [9, с. 41].

Д. И. Дубровский для обозначения эволюционно развивающегося сознания биосферы предложил термин «субъективная реальность». Он пишет: «Субъективная реальность — находка биологической эволюции, означавшая возникновение психики, нового типа информационного процесса, выработанного в ответ на усложнение живой системы и ее потребности самоорганизации, эффективного управления, — чрезвычайно экономичный, высокооперативный способ получения, переработки и использования информации в целях управления многосложным организмом, централизации его действий, которая (централизация) интегрирует нижележащие уровни управления (в клетках, внутренних органах и т. п.), сохраняя их определенную автономию. Тем самым решалась проблема поддержания целостности высокоразвитой живой системы и оптимизации ее поведения» [6]. В другой своей статье Д. И. Дубровский подчеркивает, что субъективная реальность имеет особое значение для развития биосферы: «Состояние субъективной реальности знаменует новый тип деятельной активности живой системы» [7].

В одной из своих лекций Тим О’Рейли говорит о зарождении сегодня глобального разума. Вопрос глобального разума непосредственно связан с темой современных технических достижений и развития интернет-пространства, поэтому термин «глобальный разум» может рассматриваться как один из самых передовых в рамках современного состояния интернет-коммуникации. Резюмируя его слова, Стьюард Бренд писал: «Глобальный разум не будет искусственным интеллектом, в этом нет ни смысла, ни жизненного интереса человека и человечества. Глобальный разум — это мы сами, соединенные и дополненные возможностями, которые природа не смогла

дать человеку как биологическому виду. Но мы смогли — и еще сможем — на базе существующей (интернет-) технологии или на базе любой другой, которая может прийти на смену, сохранив и расширив его основные качества, создать среду существования нашего мозга, каждого в отдельности и всех вместе» [3].

Один из основоположников инвайронментализма в российской науке и философии, Н. Н. Моисеев, считает, что именно благодаря разуму человек «способен оценивать настоящее состояние Природы и общества и постепенно познавать логику Природы, т. е. систему связанных между собой законов ее развития. Более того, он способен в принципе согласовывать с ними свои действия, свою деятельность и тем самым влиять на свое грядущее» [13, с. 6]. Петербургский исследователь А. И. Субетто, усиливая приведенный выше тезис, интерпретирует разум как «эволюционный механизм, противостоящий механизму “естественного отбора” и в первую очередь олицетворяющий собой управление будущим со стороны человека, общества и человечества в контексте обеспечения продолжения прогрессивной эволюции человечества и живого на Земле» [16, с. 49].

В трудах Н. Н. Моисеева акцентируется внимание на понятии «коллективный разум». Он многократно в своих работах подчеркивал, что именно коллективный разум определял наше общее развитие последние тысячелетия. Особый интерес представляет его компаративистский анализ филогенеза сознания (когда увеличение числа нейронов в мозге живого существа привело однажды к появлению сознания, свойства которого никак не являются следствием свойств отдельных нейронов) и социогенеза коллективного разума (где роль отдельных нейронов играют индивидуальные разумы и отдельные информационные системы). «Если моя гипотеза верна, — писал Н. Н. Моисеев, — то однажды неизбежно произойдет качественное изменение места Коллективного Разума в планетарной организации человечества» [13, с. 112].

По мысли А. И. Субетто, ноосферное сознание — это такое сознание, которое опирается «на ноосферно-ориентированный синтез наук, на ноосферные духовность, нравственность и этику», сознание, которое «несет в себе ответственность за все живое на Земле, сохранение Биосферы как “дома человечества” на Земле» [17, с. 505]. Заметим, что содержание термина «ноосферное сознание» здесь настолько широко, что, скорее, отсылает к понятию «ноосферное мировоззрение».

В. В. Черноголовый рассматривает ноосферное сознание в качестве специфической формы общественного сознания, находящейся в отношениях взаимосвязи и координации со всеми его прочими формами. «Онтологически сознание нового типа — ноосферное сознание, — пишет автор, — может быть определено как целостная совокупность знаний, представлений... человечества о способах рационализации взаимодействия с природной средой для достижения состояния гармоничного и непротиворечивого сосуществования и оптимизации социальных отношений» [19]. Под ноосферизацией общественного сознания он понимает процесс трансформации форм сознания, его содержательных характеристик, образования новых типов и развития новых функций, что связано с изменением характера взаимодействия человека и природы и необходимостью упорядочения социальных отношений на основе всеобщей планетарной этики [19]. В чем-то это определение сходно с определением А. И. Субетто. Оба исследователя рассматривают ноосферное сознание

больше как форму организации глобального сознания с присущими ей аксиологическими и техническими изменениями.

Взгляды Н. Н. Моисеева и В. П. Казначеева объединяет то, что они видят в сознании, скорее, новое качество материи, которое формируется в процессе преобразований живого вещества. Разумеется, это включает в себя и изменения устройства всего человеческого общества и его взглядов на свое собственное предназначение и роль на этой планете. Для точки зрения, представленной А. И. Субетто и В. В. Черноголовым, характерно то, что на первый план здесь выходят черты всеобщности, глобальности, объединения и изменения мировоззрения человечества.

Глобальный разум ноосферы многолик и в современной философии сознания находит отражение в сложной категориальной сети. Большинство ученых останавливают свое внимание на том, что глобальный разум ноосферы — явление совершенно нового масштаба в истории человечества и космоса в целом, которое требует новых ценностных и духовных установок, а также нового разработанного категориального аппарата. Явление такого масштаба включает в себя совершенно разные области знания, которые в своем пересечении дают возможность адекватно понять и использовать весь потенциал человеческой мысли в современной ситуации. Естественно, такой подход затрагивает различные категории, которые прежде мыслились и разрабатывались в отдельности и которые необходимо теперь рассматривать в свете целой категориальной сети.

Категориальная самоорганизация позволяет глубже понять происходящие в космопланетарном пространстве духовно-интеллектуальные процессы и тем самым дает толчок к развитию предметных областей ноосферологии и философии сознания и ноосферы.

Библиографический список

1. Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Антонов Николай Павлович : философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. С. 220—232.
2. Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. М. : URSS : КомКнига, 2007. 225 с.
3. Бренд С. Tim O'Reilly Birth of the Global Mind. URL: <http://longnow.org/seminars/02012/sep/05/birth-global-mind> (дата обращения: 02.09.2015).
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 271 с.
5. Грачев В. А. Ноосферное мировоззрение и устойчивое развитие // Вклад В. И. Вернадского в развитие мировой цивилизации. М. : Ноосфера, 2013. С. 18—32.
6. Дубровский Д. И. Зачем субъективная реальность, или «Почему информационные процессы не идут в темноте?» URL: http://old.virtualcoglab.ru/html/ddi_1.html (дата обращения: 04.09.2015).
7. Дубровский Д. И. Субъективная реальность. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/779/субъективная_реальность (дата обращения: 03.09.2015).
8. Казначеев В. П. Ноосферное строительство планеты в космическом пространстве — это новая эпоха ее эволюции и эволюции живого вещества. URL: http://www.noosphera.tv/publ/stati/stati/noosfernoe_stroitelstvo_planety/4-1-0-8 (дата обращения: 15.04.2015).
9. Казначеев В. П. Феномен человека: космические и земные истоки. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1991. 128 с.

10. Коновалова М. Глобальный разум победит. URL: <http://xn----8sdbdiabb0aehp1bi2bid6az2e.xn--p1ai/sport/futurologija/10434-globalnyu-razum-pobedit/> (дата обращения: 15.04.2015).
11. Кративенский С. Э. Социальная философия : учебник для гуманитарно-социальных специальностей высших учебных заведений. 3-е изд. Волгоград : Комитет по печати, 1996. 352 с.
12. Кузнецов М. А. Философские основания ноосферного мировоззрения. URL: <http://www.dissercat.com/content/filosofskie-osnovaniya-noosfernogo-mirovozzreniya> (дата обращения: 15.04.2015).
13. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Языки русской культуры, 2000. 223 с.
14. Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1980. 302 с.
15. Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность : философские проблемы ноосферного универсума / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998. 244 с.
16. Субетто А. И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. СПб. : Астерион, 2010. 543 с.
17. Субетто А. И. Разум и Анти-Разум : (что день грядущий нам готовит?). СПб. : Астерион, 2003. 592 с.
18. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
19. Черноголовый В. В. Общее определение ноосферного сознания. URL: http://www.rusnauka.com/ONG_2006/Philosophia/17769.doc.htm (дата обращения: 15.02.2015).
20. Чумаков А. Н. Глобальное мировоззрение // Глобалистика : энциклопедия / гл. ред. И. И. Музар, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003. С. 239—240.
21. Янишина Ф. Т. О появлении и первоначальном толковании понятия «ноосфера» // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64, № 11. С. 1016—1022.

ББК 60.023

И. Г. Грищенко

КОНТРАВЕРСЫ ПСИХОСФЕРЫ: ПАНТОНОМИЯ ПРОТИВ ДЕГУМАНИЗАЦИИ

Исследуется феномен психосферы: представлены исторические ракурсы психосферы, дается широкое определение термина «психосфера». Актуализируются глобальные проблемы дегуманизации и разрушения психосферы.

Ключевые слова: психосфера, ноосфера, ноосферная картина мира, дегуманизация, разрушение психосферы.

The article studies the phenomenon of the psychosphere. The article shows basic philosophical ideas of the psychosphere from antiquity to modern times. The article expands the definition of the term «psychosphere», raises problems of the dehumanization and the destruction of the psychosphere.

Key words: psychosphere, noosphere, noosphere picture of the world, dehumanization, destruction of the psychosphere.

© Грищенко И. Г., 2015

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833.

• Серия «Гуманитарные науки»

Природа прекрасна. Много в ней достойно восхищения и преклонения, но всего прекрасней и чудесней человеческий разум. Ум человека, познающий природу и самого себя. В мозгу человека природа дошла до познания самой себя. Мощь и власть человека, его разума и рук безгранична. То, что невозможно сегодня, будет возможно завтра.

Н. П. Антонов

Для рассмотрения феномена психосферы необходимо определить ее значение в становлении ноосферы. Ноосфера, по определению В. И. Вернадского, — это сфера бытия, охваченная разумной деятельностью человека (см.: [5, с. 40]). Цель ноосферной деятельности — осуществить отбор информации таким образом, чтобы она управляла энергетическими процессами на благо живой природы и человечества, так как ноосферная деятельность направлена на сохранение и приумножение жизни на Земле и в Космосе, на сохранение Живого Космоса как целостности, как системного единства [5, с. 41].

Н. П. Антонов в своей работе «Ноосфера — сфера разума и труда человечества в развитии Земли» выделяет следующие специфические черты ноосферы [1, с. 175—176]: она не может существовать вне общества, до общества, независимо от общества; для нее характерен высокий уровень развития общественного сознания, разума, научной мысли и активной, преобразующей мир общественно-трудовой деятельности людей; ноосфера как сфера разума в эволюции есть высшая ступень развития общественного сознания, познание материей самой себя в мозге человека; структура ноосферы представляет собой единство материальных и идеальных компонентов, труда и разума человека, всего того, что создано им; ноосфера не может существовать и проявляться вне человека и его мозга и независимо от них; в процессе отражения окружающего мира в мыслящем мозгу человека материя в своем развитии доходит до познания самой себя; человеческое общество становится важнейшим фактором дальнейшего развития природы. Все это, отмечает философ, и дает основание говорить о ноосфере как новом этапе в развитии планеты [1, с. 180]. В качестве важнейшего специфического признака ноосферы, неразрывно связанного с наукой, он выделяет научно-техническую революцию [1, с. 181].

Какова связь между психосферой и ноосферой? Необходимо определить место психосферы в едином пространстве, образуемом природой и социумом.

Рассмотрим модель ноосферной картины мира, которая может быть представлена с помощью опорного сигнала, предложенного Г. С. Смирновым. В центре ноосферной картины мира находится человек — главный субъект ноосферной динамики. От его эволюционных материальных и духовных потенций зависят параметры ноосферного развития, его векторность, темпы, в конечном итоге — возможности выхода из сложнейших кризисных ситуаций, с которыми сталкивается человеческая цивилизация: «Под ногами у него единая (“естественная” и “вторая очеловеченная”) природа (биосфера), — пишет философ, — над головой культуросфера (сфера иной — “противоположной” — духовной природы), с правой стороны — созданная правой рукой техносфера, а с левой — социосфера. С миром этих сфер человека (антропосферу) соединяет информатосфера (идеальносфера)». Данная модель может быть дополнена достаточно большим количеством уже исследованных

и обозначенных сфер (геносферой, этносферой, экосферой, которые рассматриваются в философской, научной и культурологической литературе) [9, с. 63—64]. Место психосферы в ноосферной картине мира до сих пор не установлено. Возможно, из-за того, что на данный момент нет единого четкого определения психосферы.

Впервые понятие «психосфера» ввел Н. Н. Ланге, не дав его точного определения, но предположив наличие взаимосвязи биосферы и ноосферы через психосферу, при этом не рассматривая социосферу, техносферу и другие сферы ноосферной картины мира. По мнению Н. Н. Ланге, психосфера охватывает всю совокупность психических форм жизни, не совпадающих с биологическим (живым) веществом, хотя и неотделимых от него (см.: [7]).

А. Ю. Арапов и А. Г. Ли дают следующее определение психосферы: психосфера человека — это неразрывное единство психики человека и окружающей энергоинформационной среды в их постоянном взаимодействии, взаимопроникновении и развитии [2].

Для определения связи психосферы с ноосферой интересно проанализировать упоминания ноосферы и психосферы как *nous* и *psyche* в трудах античных философов (см.: [12]).

Анаксагор полагает, что над всем, что имеет душу, властвует Разум. Так им было установлено наличие сферы высшего Разума, которую мы сейчас называем ноосферой. Именно этот Разум определяет бытие человека, «программирует» развитие организма аналогично развитию космоса, т. е. «создает» программу бытия человека через психическую сферу — психосферу. Согласно Анаксагору, отличие души человека от души животного состоит в том, что первая является хранильницей разума и нравственности, максимальная степень Разума заключена в космосе — наиболее совершенном организме, человек стоит ближе всего к космическому Разуму именно потому, что он единственный обладает психосферой на ее высшей ступени развития.

Впервые к душе как к источнику разума и нравственности человека подошел Сократ. Душа, по его мнению, это психическое качество индивида, свойственное ему как разумному существу, действующему согласно нравственным идеалам.

Одним из важнейших положений Сократа была идея о том, что существует абсолютное знание, абсолютная истина, которую человек в своем размышлении о природе вещей может познать и передать другим. Однако абсолютное знание хотя и существует объективно, но оно не может быть дано человеку в готовом виде. Невозможна передача не только готового знания, но и отношения к нему, этических норм и понятий о нравственности и добродетели. Эти чувства можно только развивать из тех зародышей, что имеются в душе каждого. По мнению Сократа, истина существует в душе человека с самого рождения, хотя разум и не осознает этого, т. е. допустимо предположить, что именно эту истину человек берет из космического Разума. В ходе жизни человек пытается познать ее, развивает существующее в душе знание.

Фактически речь идет о том, что бессознательное знание, которое до определенной поры дремлет в душе, необходимо сделать осознанным. Обогащенная жизненным опытом истина после смерти человека снова становится частью космического Разума.

Согласно мифу, излагаемому Платоном, душа до рождения человека «поет в хоре богов» и там набирается знаний. Человек, рождаясь, припоминает эти знания. В этом сюжете завуалирована мысль о связи Высшего Разума

(ноосферы) с душой (психосферой). Душа постоянна, неизменна, бессмертна. Именно человеческая душа выступает высшим проявлением психосферы и на этом своем высшем проявлении входит в сферу разума — ноосферу.

Аристотель полагал, что существует три вида души — растительная, животная и разумная. Но бессмертна и нематериальна лишь разумная душа, которая есть только у человека. Именно она — та часть души, которая, по мнению Аристотеля, после смерти человека вместе с накопленными знаниями сливается с мировым разумом, изменяя и обогащая его. Нус — хранилище разумной части души человека после его смерти. При рождении ребенка часть мирового разума, образуя новую разумную часть души, вселяется в тело новорожденного. Эта часть души хранит в себе все знания, существующие в нусе в целом, т. е. всю культуру, накопленную человечеством к настоящему моменту.

Подытоживая все вышеизложенное, следует сказать, что размышления древнегреческих философов о Высшем Разуме, о душе, их взаимосвязи позволяют сформулировать мысль о том, что психосфера является составляющей ноосферы в высших точках ее актуализации (см.: [10]).

Способ бытия психосферы основан на психофизиологической природе индивидов, их общении между собой и деятельностном освоении окружения [8]. Человек имеет космическую природу сознания, которая и является основой для постепенного его развития в ходе планетарной эволюции [3]. Сознание — это высший уровень психического отражения объективной реальности, а также высший уровень саморегуляции, присущий только человеку как социальному существу [4, с. 88].

Н. П. Антонов пишет: «Сознание, как идеальное отражение материального мира, существует только в виде индивидуального сознания отдельных людей и различных форм общественного сознания, как отражение общественного бытия, образа жизни людей, осознания людьми данной эпохи тех условий, в которых они живут» [1, с. 176].

К. Г. Юнг в своей работе «Архетип и символ» указывает на то, что индивидуальное сознание существует только на основе коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным [14]. С помощью словесно-ассоциативного теста, позволившего экспериментально выявить структуру бессознательного, Юнг выделил архетипы коллективного бессознательного, которые напоминают отдельных личностей. По Юнгу, весь их легион уже содержится в душе [14]. Присутствие коллективного бессознательного у каждого человека подтверждает мысль о том, что психосфера является составляющей ноосферы.

Учитывая все сказанное, появляется возможность расширить определение термина «психосфера». Психосфера — это неразрывное единство совокупной психики человечества, образуемой психикой каждого человека, и энергоинформационной среды, связующей все сферы бытия (биосферу, антропосферу, техносферу, социосферу, культуросферу и другие сферы) в их постоянном взаимодействии, центром которых является человек как носитель высшей стадии развития психики — сознания; в высших точках актуализации психосфера входит в ноосферу, становясь мощным проводником между человечеством и ноосферой, ноосферой и человечеством, формируя области сознательных и бессознательных знаний.

Можно спорить, продолжать развивать определение термина «психосфера» в связи с растущими знаниями о ней, но наличие психосферы неоспоримо.

Еще не имея всеобъемлющего знания о психосфере, человечество уже начало разрушать ее. Поэтому наряду с изучением психосферы стоит важная задача — сохранить целостность психосферы, остановив дегуманизацию человечества.

В условиях научно-технического прогресса и постоянного увеличения объема информации обнаруживаются психологическое истощение, разрушение организованности психосферы: увеличивается процент самоубийств (по данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно более 800 тыс. человек кончают жизнь самоубийством, каждые 40 секунд — один человек), наблюдается высокий уровень алкоголизма, наркомании, широко распространены психические расстройства (по данным Всемирной организации здравоохранения, каждый четвертый-пятый человек в мире страдает тем или иным психическим или поведенческим расстройством), вандализм и преступность. Каждый день жизни воспринимается людьми как ходьба по краю пропасти, миллионы людей устали от насилия, кроме того, на них постоянно наступает увеличивающаяся армия «странных личностей», чье анти-социальное поведение средства массовой информации часто окружают романтическим ореолом. Несмотря на это, миллионы людей занимаются поисками своей идентичности или какого-то магического средства, которое помогло бы им вновь обрести свою личность [11]. Они хотят избавиться от страданий, возникающих из-за чувства утраты смысла жизни, которое соединено с ощущением пустоты [13].

Каждый из нас наполовину то, что он есть, а наполовину — окружение, в котором он живет. Когда последнее совпадает со свойствами нашего характера, благоприятствует им, то наша личность реализуется полностью; одобрение ее внешних проявлений побуждает к развитию внутренних сил. Враждебное окружение, поскольку оно и внутри нас, толкает нас на сопротивление и ведет к постоянному разладу, угнетает, препятствует развитию и полному расцвету нашей личности [6].

Сознательно и бессознательно люди пытаются вырваться из круга одиночества, находя единомышленников, объединяясь по интересам, осознавая необходимость социального сплочения общества, организуют волонтерские движения, оказывая помощь одним людям, объединяя других.

Для создания здоровой психосферы Э. Тоффлер призывает признать три основных требования любой личности: потребность в общности, потребность в структуре и потребность в смысле.

На первый взгляд, любое общество должно породить чувство общности, так как оно противостоит одиночеству и придает людям уверенность. Однако в условиях рыночно-капиталистических отношений, разрушения форм человеческого общения институты, от которых зависит общность, распадаются, что особенно ярко видно в развитых технологических обществах. Результат — распространение чумы одиночества. Общность требует больше, чем эмоционально удовлетворительные связи между индивидами: необходима взаимосвязь между индивидами и их организациями. Людям не хватает дружбы, они чувствуют себя отрезанными от институтов, частью которых они являются. Распад институтов разрушает не только общность, но и структуру и смысл нашей жизни. Людям нужна структура жизни, адекватная сложности мира. Без такой структуры начинается распад индивидуальной и общественной психосферы. Структура обеспечивает относительно фиксированные точки отсчета, которые необходимы людям и важны психологически для построения целостной человеческой жизни [11].

Социальная изоляция, обезличивание, бесструктурность и ощущение бессмысленности, от которых в настоящее время страдает так много людей, — это, скорее, симптомы развала прошлого, а не знаки будущего [11].

Нам следует начать создание структуры порядка и цели в жизни, мы должны преодолеть приступы одиночества: необходимо создать смысл, извлекая его из добропорядочных социальных связей и представляя себя частью последовательного развития истории [11].

Таким предстает перед нами мир: он не самодостаточен, не служит основанием для собственного бытия, а кричит о том, чего ему недостает, провозглашает свое небытие, вынуждает нас философствовать; ведь философствовать — значит искать целостность мира, превращать его в Универсум, придавая ему завершенность и создавая из части целое, в котором он мог бы спокойно разместиться [6].

Более глубокое изучение психосферы, ее взаимосвязи с другими сферами бытия даст возможность остановить дегуманизацию, предотвратить обесценивание человеческой личности и разрушение ноосферы.

Библиографический список

1. Антонов Н. П. Ноосфера — сфера разума и труда человечества в развитии Земли // Антонов Николай Павлович : философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. С. 168—185.
2. Арапов А. Ю., Ли А. Г. Психосфера человека. Угрозы безопасности психосферы человека и способы борьбы с ними // Парапсихология и психофизика. 1999. № 1. С. 94—101. URL: [http://aeninform.org/sites/default/files/pp_rus_archivs/99-1/94-101\(1-99\).rtf](http://aeninform.org/sites/default/files/pp_rus_archivs/99-1/94-101(1-99).rtf) (дата обращения: 26.09.2015).
3. Брагин А. В. Структура мироздания и проблема антропного принципа // Неизреченное слово : мемориальный сборник, посвященный профессору А. Н. Портнову. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. С. 124—138.
4. Маклаков А. Г. Общая психология : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2012. 583 с.
5. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы / И. В. Дмитриевская, А. Н. Портнов, Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. 308 с. (Ноосферные исследования ; вып. 1—2).
6. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? URL: <http://www.psylib.org.ua/books/orteg01/index.htm> (дата обращения: 26.09.2015).
7. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М. : ИНФРА-М, 1998. URL: <http://psylib.org.ua/books/petya01/index.htm> (дата обращения: 04.10.2015).
8. Попов В. П., Крайнюченко И. В. Психосфера. Пятигорск : РИА-КМВ, 2008. URL: <http://holism.narod.ru/Psychosphere.htm> (дата обращения: 04.10.2015).
9. Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. № 1. С. 57—64.
10. Соколова И. Г. Ноосфера и психосфера: nous и psuche в трудах античных философов // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов научных конференций фестиваля студентов, аспирантов и молодых ученых, Иваново, 25—29 апреля 2011 г. : в 7 ч. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. Ч. 5. С. 157.
11. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2002. 776 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Toffler/_Index.php (дата обращения: 25.09.2015).
12. Фрагменты ранних греческих философов / под ред. А. В. Лебедева. М. : Наука, 1989. Ч. 1 : От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. 576 с.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла. URL: http://royallib.com/book/frankl_viktor/chelovek_v_poiskah_smisla.html (дата обращения: 25.09.2015).
14. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 304 с. URL: http://qame.ru/book/psychoanalisis/arhetip_i_simvol/arhetipisimvol.doc (дата обращения: 25.09.2015).

ББК 60.028.13

*Ю. В. Платонова***ПУТЕШЕСТВИЕ КАК СПОСОБ ПРИКОСНУТЬСЯ
К ИРРАЦИОНАЛЬНОМУ ГЛОБАЛЬНОМУ СОЗНАНИЮ:
НООСФЕРНО-УНИВЕРСУМНЫЙ ПОДХОД**

Рассматривается ноосферно-универсумный потенциал путешествий. Сделан вывод о том, что путешествия являются действенным фактором изменения индивидуального сознания человека и его восхождения по ступеням глобального сознания.

Ключевые слова: сознание, бессознательное, иррациональное, путешествия, универсум, мировоззрение, *genius loci*.

The article discusses the noospheric and universum potential of travelling. The author reaches the following conclusion about travelling: an effective factor in changing individual consciousness of human and its rising on the stages of global consciousness.

Key words: consciousness, unconsciousness, irrational, travelling, universum, world view, *genius loci*.

В эпоху глобализации международные связи и сотрудничество становятся все плотнее, информационные технологии и средства коммуникации активно развиваются день за днем, люди все больше путешествуют и все больше узнают о других народах и странах, различающихся культурой, обычаями, менталитетом и мировоззрением. Именно в этот исторический период ноосферно-универсумное видение мира проходит этап своего становления (см.: [1]), а глобальное сознание находится на пике своего роста (см.: [4]). Но существует и обратная сторона глобализации — это стандартизация национальных культур, размывание культурных границ и норм, устремление и возвращение наций к своим корням, фундаментальным культурным основам.

Традиционно путешествие рассматривается как образ жизни, как приключение, как источник новых впечатлений и вдохновения. В последние несколько лет также становится популярным взгляд на путешествие как «путь к себе», так называемый ретрит: группа единомышленников собирается в отдаленные от цивилизации места во главе со своим учителем, на протяжении всей поездки занимается различными психотехниками и йогой. Но в данной статье будет рассматриваться иной срез указанной проблематики, когда путешествие вписывается в канву глобального сознания, глобализационных тенденций духовного развития человека и человечества.

В ходе истории каждая нация расставляла свои акценты в коллективном бессознательном, выбирая для себя те архетипы, которые наиболее соответствовали ее национальному самосознанию. В этом срезе интересны исследования национальных образов мира Георгием Дмитриевичем Гачевым. Общая идея его работ заключается в следующем высказывании: «Подобно тому как человек есть троичное единство: тело, душа, дух (ум) — так и каждая национальная целостность представляет собой космо-психо-логос... т. е. единство местной природы (космос), национального характера (психея)

© Платонова Ю. В., 2015

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833.

• Серия «Гуманитарные науки»

и склада мышления (логос). Эти три уровня находятся в соответствии, но в отношении соответствия дополнительности друг друга» [3].

Однако есть исключения и из этой триады — еврейский и цыганский народы, не имевшие своей территории до недавних времен. Природа является постоянно действующим фактором, лежащим в основе формирования национального образа мира: «Здесь коренится арсенал и символов-архетипов: образность, литература и искусство, которые весьма стабильны» [3]. Так, для России — страны степей — наиболее характерен горизонтальный взгляд на мир, который выражается в культуре, в мифах, в музыке, в архитектуре, в речевых интонациях и т. д., он наиболее пластичен и более мягок, нежели, например, вертикальный взгляд на мир немцев с их взметающимися ввысь готическими соборами, резкими речевыми интонациями и фугами Баха. К установкам логоса Г. Д. Гачев относит не только экзистенциальные смысло-жизненные вопросы, но также особенности самих национальных языков, в том числе их словообразований и пр.: «Основные вопросы в уме — что? почему? зачем? как? кто? Для Эллады характерный вопрос — “Что это есть такое?” “Τίττο εἶ?” — важнейший для греков вопрос о бытии. “Почему?” — важнейший вопрос для немцев — “Warum?” Их интерес направлен к происхождению, к причине вещей. “Warum” — это они ищут глубину, корни древа бытия, залезают в “Was um”: Warum — это Was um, что вокруг. Мир предполагается состоящим из двух частей: я и не я, как это и в философии Фихте. И там это отношение Haus — Raum, дом — пространство, субъект — объект. А для французов тот же самый вопрос “Почему?” звучит “Pourquoi?” — “Для чего?”, значит, цель важнее причины. Во Франции цель (pour), в Германии причина — колоссальная разница. Немецкий логос роет происхождение, причины вещей, а французский — финалист — цель, для чего, отсюда у них и социализм, и французские теории прогресса, Руссо, Кондорсе, революция, Ламарк, Тейяр де Шарден, социальные утопии, Сен-Симон, Фурье, Конт... А что же будет основным вопросом для русских? <...> “Зачем?” лучше в русском варианте — “На кой?”... Это, конечно, иронично... Всякое целеполагание в России ущербно. Отсюда и патриотизм. Он без патриотизма не может, ему надо прислониться к сверхидее» [3]. Поэтому, изучая другие языки, человек расширяет свое мировоззрение и сознание, начинает видеть и осознавать мир через призму языка другого народа, он как бы окунается в архетипические основы словообразования.

Стоит отметить также, что в известном смысле сознание не имеет временных и пространственных характеристик, посредством него познаются, оцениваются и преобразовываются все другие виды реальности, включая само себя; меняя свое сознание, человек меняет свою реальность. Изменение сознания индивида зачастую бывает вызвано внешними факторами, способствующими возникновению инсайта, подобными факторами могут быть люди, события, места и многое другое. Восприятие человека наиболее обостряется в инородной среде, поэтому актуально будет рассмотреть тезис о том, что путешествия являются действенным фактором изменения индивидуального сознания человека и восхождения его по ступеням сознания глобального.

Иррациональные переживания способны вводить человека в измененные состояния сознания. Так, индивид, забравшийся на Эверест, увидевший всю красоту и мощь природы, или монах, находящийся на богослужении в тибетском ашраме, испытывает синергию, некий духовный и физический подъем, чувство вселенскости бытия. И данный опыт не проходит сиюминутно,

он влияет на всю дальнейшую жизнь человека даже в том случае, когда переходит в сферу подсознательного и бессознательного.

Восприятие индивидом своего места обитания в основном иррационально, ибо человек постоянно не фиксирует сознание на собственной геолокации, фокус его восприятия рассеян в окружающей среде. Но стоит его спросить, где именно он сейчас находится (город, улица, страна и пр.), то в доли секунды его восприятие своего места обитания станет рациональным, и когда актуальность заданного ему вопроса будет исчерпана, то оно вновь приобретет иррациональный характер.

В предисловии своей книги «Гений места» Петр Львович Вайль пишет: «Связь человека с местом его обитания — загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил — города. Их облик определяется гением места, и представление об этом — сугубо субъективно. Субъективность многослойная: скажем, Нью-Йорк Драйзера и Нью-Йорк О. Генри — города хоть и одной эпохи, однако не только разные, но и для каждого — особые» [2].

Гений места есть не что иное, как место, благотворно влияющее на человека, его жизненные силы, творческие способности, восстанавливающее внутреннюю гармонию и способствующее расширению сознания и возможностей человека. Наверное, у каждого есть свой *genius loci* — кому-то посчастливилось родиться и жить в этом месте, а кто-то находит его в путешествиях. Именно об этом и пойдет речь в данной статье.

Роберт Антон Уиллсон в своих работах писал о понятии «туннеля реальности», представляющего собой некое семиотическое пространство, в котором существует сознание человека. «Туннель реальности» также предстает как совокупность знаний и убеждений, приобретенных человеком в процессе социализации, в процессе его познания мира. Существует множество «туннелей», но человек мыслит лишь в четырех-пяти. Можно выделить различные виды «туннелей», например национальный (русский, индийский, китайский, сербский и т. д.), религиозный (православный, буддистский, мусульманский и т. д.).

Проблема в том, что человек, мысля категориями лишь своих «туннелей», видит только одну грань Универсума, который можно представить в виде тессеракта, а путешествуя, он расширяет спектр своих «туннелей», учится видеть мир сквозь призму мировоззрения и архетипы другого народа, тем самым открывая для себя новые грани Универсума и приобретая новое видение Вселенной и своего места в ней. Человек получает множество вариантов видения бытия, иными словами, он формирует «лабиринт реальности».

На мой взгляд, сейчас люди отправляются в путешествие для того, чтобы обрести вдохновение к жизни, к познанию себя и Универсума, чтобы найти свою точку гармонии, свой *genius loci* (пусть даже неосознанно). Один человек находит его в Италии, другой — в Берлине, третий — в деревне у любимой бабушки, и каждый из них возвращается из этих мест «другим человеком», обновленным, полным энергии и сил.

Так случилось, что свой *genius loci* я обрела на Северном Гоа в Индии — месте, облюбованном хиппи в 60-х гг. XX в., месте с незабываемыми закатами, добрыми, смеющимися людьми, месте, где чувствуются вибрации Вселенной и энергия Космоса. Еще одна встреча с гением места случилась у меня в Португалии на мысе Рока — самой западной точке всего

евразийского континента, «где земля кончается и начинается море» (как гласит надпись на маяке) и где чувствуешь всю красоту и величие природы и гармонию с ней. Каждый гений места открывает не то чтобы новую, но словно хорошо забытую старую грань личности и Универсума, окуная нас тем самым в иррациональные глубины океана ноосферы.

Исходя из этого, я прихожу к выводу о том, что *genius loci* — это не обязательно только одно место, их может быть и 10, и 30, и 170. Подобные чувства и перемены могут вызвать не только посещаемые места, но и люди, с которыми ты сталкиваешься в поездках, или за семейным ужином, или на заседании кафедры и которые способны открыть тебе дверь в новый «туннель реальности» или же просто принести добро и гармонию в твоё бытие.

Роберт Антон Уилсон также писал об огромном эволюционном потенциале межличностного общения: «Мы можем учиться у личностей, импринты и обучение которых позволяют им видеть, слышать и чувствовать такие вещи, которых мы раньше были приучены не видеть, не слышать и не чувствовать» [5, с. 93]. Таким образом, в процессе данной коммуникации обе личности обогащают свою картину мира, так как сталкиваются с иной трактовкой какой-то отдельно взятой части бытия и начинают видеть эту проблему в другом, отличном от обычного свете. И чем больше в жизни человека происходит подобных коммуникаций, тем более полно он познаёт ткань Универсума, очертания которого все более напоминают тессеракт, а не квадрат или отрезок. Стоит отметить, что наиболее сильное воздействие данный тип «обучения» оказывает, когда человек общается с представителем иной научной парадигмы, или иного этноса, или иной конфессии, с которыми мы чаще всего сталкиваемся именно в процессе путешествия.

Путешествуя, мы как бы окунаемся в общечеловеческое сознание и доходим до его иррациональных глубин, мы уже чувствуем себя не обособленными от мира и принадлежащими лишь одной стране, а частью великого и целого мира. Когда человек путешествует, он вбирает в своё сознание мировоззрения других этносов, тем самым возрастает его восприятие себя как «человека мира», «человека Вселенной», что, собственно, и является одной из основных черт космополитизма.

Путешествия значительно обогащают человека, влияют на его мировоззрение и мировосприятие. Так, человек, отправившийся в поход по Байкалу или Карелии, чувствует себя единым с природой и более глубоко познаёт не только её, но и себя в ней, а также начинает более остро ощущать свою связь с природой. Тут происходит развитие ноосферно-экологических императивов личности. Или человек, отправившийся в путешествие по далеким странам Востока, познавая их культуру, все больше понимает, что между всеми людьми гораздо больше сходств, нежели различий, он все больше проникается чувством единства со всеми людьми, живущими на планете; а вкуче все эти чувства приводят человека к универсумно-ноосферному видению мира и себя в нём.

«Многовариантность народов и их культур есть сокровище человечества, — пишет Гачев. — Подобно тому, как в симфоническом оркестре каждый инструмент имеет свой тембр, так и каждый народ одарен особым талантом видеть мир и сотворять вещи таким образом, который не свойственен народу-соседу. Таким образом, народы дополняют друг друга на планете...» [3].

Одной из главных черт ноосферного мировоззрения является достижение гармонии путем создания диалога между людьми разных культур, конфессий, этносов, научных парадигм и пр. В свою очередь, глобальное сознание

есть не что иное, как сознание взаимосвязи всего сущего, сознание Единства, поэтому можно констатировать, что путешествия являются действенным способом «прикоснуться» к глобальному сознанию, фактором развития ноосферно-универсального мировоззрения.

В завершение мы приходим к выводу об иррациональности психологического опыта, получаемого человеком в путешествии, ибо мировоззрение индивида меняется под воздействием эмоциональных факторов, которые по своей природе не поддаются рациональному обоснованию. В путешествии мир для человека начинает мыслиться и осознаваться как единоголобальный, переливающийся многогранностью своих национальных культур.

Библиографический список

1. Антонов Николай Павлович : философия сознания и ноосферы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.
2. Вайль П. Л. Гений места. URL: <http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/genij.txt> (дата обращения: 26.10.2015).
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : публичная лекция. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения: 26.10.2015).
4. Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность : философские проблемы ноосферного универсума / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1998. 244 с.
5. Уилсон Р. А. Квантовая психология : как вытащить себя за волосы и пройти сквозь стену. М. : София, 2012. 224 с.

ББК 87.228.1

А. А. Обрезков

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ЭНТРОПИЙНОСТИ ЯЗЫКА

Человеческий язык в целом, равно как и этнические языки, рассматривается в контексте его стремления к разупорядочиванию и упорядочиванию. Эксплуатируются элементы терминологии синергетики для демонстрации возможных последствий энтропийности и эктропийности языка в зависимости от степени искусственного воздействия на нормативную базу языка, его открытости либо относительной закрытости для внешнего воздействия.

Ключевые слова: язык, этнический язык, энтропия, эктропия, проприетация, идиоэтническая составляющая, метасистема, онтолого-семиотическое пространство, энтропийность, негэнтропийность, точка бифуркации.

The article regards both the language as a whole and ethnic languages in the context of their tendencies for disorder or order. The author applies the elements of synergetic terminology to demonstrate possible consequences of entropy or negentropy of a language depending on the degree of artificial influence on the normative foundation of the language, as well as its openness or closeness to outer impacts.

Key words: language, ethnic language, entropy, negentropy, proprietation, idioethnic part, metasystem, onthologic and semiotic space, entropiness, negentropiness, bifurkation point.

Одним из уровней рассмотрения языка как знаковой системы (совокупности знаковых систем или метазнаковой системы) является синергетический подход. Понятие энтропии в отношении языка применяется в совершенно различных контекстах, что вызывает недоумение представителей естественных наук и последователей теории информации, которые сокрушаются по поводу профанирования термина, введенного в научный обиход Рудольфом Клаузиусом. Но уж такова судьба и притягательность неординарных, свежих терминов, что они проприетизируются представителями разных сфер, как научных, так и околонаучных, метафоризируются и наполняются неким дополнительным семантическим содержанием.

Если вернуться к наукам о языке, то следует отметить, что энтропия здесь рассматривается на разных уровнях. Во-первых, данное понятие применяется в отношении единицы текста как мера ее информативности или неинформативности. В таком контексте рассматривают, например, поэтическое и даже музыкальное произведение, полагая, что оно также представляет собой своеобразный текст, поскольку любое музыкальное произведение есть синтаксис музыкальных элементов, образующих по определенным правилам некую гармонию, способную вызывать эмоциональные «смыслы». Во-вторых, понятие энтропии применяют в отношении языка в целом как сложной динамической неравновесной системы. В качестве примера можно привести мнение А. Соломоника. Он пишет: «В то время как в онтологических системах, согласно второму началу термодинамики, энтропия системы по мере изменения ее энергетических характеристик всегда увеличивается, знаковые системы развиваются в сторону уменьшения своей энтропии» [2]. Автор полагает, что негэнтропийность человеческих знаковых систем есть их имманентное свойство, а это ставит под сомнение, с одной стороны, справедливость их рассмотрения в терминах синергетики, опирающейся именно на второе начало термодинамики, с другой — саму возможность говорить об онтологии знаковой системы вообще и языка как одной из таких систем в частности. Данная позиция представляется слишком упрощенной и схематичной, так как она не учитывает такого важнейшего, на наш взгляд, обстоятельства, как неразрывное единство человеческих знаковых систем и их строителей, являющихся одновременно их хранителями и потребителями. В частности, говоря о вербальном языке как знаковой системе, необходимо принимать в расчет, что степень его энтропийности находится в прямой зависимости от регулирующих действий, предпринимаемых искусственным образом именно с целью его упорядочения, приведения в подобие системы, в соответствии с литературной (или полагаемой таковой) нормой для обеспечения преемственности и коммуникативной целостности языка. Под коммуникативной целостностью в данном случае понимается наличие, наряду с единым коммуникативным пространством, обусловленных социально-исторически и существующих в виде традиций либо в виде определенного рода предписаний сводов норм и правил того или иного языка. Чем больше работающих инструментов контроля за следованием подобным предписаниям или соблюдением традиций, тем меньше вероятность увеличения энтропии того или иного языка. И наоборот, слабые усилия по поддержанию коммуникативной целостности языка или полное отсутствие таковых неизбежно приводят к энтропийности языка.

Последствия энтропийности или негэнтропийности языка могут быть самыми разными. Уменьшение энтропии знаковой системы означает, с одной

стороны, уменьшение степеней ее свободы, ведущее к увеличению жесткости и меньшей открытости, с другой — минимизацию вероятности негативных флуктуаций и, как результат, приведения их критической массы к точке бифуркации. Вместе с тем уменьшение энтропии языка может иметь следствием постепенную компактификацию, систему в себе, а в итоге — своеобразную смерть ввиду исчерпанности ресурсов самопроизвольного развития за счет хотя бы частичного вливания «свежей крови». Однако на определенном этапе, достигнув критической минимальной точки энтропии, система может либо обрести новое качество, став основой для некоторой новой системы с большим количеством степеней свободы, либо, наоборот, распасться на несколько более мелких систем, открытых для изменений и эволюции. К примеру, латинский язык, перестав быть востребованным и исчерпав ресурсы для своего развития, превратившись, по сути, в закрытую систему, воплотился в той или иной степени в нескольких этнических языках, которые сегодня называют романскими. При этом тот же латинский язык вдохновил многих лингвистов от Галена до Д. Пеано на создание апостериорных лингвопроектов на основе его упрощения.

Увеличение энтропии, на первый взгляд, ведет к увеличению степеней свободы и вследствие этого — повышению варибельности, гибкости, обуславливающему большую открытость. Логично предположить, что чем менее система обременена различными предписаниями, правилами и нормами, тем она более открыта, адаптивна к изменяющейся семиотической и онтологической действительности. Однако нарастание энтропии чревато также определенными негативными последствиями для языка. Чрезмерная открытость и отсутствие (или недостаточность) внутренней организации, хотя бы за счет неких искусственных мероприятий, может привести к постепенному растворению языка вследствие влияния более агрессивной окружающей системы среды. Так происходило со многими языками малых народов в Советском Союзе, которые были буквально вытеснены достаточно агрессивным русским языком. В настоящее время подобное происходит в мировом масштабе, когда законодатель мод — международный английский язык постепенно делает нерелевантными в отношении интернациональной коммуникации более слабые языки, превращая их в языки «второго сорта». Но при этом и сам английский язык «несет потери». Нарастание энтропии английского в силу его интернационализации приводит, во-первых, к отказу от определенной, обусловленной исторически идеоэтнической составляющей, во-вторых, к постепенной симплификации и даже примитивизации с целью облегчения международной коммуникации и в итоге — к некоторой профанации языка. Стремление носителей английского языка добиться его превосходства на мировой арене и предпринимаемые в этом направлении усилия в конечном счете могут обернуться полной интернационализацией языка и смертью его как средства самоидентификации (аутентификации) того или иного этноса, превращением его в нейтральный, ничейный язык, подобный эсперанто.

Таким образом, степень энтропийности языка как открытой системы, находящейся в состоянии постоянного динамического дисбаланса, во многом зависит от регулирующих действий со стороны сообщества его носителей, в то время как без подобных искусственных мероприятий энтропийность языка становится его имманентным свойством, о чем свидетельствует ежегодное угасание десятков и даже сотен языков малых народов и племен (так называемых *indigenous peoples*), не выдерживающих конкуренции с менее энтропийными языками.

Следует иметь в виду и такую особенность эволюции языка, как центробежные процессы внутри метасистемы. Если первоначальная манифестация языка предполагала параллельное включение нескольких каналов передачи и приема информации, то по мере все большего приближения к «цивилизованности» постепенно происходила и продолжает происходить дискретизация этих самых каналов с их превращением в относительно самостоятельные подсистемы. Языки музыки (мелодики), тела, образов, символов все больше отдаляются от центра — вербального языка, который некогда был цементирующей силой. Теперь же, не без помощи научно-технического прогресса, в частности, в области средств обработки, передачи и приема информации и усилий лингвистов, упорно изучающих лишь вербальную сторону языка, он позиционируется в качестве некоего самостоятельного и независимого от своих генетических истоков феномена. Однако достаточно задуматься: что бы мы делали, если бы не было интонационно-экспрессивного богатства языка, имеющего генетическое родство с музыкой (мелодикой); как бы люди обходились без помощи телесной экспрессии, неизменно сопровождающей вербальную коммуникацию (даже при телефонных разговорах); как бы ученые разных областей науки находили взаимопонимание по важнейшим проблемам без интернациональных систем символов, производных от вербального языка, — чтобы понять, что реальный, живой вербальный язык немислим без сопровождения его в той или иной форме невербальными проявлениями. В данном контексте уместным будет вспомнить слова П. Флоренского: «...в каждом роде языка зачаточно обнаруживаются и все прочие роды. Так, говоря, мы и жестикулируем, т. е. пользуемся языком движений тела, и меняем выражение лица — язык мимики, — и склонны чертить идеограммы, если не карандашом на бумаге или мелом на доске, то хотя бы пальцем в воздухе — язык знаков — и вводить в речь момент вокальный — язык музыкальных сигналов, — и посылаем оккультные импульсы — симпатическое сообщение, телепатия, — и т. д. Даже поверхностный психофизический анализ наших реакций обнаруживает наличность этих и многих других произвольных действий, сопровождающих одну из них, любую, производимую сознательно... Иначе говоря, есть собственно только один язык — язык активного самопроявления целостным организмом и единый только род слов — артикулируемых всем телом» [3, с. 290].

Язык необходимо рассматривать именно в комплексе его проявлений, прилагая скоординированные усилия множества ныне обособленных дисциплин, к чему призывает синергетика. Пока же происходит самое настоящее нарастание энтропии, центробежные процессы в языке как метасистеме грозят в итоге заключить человека в кокон вербальности и превратить его в «информационный сухарь», эволюционное звено к состоянию биоробота, полагающего все экстравербальное излишним и недостойным внимания. Так, А. Н. Портнов замечает: «...знаки невербальной коммуникации, сопровождающие вербальный речевой акт, во-первых, представляют собой следы предшествующей коммуникативной системы, которой пользовались предки человека, во-вторых, необходимы для нормального функционирования речевого общения. <...> В некоторых регионах мира жесты не просто сопровождают речевое общение, но являются его важной составной частью, без которой процесс общения не мыслится, либо приобретают характер особого коммуникативного средства, используемого в определенных ситуациях» [1, с. 11, 12].

Рискнем предположить, что язык как комплексное явление, как метасистема, манифестируемая через несколько работающих параллельно либо последовательно каналов передачи и восприятия информации, так же как и онтологические системы, может характеризоваться увеличением энтропии. В силу того что человек и его язык составляют единое онтолого-семиотическое пространство, любые флуктуации на онтологическом уровне проявляются на уровне семиотическом и наоборот. Искусственные усилия, предпринимаемые человеком в отношении вербального языка с целью его упорядочения и рационализации и языковых средств с целью их максимальной оптимизации, приносят лишь временные плоды, на самом деле все больше увеличивая зависимость цивилизованного человека от искусственного компонента языка и приближая его вместе с языком к некой точке бифуркации. В случае проявления мудрости в результате прохождения такой точки может возникнуть шанс приближения к гармонии, с одной стороны, между человеком и его языком, с другой — всего прочего онтолого-семиотического мира, над которым сегодня себя поставил человек. В противном же случае нельзя исключить такую точку перехода, после которой ни в одном из вариантов развития событий не будет уже места ничему живому.

В заключение необходимо отметить, что приведенные в статье размышления не претендуют на научную достоверность, а призваны, скорее, заставить задуматься об истинной, гораздо более богатой, нежели принято полагать, природе человеческого языка и отношении к нему его главного производителя, хранителя и потребителя, его нерадивого хозяина и непутевого слуги — человека разумного.

Библиографический список

1. *Портнов А. Н.* Язык, мышление, сознание / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1988. 91 с.
2. *Соломоник А.* Позитивная семиотика : (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности). М. : OIMRU, 2000. URL: <http://www.oim.ru> (дата обращения: 28.09.2015).
3. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. М. : Правда, 1990. 447 с.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ОНТОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА К 75-летию юбилею профессора А. В. Ерахтина

Когда смотришь на целенаправленное и последовательное уничтожение современного провинциального университетского образования людьми, желающими выжать из платного образования максимально возможное, невольно вспоминаешь эпоху университетского строительства 1970-х гг., когда всем показывали макет университетского городка, приглашали из ближних и дальних вузов докторов и профессоров, увеличивали число факультетов и кафедр. В это время и появился в Ивановском государственном университете Арнольд Валентинович Ерахтин, которого пригласил профессор Н. П. Антонов, увидевший возможность усилить научную школу, занимающуюся исследованием философских проблем сознания.

У заведующего кафедрой Николая Павловича Антонова было великолепное чутье на людей. Его крестьянская жилка и военное прошлое позволяли понимать сущность человека при личной встрече. С его легкой руки на кафедре появился, пожалуй, самый организованный и работоспособный философ. Школа молодого лектора, руководителем которой в течение десяти лет был наш юбиляр, никогда после него больше не будет пользоваться таким успехом и не будет так востребована. Но главное, конечно, не общественная, а серьезная учебная и научная работа. «Сделанность» лекции, научного доклада, статьи, выступления на диссертационном совете, ученым секретарем которого А. В. Ерахтин был в течение долгого времени, — результат кропотливой и самоотверженной работы за рабочим столом с неизменной перьевой ручкой в руках. Арнольда Валентиновича всегда можно узнать по настоящему профессорскому портфелю, который и сейчас вмещает больше, чем современный ноутбук, и всегда содержит то, что необходимо в данный момент. В смутное время, когда происходила смена парадигм в общественной и личной философии, Арнольд Валентинович руководил нашей весьма противоречивой кафедрой, а после защиты докторской ушел на укрепление кафедры философии тогда еще «братского» вуза.

Уже выйдя на пенсию, но продолжая сотрудничать с кафедрой философии Ивановского государственного университета, профессор А. В. Ерахтин демонстрирует настоящую античную закалку, характерную для многих древних философов: беговая дорожка, бассейн, тренажеры — обязательный джентльменский набор человека из советского прошлого с его представлениями о всесторонне развитом человеке. Философ постперестроечной эпохи должен быть крепким, чтобы сохранять душевное и духовное равновесие, чтобы не обращать внимания на выходки школяров, не привыкших считать философию достойным предметом и оставляющих в виртуальном мусорном

пространстве записи типа «что-то мне не нравится твоя философия». Философия — не девушка, имеет право не нравиться современным молодым «материалистам», с которыми Арнольд Валентинович, сам материалист, никогда не согласится по большому числу вопросов — уж слишком сильно отличается материализм диалектический от потребительского материализма, который правит бал в головах некоторых современных «бакалаврантов», больше похожих на «бокалофрантов».

Умение обходиться с нынешними «клиентами» от образования (как иногда кажется со стороны) связано с проблемой различия мышления животных и мышления человека, которой А. В. Ерахтин очень плодотворно занимался с профессором А. Н. Портновым — соавтором нескольких книг и статей. Конечно, научное сотворчество Арнольда Валентиновича и Александра Николаевича не похоже на сотрудничество любимых в свое время на кафедре философии К. Маркса и Ф. Энгельса, но синергетический эффект от такого взаимодействия весьма существен, ибо дал кафедре докторов нового постантоновского поколения, которые позднее встали у руля самого большого достижения провинциальной философской науки — совета по защитах кандидатских и докторских диссертаций.

Эволюция сознания продолжается, и философия в этом процессе и сейчас играет не последнюю роль. Визитная карточка философского диссертационного совета — предельная требовательность и в то же время дружелюбное отношение к соискателю — обеспечила большой авторитет «портновско-ерахтинскому диссовету» в нулевые годы, который ныне эффективными менеджерами от симулякр-образования признан неэффективным, но не пошел на поводу у поощрителей «диссер-нет-ной» научной работы. Стиль нормальной научной работы ивановских философов складывался постепенно, усилиями нескольких поколений, и будем надеяться, что он сможет оказать свое влияние на будущее России и ее образовательной системы.

В научной работе Арнольд Валентинович чем-то похож на представителей немецкой классической философии: прежде чем выдать «на гора» научную продукцию, он, как шахтер, перелопачивает огромное количество пустой породы. Онтология сознания, которой он занимается в течение нескольких десятков лет, стала важнейшей частью философии сознания, и современная философская ивановская традиция в значительной степени продуцирует новые идеи (онтология личности, онтология ноосферы) благодаря открытой юбиларом философской двери.

Сейчас профессор А. В. Ерахтин, являясь членом Президиума Российского философского общества, руководит Ивановским отделением РФО — сплоченным коллективом молодых и не очень мыслителей, которые занимаются различными научными проблемами, но стараются дружить, образуя сознаниевый универсум, достойно представляющий региональную философию на российском пространстве.

Пожелаем Арнольду Валентиновичу Ерахтину крепкого здоровья, бодрости духа, творческих успехов и благополучия в его интеллектуальных стараниях на благо нашей страны, никогда не теряющей оптимистического философского духа.

Г. С. Смирнов

ПАМЯТНЫЕ СТРАНИЦЫ

ХОЗЯЙКА НООСФЕРНОГО ЛИЦЕЯ Памяти В. Г. Сухаревой

Девяностые годы прошлого века были не только временем великой криминальной революции, но и эпохой небывалого образовательного творчества. Одним из прорывных и перспективных направлений постперестроечной образовательной свободы стало российское ноосферное образование. В нашей области пионером этого движения в системе школьного и лицейского образования была недавно ушедшая от нас В. Г. Сухарева.

Вера Григорьевна Сухарева, директор школы-лицея № 6 г. Иванова, сумела организационно оформить создание первого ноосферного лицея в Ивановской области, подписав договор о творческом научно-методическом сотрудничестве с Ивановским государственным университетом. Создание учебно-научно-методического комплекса на базе школы-лицея и университета было поддержано ректоратом вуза и рассматривалось как перспективное направление коммуникативной смычки общего и высшего образования в нашей стране. Опыт показал, что такая работа давала впечатляющие результаты, пока государственная политика в сфере образования ориентировалась на аутентичные российские модели развития личности школьника и студента.

Выпускница филологического факультета Ивановского государственного педагогического института В. Г. Сухарева удивительным образом совмещала в себе принципиально несовместимые качества человека старой советской эпохи — с его жесткостью морализма и организационным тоталитаризмом — и человека новой, постперестроечной России — с его нарастающим релятивизмом и «странными аттракторами» личностного творчества. Главным стремлением Веры Григорьевны в условиях диссипации идей и ценностей стал поиск общегуманистической формулы социалистической и коммунистической идей, на которых было воспитано поколение «классических» советских людей. В течение почти десяти лет (1995—2005), наблюдая работу учительского коллектива во главе с В. Г. Сухаревой, я замечал, как постепенно формировалось антропологическое измерение ноосферной школы, которое в конечном итоге выразилось в отчасти заимствованной, отчасти лично детерминированной формуле образовательной транзитивности: «совершенный человек — совершенная семья — совершенное общество».

Именно такой пафос был положен в основу оригинального антрополого-гуманистического курса, который был создан Верой Григорьевной для школьников средней и старшей ступеней. В одном из своих традиционных выступлений перед коллективом школы ею было сформулировано и главное диалектическое противоречие современного общественного развития (которое не перестает быть актуальным и в наше время) — «как можно сформировать совершенного человека в несовершенном обществе». Такая постановка педагогической проблемы свидетельствовала о пересмотре основных постулатов тоталитарной педагогики примитивного социалистического общества и переходе к парадигме личностного воспитания. Эту задачу Вера Григорьевна решала средствами любимой ею русской литературы. Складывалось такое впечатление, что доминанта воспитания русским языком и русской литературой проявлялась даже в подборе состава завучей.

Формулы любви к природе, своей стране, своей семье, самому себе рождались как глубокое понимание влияния русской литературы на человеческие души. Этот гуманитарный гуманизм и был, очевидно, главным пафосом по-особому скроенного ноосферного образования в «сухареvском лицее». Вместе с тем Вера Григорьевна была весьма самодостаточным, требовательным и принципиальным человеком, что подчас делало взаимоотношения с ней довольно напряженными. Особенно трудно было не соглашаться с ней, она сама приводила множество аргументов, долго и терпеливо выслушивала доводы против, и если ей приходилось соглашаться и менять свою точку зрения, то Вера Григорьевна обычно ссылалась на то, что «науку надо слушать» (что совсем не означало, что она не сделает по-своему). Она была человеком, мудрость которого не ограничивалась формами рациональности, а опиралась на огромный жизненный опыт и пронизательную интуицию, которые в России и составляют главный фактор выживания и успешной деятельности: хитрая мудрость всегда слабее мудрости жизненной — уступить, чтобы добиться своего в условиях, когда «начальник всегда прав». Может быть, поэтому она уважала «людей с изюминкой».

Однажды в 1997 г. после лекции, посвященной экологическим проблемам в стране и мире (это была встреча с удивительным человеком — профессором Владимиром Михайловичем Черкасским), школе были подарены саженцы знаменитого сибирского кедра. Энтузиазм учителей и школьников во время посадки этих деревьев во дворе школы отразился в «былинном речитативе»:

Как сажали мы лиственницы, а числом их пять,
Как копали мы ямы возле школы номер шесть.
И светило солнце яркое во дворе, чисто прибранном,
Как приехал дед-мудрец Володимир Михайлович.
Брал он заступ востроточенный, засыпал корни землею бережно,
Как читал стихи вокруг, как учил уму-разуму.
Поливали водой из бадей-ведер, гомонили все на весь школьный двор.
Да растут пусть деревья те, да не будь в душе места пустоте...

Правда, когда пришел новый учебный сентябрь, оказалось, что деревья выкопал и увез какой-то недобросовестный человек. Тогда не думалось, что подобная судьба будет ожидать и ноосферное начинание отечественных педагогов в интенсивно реформируемом по еврокалькам российском провинциальном образовании... С той поры стала понятна любимая присказка Веры Григорьевны: когда что-то «накрылось медным тазом», то это не имело отношения к химии.

Самым запоминающимся общешкольным мероприятием, которое инициировала Вера Григорьевна, нелицемерно интересовавшаяся философией, была встреча в лицее в рамках международного Дня философии: тогда в школу пришла кафедра философии Ивановского государственного университета почти в полном составе. Откровенный и живой разговор преподавателей с молодежной аудиторией, который вел профессор А. Н. Портнов, всегда отличавшийся прямотой оценок и энциклопедичностью знаний, оказался интересным не только школьникам и учителям, но даже самим «кафедралам». Оказалось, что такая встреча полезней в образовательном и мировоззренческом плане, нежели некоторые формальные и неоригинальные школьные мероприятия. К сожалению, эти формы «открытого и свободного образования» впоследствии не стали традицией. «Егэя» постепенно победила «Пайдейю».

Десять лет лицейского ноосферного творчества были счастливым временем развития новой духовно-образовательной жизни: несмотря на дефолты, социальные катаклизмы, внутришкольные конфликты, в лицее сохранялась особая атмосфера учительского сотворчества и взаимопонимания. Поездки к учителям из Боровской ноосферной школы, в Москву на масловский семинар по ноосферной педагогике создавали постепенно коллектив единомышленников, который в конечном итоге и определяет фундаментальный смысл школьного образования и воспитания.

Раз в месяц в школе проводились лекции и практические занятия, на них учителя сначала ходили с неохотой, а затем втянулись и даже стали проявлять личностную заинтересованность, без которой невозможно было бы проводить школьные секции и встречи с крупными российскими учеными в рамках таких научных конференций, как «Ноосферная парадигма образования: от лицея к университету» (1997), «Ноосферная идея и будущее России» (1998), «Ноосферное образование в России» (2001), «Реалии ноосферного развития» (2003).

Когда оборачиваешься назад и смотришь на «уходящую натуру», понимаешь, что в школе и вузе должны быть все-таки яркие педагогические личности, а не эффективные менеджеры по финансовым оптимизациям, что компьютер никогда не заменит живого человека со всеми его достоинствами и недостатками.

В историю ивановского общего образования «педагогическая поэма» и трудная судьба Веры Григорьевны Сухаревой войдут именно как подвижничество в деле создания первого в Ивановской губернии ноосферного лицея, который показал возможности и пути развития биосферно-ноосферного видения мира и до некоторой степени стал прообразом глобального гуманистического образования с пафосом российской и региональной идентичности.

Г. С. Смирнов

Сведения об авторах

АНЦЫФЕРОВА доктор филологических наук, профессор
Ольга Юрьевна кафедры зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
olga_antsyf@mail.ru

БАЛДИН доктор исторических наук, профессор,
Кирилл Евгеньевич заведующий кафедрой истории России,
Ивановский государственный университет.
kebaldin@mail.ru

ГРИГОРЯН доктор филологических наук, профессор,
Ашот Арамович декан факультета романо-германской филологии,
Ивановский государственный университет.
yerkat@yandex.ru

ГРИЩЕНЮК соискатель кафедры философии,
Ирина Георгиевна Ивановский государственный университет.
philosivgu@yandex.ru

ДАГЛДИЯН преподаватель гимназии № 14,
Арташес Хоренович г. Санкт-Петербург.
arta6@yandex.ru

ИЛЬИН доктор исторических наук, профессор
Юрий Александрович кафедры новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
Pyin37@mail.ru

КАПУСТИН доктор филологических наук, профессор кафедры
Николай Венальевич русской словесности и культурологии,
Ивановский государственный университет.
nkapustin@mail.ru

МАЯКИНА кандидат филологических наук,
Марина Александровна доцент кафедры английского языка,
Ивановский государственный университет.
marina_mayakina@mail.ru

НИКИФОРОВ аспирант кафедры философии, Ивановский
Александр Сергеевич государственный университет.
stay88@yandex.ru

ОБРЕЗКОВ кандидат философских наук, доцент кафедры
Андрей Анатольевич иностранных языков и профессиональной
коммуникации, Ивановская пожарно-
спасательная академия ГПС МЧС России.
obran@rambler.ru

ОВЧИНИНА доктор филологических наук,
Ирина Алексеевна профессор Межвузовского центра
гуманитарного образования,
Ивановский государственный университет.
ovchn@yandex.ru

ПАСТУХОВА кандидат филологических наук,
Елена Николаевна доцент кафедры английской филологии,
Ивановский государственный университет.
pp98oo@mail.ru

ПЛАТОНОВА аспирантка кафедры философии,
Юлия Витальевна Ивановский государственный университет.
nastia_b90@bk>ru

СМИРНОВ доктор философских наук,
Григорий профессор кафедры философии,
Станиславович Ивановский государственный университет.
gssmirnov@mail.ru

СМИРНОВА кандидат социологических наук, доцент кафедры
Инна Николаевна социологии и управления персоналом,
Ивановский государственный университет.
kodina_inna@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2015. Вып. 3 (8). Филология. История. Философия**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина,*
В. А. Киселева, М. В. Серебрякова
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 17.11.2015 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 100 экз. Заказ № 257. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (0932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru